16 5/88

ОТЕКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
ЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ С. И. ГИНТОВТА

16 5/88

А. М. САВЁЛОВЪ

# ОТЪ БОСФОРА КЪ ПИРАМИДАМЪ

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО МОСКВА

С 37/11

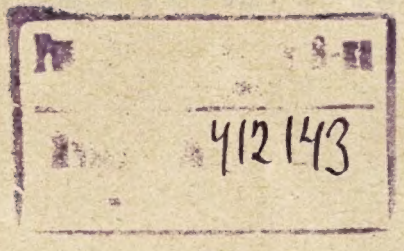
БИБЛІОТЕКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ.
Подъ общей редакціей С. И. ГИНТОВТА.

16 5/88

**Л. М. Савёловъ.**

# ОТЪ БОСФОРА КЪ ПИРАМИДАМЪ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.
МОСКВА—1916 г.


412143

МОСКВА—1916.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій п., 11.

СВ 7
17

# I.

# ОТЪ МОСКВЫ ДО БОСФОРА.

I.

## Отъ Москвы до Босфора.

„Навстрѣчу птицамъ перелетнымъ
На дальній югъ стремились мы
Изъ царства сѣверной зимы
Къ весны предѣламъ беззаботнымъ".
*К. Р.*

Прозвучало послѣднее прощальное привѣтствіе, и нашъ поѣздъ медленно отошелъ отъ московскаго Брянскаго вокзала. Итакъ — въ Египетъ. Онъ кажется такимъ далекимъ, далекимъ; становится какъ-будто даже и жутко.

Обычно у русскихъ существуетъ одна проторенная дорожка — на западъ, въ Европу. Намъ хорошо извѣстны Берлинъ, Парижъ, Ницца и различные нѣмецкіе курорты, куда мы ѣздимъ подлѣчиваться и отдыхать, или просто пожуировать, и дѣлаемъ это уже въ теченіе двухъ столѣтій, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда черезъ прорубленное Великимъ Петромъ окно увидали, что на свѣтѣ есть много мѣстъ, гдѣ можно пріятно провести время, но такъ какъ окно это выходитъ на западъ, то только на западъ мы и ѣздили. Но, грѣшный человѣкъ, я долженъ сознаться, что меня этотъ западъ, безмѣрно аккуратный и прилизанный и смотрящій слишкомъ ужъ трезво на жизнь, никогда не привлекалъ; наоборотъ — востокъ манилъ къ себѣ своей таинственностью, красочнымъ колоритомъ своей жизни, а Египетъ не только манилъ, но и волновалъ мое воображеніе.

Прислушиваясь къ монотонному стуку колесъ и пыхтѣнію паровоза, мчавшаго насъ въ темную даль мартовской ночи, невольно всѣ мысли направлялись къ берегамъ старика Нила, о которыхъ такъ мало въ сущности мы знаемъ, и представленіе о ко-

торыхъ сливается съ воспоминаніями объ учебныхъ годахъ, когда приходилось учить о прекрасномъ Іосифѣ, о казняхъ египетскихъ, о Моисеѣ и тому подобныхъ вещахъ и лицахъ, и теперь, когда я ѣхалъ въ эту далекую страну, мнѣ невольно приходили на умъ эти страницы изъ исторіи ветхаго завѣта, говорившія намъ о почти легендарномъ прошломъ страны Фараоновъ. Ночью мнѣ все снились тощія коровы, которыя пытались меня съѣсть, но мнѣ удавалось отъ нихъ удрать, при чемъ каждый разъ я стукался головой о сѣтку и просыпался.

Утромъ взглянулъ въ окно, поля открыты, только въ ложбинахъ задержался еще снѣгъ. Солнце не только свѣтитъ, но и грѣетъ, весна начинаетъ понемногу вступать здѣсь въ свои права, и весна не наша, московская-полицейская, а настоящая —свѣтлая и радостная, Богомъ данная. Въ полдень были въ Конотопѣ, термометръ показывалъ въ тѣни 11°, въ 5 часовъ вечера пріѣхали въ Кіевъ. До отхода поѣзда на Одессу оставалось нѣсколько часовъ, которые мы съ дочерью, бывшей первый разъ въ Кіевѣ, посвятили на бѣглый внѣшній осмотръ города, при чемъ большую часть времени просидѣли около памятника св. Владиміра и любовались чудной панорамой Днѣпра въ его разливѣ. Только видя его въ это время, можно понять восхищеніе Гоголя,— дѣйствительно: „чуденъ Днѣпръ... глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла... Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ...“

„И яркимъ золотомъ и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья;
Надъ разыгравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струилися отъ волнъ и травъ благоуханья“.
*(Фетъ).*

Когда мы сидѣли на Владимірской горкѣ, надъ нами появился Блеріо; кто бы могъ тогда подумать, что не пройдетъ пяти мѣсяцевъ, какъ ему придется летать не надъ мирнымъ Днѣпромъ, а надъ вражескими городами.

Начали спускаться сумерки, зажглась на небосклонѣ яркая звѣздочка, приходилось подумывать о возвращеніи на вокзалъ. Въ 10 часовъ нашъ поѣздъ отошелъ отъ Кіева.

Одесса встрѣтила насъ довольно-таки непривѣтливо, было пасмурно, накрапывалъ дождь, но, къ нашему удовольствію, про-

должалось это недолго, къ полудню погода разгулялась, показалось южное, весеннее солнце, и термометръ быстро поднялся до 16° въ тѣни. На улицахъ масса народу, все въ движеніи, свѣтлое, радостное, и не хочется даже вспоминать, что всего два дня тому назадъ, въ Москвѣ, было холодно, сыро, грязно, непривѣтливо. Говорятъ — хорошо на сѣверѣ, но кто побывалъ на югѣ, тотъ врядъ ли это скажетъ. Тамъ туманъ, сырость и слякоть, бронхиты, насморки, а здѣсь тепло, свѣтъ, ясное, голубое небо. Тамъ природа большей частью хмурится, заставляя хмуриться и человѣка, изрѣдка только она улыбнется, а здѣсь, если она и нахмурится когда-нибудь, то лишь для того, чтобы еще болѣе затѣмъ поразить тепломъ и привѣтомъ.

Хороша и Одесса. Это—вполнѣ европейскій городъ съ широкими, красивыми улицами, съ массой великолѣпныхъ зданій, среди которыхъ можно отмѣтить новую биржу, городской театръ, почтамтъ, зданіе музея. Но лучше всего, конечно, это южное солнце, голубое небо и безбрежное темно-синее море. Хорошо оно и тогда, когда, какъ зеркало, покорно лежитъ у вашихъ ногъ, маня своимъ спокойствіемъ и отражая въ себѣ всѣ бѣлыя облачка, изрѣдка появляющіяся на свѣтломъ небосклонѣ; хорошо, если еще не лучше, и тогда, когда оно со злобой налетаетъ на прибрежные утесы и на всемъ своемъ видимомъ пространствѣ покрыто водяными валами, идущими безпрерывно одинъ за другимъ... Но сегодня оно покойно, и далеко, далеко виднѣется бѣлый парусъ, сегодня ему нестрашенъ этотъ мирно спящій гигантъ. Но надолго ли, какъ будетъ онъ вести себя завтра, когда мы сядемъ на пароходъ?

Заручившись каютами на пароходѣ Русскаго Общества „Николай I“, который отходилъ на другой день въ 12 часовъ утра, мы остатокъ дня посвятили на осмотръ города и крайне интереснаго музея общества Исторіи и Древностей при Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ собрано очень много вещей изъ раскопокъ на югѣ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, была масса колоній греческихъ и генуэзскихъ.

Насталъ, наконецъ, и день нашего отъѣзда изъ Россіи. Въ 8 часовъ утра я отдернулъ занавѣсъ, и, о ужасъ, вмѣсто синяго моря, голубого неба и яснаго дня я увидалъ сѣрое небо, свинцовое непокойное море и нашъ сѣверный осенній день съ его мелкимъ,

холоднымъ, пронизывающимъ до костей, дождемъ. Природа хотѣла точно, чтобы въ насъ не оставалось никакой жалости къ покидаемой нами родинѣ и рѣшила на прощаніе обдать насъ холодомъ и дождемъ.

Въ 10 часовъ утра двинулись мы на автомобилѣ въ Карантинную гавань, гдѣ стоялъ нашъ пароходъ. Было отчаянно холодно и сыро. Въ гавани — обычная сутолока. Послѣ совершенія необходимыхъ формальностей, мы, наконецъ, вступили на палубу „Николая I", который по благоустройству и комфорту оказался выше всякихъ похвалъ и оставилъ далеко за собой „Чихачева" и „Королеву Ольгу" *), совершавшихъ до этого времени александрійскіе рейсы и знакомыхъ мнѣ по прежнимъ моимъ поѣздкамъ. Было 12 часовъ 10 минутъ, когда былъ данъ третій гудокъ и раздалась команда убрать трапъ и отдать концы. Заработала машина, и „Николай" медленно сталъ отдѣляться отъ пристани.

Выбравшись изъ заставленной судами гавани, мы, пройдя мимо портовыхъ маяковъ, вступили въ открытое море. Сѣрое и непривѣтливое встрѣчало оно насъ, обѣщая скверный переходъ, но мы утѣшали себя, что черезъ сутки мы войдемъ въ Босфоръ и тамъ, конечно, вновь увидимъ голубое небо и сбросимъ съ себя драповыя пальто, которыя мы вынуждены были надѣть. Не успѣли мы выйти въ море, какъ Одесса скрылась отъ насъ среди тумана и дождя, и публика безъ всякаго сожалѣнія покинула палубу и отправилась завтракать. Мы съ дочерью оказались за маленькимъ столикомъ, гдѣ, кромѣ насъ, сидѣла дама и молодой человѣкъ, повидимому, принадлежавшій къ дипломатическому корпусу и ѣхавшій въ Аѳины. Мы рѣшили, что это мать съ сыномъ. Въ теченіе этого завтрака мы приглядывались другъ къ другу, но за обѣдомъ уже встрѣтились какъ знакомые, а къ Смирнѣ оказались уже въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Къ 3 часамъ дня туманъ сталъ такъ усиливаться, что пришлось все время идти съ тревожными гудками, непріятно дѣйствовавшими на нервы; продолжалось это до 6 часовъ, когда туманъ разсѣялся, но было все такъ же холодно, вѣтрено и моросилъ дождь, точно мы шли не Чернымъ моремъ, а болтались въ Финскомъ заливѣ. Къ вечеру вѣтеръ усилился, и нашъ пароходъ, не-

*) Захваченную теперь турками.

смотря на свои внушительные размѣры, заклевалъ носомъ. У многихъ пассажировъ сдѣлалось на душѣ грустно, и они начали быстро исчезать въ своихъ каютахъ. Качало изрядно всю ночь и только къ утру стало тише.

Было около 8 часовъ утра, когда я вышелъ на палубу; было свѣжо, но солнце освѣщало волновавшуюся еще поверхность воды. Юга еще не чувствовалось. „Николай“, слегка вздрагивая, плавно направлялся къ югу навстрѣчу теплу и солнцу. Часовъ въ 11 показалась полоса берега, черезъ нѣсколько времени въ полевой бинокль можно было разглядѣть входъ въ Босфоръ, раздѣляющій Европу отъ Азіи. „Николай“ быстро приближался къ берегу, съ правой стороны, на европейскомъ берегу, показались развалины старой крѣпости, румелійскій маякъ, и, наконецъ, простымъ уже глазомъ можно было разсмотрѣть проходъ въ Босфоръ. Еще нѣкоторое время, и мы вступаемъ въ тихія воды Босфора. Справа, на европейскомъ берегу, расположился Румели-Фанаръ, налѣво, на азіатскомъ,— Анатоли-Фанаръ. Есть ли въ мірѣ мѣсто красивѣе Босфора, я лично такового не знаю.

Вы идете узкимъ проливомъ съ высокими берегами. Въ густой темной зелени стройныхъ кипарисовъ прячутся ряды селеній, отдѣльныя дачи, и чѣмъ ближе приближаешься къ Константинополю, тѣмъ ихъ больше и тѣмъ онѣ красивѣй. Какъ въ калейдоскопѣ проходятъ мимо васъ: Мезаръ-Бурну, т.-е. могильный мысъ, послѣ котораго Босфоръ нѣсколько расширяется и достигаетъ своей наибольшей ширины, Буюкъ-Дэре съ дворцами для лѣтняго пребыванія пословъ Россіи, Австріи и Америки, затѣмъ идутъ Киреджъ-Бурну (известковый мысъ), Терапія (исцѣляющая), на берегахъ бухты которой въ зелени можно различить лѣтніе дворцы пословъ Франціи, Италіи и Англіи, Бейкосъ, гдѣ существуетъ памятникъ стоянки русскихъ войскъ въ 1833 году (Русскій камень), Румели-Хисаръ съ живописными зубчатыми стѣнами древней крѣпости, построенной еще въ 1453 году султаномъ Магометомъ II, завоевателемъ Константинополя*), Ени-Кіой и, служащій лѣтнимъ убѣжищемъ турецкой аристократіи, Эмеріанъ; здѣсь мы приближаемся къ самому узкому мѣсту пролива, на

*) Въ этомъ мѣстѣ переправлялись полчища Дарія, а также и греки подъ предводительствомъ Ксенофонта, возвращавшагося изъ Персіи.

азіатскомъ берегу раскинулся Анатоли-Хисаръ. Оба берега уже сплошь покрыты постройками и являются какъ бы предмѣстьями Константинополя. Вотъ Ортакой съ изящной бѣлой мечетью, смотрящеюся въ воды Босфора, который въ этомъ мѣстѣ образуетъ такое сильное теченіе, что пароходъ идетъ почти безъ помощи машины, затѣмъ Куру-Чечме, мѣсто высадки Медеи съ Язономъ послѣ ихъ возвращенія изъ Колхиды, Топханэ съ дворцомъ Чараганъ, отсюда же виденъ Ильдызъ-Кіоскъ, любимое мѣстопребываніе султана Абдулъ-Гамида, на азіатскомъ берегу Бейлербей. А тамъ дальше начинаетъ вырисовываться величественный Константинополь, и взоръ приковывается все больше и больше къ Европейскому берегу, приближаемся къ дворцу Долма-Бахче, одному изъ самыхъ изящныхъ дворцовъ султана, здѣсь же мечеть Ени-Валидэ. А тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе открывается, захватывающая васъ, дивная панорама Константинополя. Видны уже Галата, Стамбулъ и на азіатскомъ берегу Скутари. Съ лѣвой стороны мимо насъ проплываетъ крохотный островокъ съ знаменитой башней Леандра, — отсюда, кажется, отправляли въ воды Босфора лицъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ султана, а также и его женъ, оказавшихся невѣрными своему царственному супругу и повелителю. Проходитъ еще нѣсколько минутъ, и „Николай“ заворачиваетъ вправо и мы вступаемъ въ Золотой Рогъ, покрытый многочисленными судами едва ли не всѣхъ государствъ вселенной. Передъ вами весь Константинополь, справа торговая шумная Галата, надъ нею амфитеатромъ расположилась европейская часть Константинополя—Пера, а слѣва—Стамбулъ съ его грандіозными мечетями, лѣвѣе всѣхъ знаменитая Айя-Софія, въ теченіе почти пяти столѣтій ожидающая снятія съ нея мусульманскаго полумѣсяца и водворенія на ея куполѣ святого православнаго креста; нѣсколько правѣе Софіи — мечеть Ахмедіе съ ея шестью стройными минаретами, рѣзко выдѣляющимися на голубомъ фонѣ неба.

Пока мы любовались чудной панорамой Золотого Рога „Николай“ подошелъ къ пристани, и вскорѣ всѣ проходы на пароходѣ были запружены носильщиками, комиссіонерами, проводниками, мѣнялами и торговцами всякими бездѣлушками, якобы турецкаго происхожденія, а на самомъ дѣлѣ вышедшими изъ мастерскихъ нынѣшнихъ хозяевъ Константинополя — вездѣсущихъ нынѣ нѣмцевъ. Все это шумѣло и галдѣло на всевозможныхъ языкахъ, и

требовалось много энергіи, чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ приставаній этой не дисциплинированной толпы, бросившейся на штурмъ парохода.

Договорившись съ проводникомъ-итальянцемъ, говорившимъ по-французски, мы сошли на берегъ; предъявивши свои паспорта турецкому солдату, стоявшему внизу у трапа, мы вышли за рѣшетку, окружающую набережную, и на прекрасномъ парномъ извозчикѣ отправились осматривать Константинополь.

Пароходъ долженъ былъ простоять двое сутокъ, въ теченіе которыхъ намъ нужно было обѣжать Константинополь, потому что осмотрѣть его основательно въ такой срокъ, конечно, невозможно. Я былъ на Босфорѣ уже въ четвертый разъ, а дочь — впервые, и хотѣлось показать ей все наиболѣе интересное, а его въ Константинополѣ болѣе, чѣмъ достаточно.

Входъ въ Босфоръ со стороны Чернаго моря.

# II.

# КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

## II.

## Константинополь.

„Москва и градъ Петра и Константинъ-градъ —
Вотъ царства Русскаго завѣтныя столицы."
Ѳ. Тютчевъ.

Первымъ дѣломъ мы отправились, конечно, въ святую Софію. Перебравшись черезъ мостъ Султана Валиде на южную сторону Золотого Рога, въ Стамбулъ, по улицѣ Хаджи паши, мимо мечети Султана Валиде, Почтамта и Высокой Порты, мы добрались до храма. Внѣшній видъ св. Софіи не производитъ хорошаго впечатлѣнія, такъ какъ крайне испорченъ массой позднѣйшихъ пристроекъ, которыя со всѣхъ сторонъ совершенно закрываютъ храмъ, но которыя, какъ говорятъ, служатъ скрѣпами для древнихъ стѣнъ храма, построеннаго, или вѣрнѣй, возстановленнаго въ 532 году, послѣ пожара, императоромъ Юстиніаномъ, но будемъ надѣяться, что современное архитектурное искусство сумѣетъ показать намъ св. Софію во всемъ величіи ея красоты, когда придетъ для этого время и когда св. крестъ будетъ водруженъ надъ полумѣсяцемъ, вѣнчающимъ нынѣ огромный куполъ храма.

Не поддается описанію чувство, которое испытываешь при входѣ въ эту христіанскую святыню, превращенную въ мусульманскій храмъ, но, несмотря на это, въ теченіе почти пяти вѣковъ своего порабощенія сохранившую многіе слѣды христіанства, въ видѣ плохо задѣланныхъ, и какъ бы просящихся наружу фресокъ и изображеній креста. На мѣстѣ алтаря, на сводѣ, сквозь штукатурку, просвѣчиваетъ изображеніе Спасителя,

но особенно много сохранилось фресокъ въ главномъ перистилѣ, отдѣленномъ отъ самаго храма девятью дверями, изъ которыхъ восемь закрыто, а средняя завѣшана большимъ ковромъ. Съ замираніемъ сердца входишь внутрь храма свидѣтеля величія Византіи и ея паденія, послѣдняго убѣжища несчастныхъ византійцевъ, трупами которыхъ, какъ говоритъ преданіе, чуть ли не до половины огромной высоты храма была завалена св. Софія. „Во храмѣ премудрости Божіей, говоритъ современникъ,—этомъ земномъ небѣ, престолѣ Славы Божіей, колесницы херувимовъ, твореніи Божіихъ рукъ, свѣтѣ міра, въ этомъ—храмѣ бражничали турки и предавались неистовымъ страстямъ, окруженные женщинами, дѣвами съ юношами. Кто не оплакивалъ тебя, о, священный храмъ!“

Въ подтвержденіе этого ужаса на одной изъ колоннъ, съ правой стороны, на высотѣ нѣсколькихъ саженей отъ пола, показываютъ темное пятно, яко бы слѣдъ окровавленной руки грознаго покорителя Византіи султана Магомета II, поднявшагося до этого мѣста по трупамъ павшихъ защитниковъ Византіи, а, главное, ихъ женъ и дѣтей, которымъ приходилось выбирать между смертью и позорнымъ рабствомъ.

Всматриваясь въ эти величественные контуры этого дивнаго храма, невольно вспоминаешь всю грустную судьбу его и хочется вѣрить, что недалеко то время, когда подъ высокими сводами Софіи раздастся молитвенный возгласъ православнаго священника, призывающій благословеніе на этотъ древній храмъ, бывшій въ теченіе пяти вѣковъ мѣстомъ молитвы враговъ Христа, а что такъ будетъ — въ это вѣрятъ и сами турки.

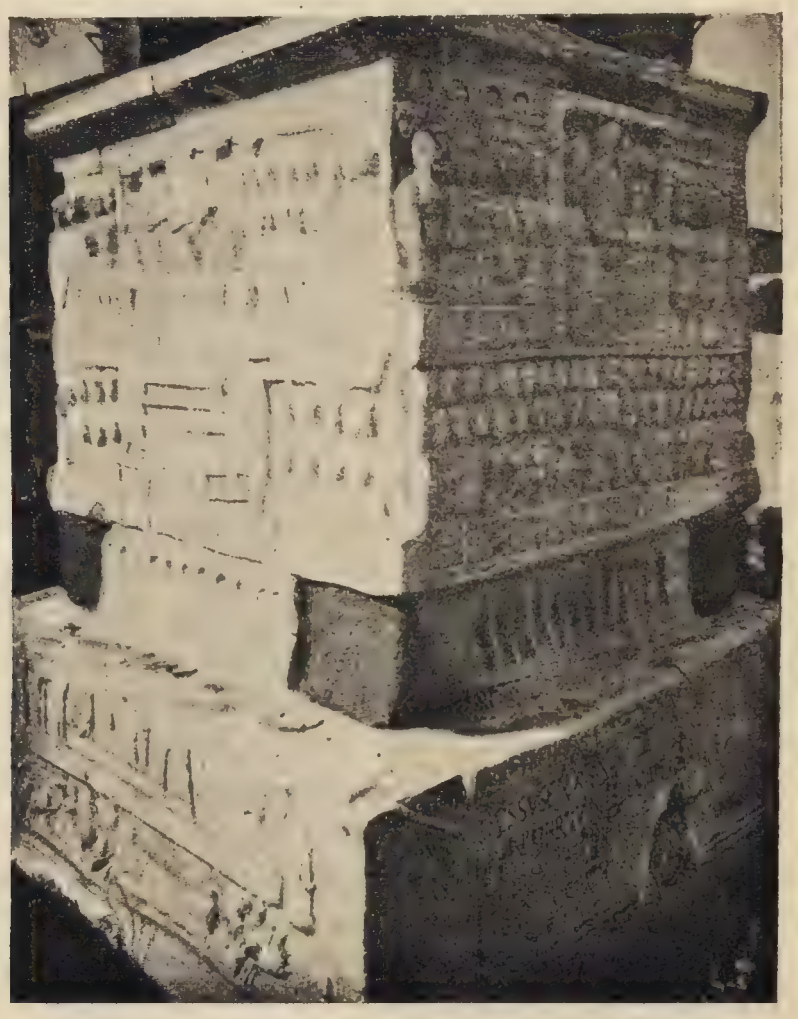
На юго-западъ отъ храма св. Софіи, почти на берегу Мраморнаго моря, лежитъ небольшая мечеть Кучукъ Айя Софія. Это бывшая церковь св. Сергія и св. Вакха, построенная женой строителя большой св. Софіи императора Юстиніана — императрицей Ѳеодорой; согласно преданію, оба храма были соединены подземнымъ ходомъ. Между большой и малой Софіями стоитъ великолѣпная мечеть съ шестью минаретами султана Ахмеда, построенная въ 1610 году, и по своему великолѣпію затмевающая всѣ остальныя мечети Константинополя; въ ней совершается торжественное моленіе въ праздники Курбанъ-Байрамъ и Мевхудъ (день рожденія Магомета). Мечеть имѣетъ

внутренній дворъ, окруженный портикомъ, который увѣнчанъ сорока небольшими куполами, опирающимися на гранитныя колонны; въ серединѣ двора очень красивый фонтанъ, гдѣ правовѣрные производятъ свои омовенія.

Къ мечети Ахмеда примыкаетъ площадь Атъ-Мейданъ, бывшій гипподромъ; на ней помѣщены обелискъ Ѳеодосія, привезенный въ IV вѣкѣ изъ Египта, гдѣ онъ былъ воздвигнутъ въ XVI вѣкѣ до Р. Х. фараономъ Тутмесомъ (XVIII династіи), остатки пирамиды Константина Порфиророднаго и, наконецъ, т. н. Змѣиная колонна, воздвигнутая въ 478 году до Р. Х. передъ храмомъ въ Дельфахъ въ память побѣды Павзанія и Аристида надъ персами при Платеѣ. Колонна представляетъ изъ себя трехъ сплетшихся змѣй, но, къ сожалѣнію, всѣ три головы отсутствуютъ. Колонна на половину вросла въ землю, на ней начертаны имена 31 греческаго города, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Ближе къ площади св. Софіи стоитъ тяжелый и мало изящный фонтанъ императора Вильгельма. Нѣсколько къ сѣверо-востоку отъ св. Софіи бывшій храмъ св. Ирины, построенный въ IV вѣкѣ Константиномъ Великимъ; при Юстиніанѣ онъ сгорѣлъ и, возстановленный, пострадалъ въ VIII вѣкѣ отъ землетрясенія, но былъ реставрированъ императоромъ Львомъ Исаврійцемъ (717—741) и сохранился въ хорошемъ видѣ; теперь онъ обращенъ въ военный музей, который содержится въ порядкѣ и его стоитъ осмотрѣть. Здѣсь, между прочимъ, хранится цѣпь, загораждавшая при грекахъ входъ въ Золотой Рогъ. Во дворѣ музея стоятъ нѣсколько большихъ саркофаговъ, возможно принадлежавшихъ византійскимъ императорамъ; одинъ изъ нихъ, изъ краснаго порфира, по преданію, стоялъ надъ могилой Константина Великаго, строителя храма св. Ирины. Съ другой стороны площади, противъ св. Ирины, видны ворота Топъ-Капу (св. Романа), около которыхъ погибъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ. На этомъ мы покончили въ этотъ день объѣздъ Константинополя и вернулись на пароходъ къ обѣду.

Вторымъ днемъ нашего пребыванія въ Константинополѣ было воскресенье, и мы начали его съ поѣздки на каикѣ въ Фанаръ, гдѣ постояли у обѣдни въ церкви греческаго патріарха и приложились къ мощамъ св. Евфиміи; греческая церковная служба,

конечно, не произвела на насъ хорошаго впечатлѣнія. Фанаръ расположенъ въ глубинѣ Золотого Рога; здѣсь, при взятіи Константинополя, около патріарха, сгруппировалась часть византійской знати, которой турки сохранили жизнь и съ тѣхъ поръ эта часть Константинополя населяется исключительно греками. Кромѣ



Барельефы на обелискѣ Ѳеодосія на бывшемъ Ипподромѣ.

патріаршаго подворья здѣсь расположился монастырь „Викаріатъ Гроба Господня", греческія школы, тутъ же на берегу пріютилась и болгарская церковь. Невдалекѣ, прямо на югъ отъ патріархата, на холмѣ расположена мечеть Фетіе — это бывшій монастырь, построенный въ XII вѣкѣ сестрою императора Алексѣя Комнена—Маріею. Изъ мечетей въ Стамбулѣ слѣдуетъ осмотрѣть,

построенную въ 1498 г., мечеть Баязета, съ красивымъ портикомъ изъ бѣлаго и краснаго мрамора, поддерживаемаго двадцатью колоннами; особенностью этой мечети, между прочимъ, служитъ особая масса голубей, по преданію, происходящихъ отъ пары голубей, подаренныхъ мечети султаномъ Баязетомъ; въ саду мечети погребены самъ Баязетъ (1512 г.), его мать и двѣ дочери. Къ площади Баязета примыкаетъ кварталъ Біюкъ-Чарши, занимаемый восточнымъ базаромъ, представляющимъ лабиринтъ маленькихъ, узенькихъ уличекъ, которыхъ насчитывается здѣсь около сотни. Это одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ Константинополя, гдѣ вы, болѣе или менѣе, увидите дѣйствительную жизнь Востока, шумную и безалаберную, но крайне интересную для европейца, и посвятить нѣсколько часовъ на знакомство съ Базаромъ безусловно стоитъ.

Съ западной стороны Базара стоитъ мечеть Нури-Османіе-Джами; она XVIII ст. и если у васъ мало времени, то заходить въ нее не стоитъ. Съ западной стороны Базара лежитъ очень красивая площадь Баязета, замыкаемая зданіями военнаго министерства — Сераскеріатомъ, сзади которыхъ на сѣверо-западѣ стоитъ великолѣпная мечеть Сулеймана, построенная въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія; строительнымъ матеріаломъ для нея, между прочимъ, послужили развалины храма св. Евфиміи. Это, несомнѣнно, самая роскошная мечеть въ Константинополѣ — „блескъ и радость древняго рода“, какъ говорятъ турецкіе поэты. Она занимаетъ вершину цѣлаго холма и видна со всѣхъ точекъ Константинополя. Построена она знаменитымъ турецкимъ архитекторомъ Синаномъ. Обширная площадь, ее окружающая, засажена массой кипарисовъ. Къ самой мечети примыкаетъ большой дворъ-гаремъ, по угламъ котораго поднимаются четыре большихъ минарета. Посреди̇нѣ двора находится фонтанъ для омовеній, увѣнчанный куполомъ; дворъ окруженъ галлереей изъ 24 колоннъ, украшенныхъ капителями изъ бѣлаго мрамора; онѣ поддерживаютъ арки готическаго стиля, также изъ мрамора бѣлаго и розоваго; каждой аркѣ соотвѣтствуетъ куполъ. Дворъ вымощенъ мраморомъ, только одна плита изъ порфира образуетъ порогъ главнаго входа въ мечеть.

Черезъ красивую дверь, устроенную въ нишѣ бѣлаго мрамора съ золотыми инкрустаціями, вы входите въ самую мечеть.

Большой куполъ мечети (26 метровъ въ діаметрѣ — онъ нѣсколько меньше купола св. Софіи, но на 6 метровъ выше) поддерживается 4 огромными колоннами изъ порфира, вывезенными, кажется, изъ Ефеса, гдѣ онѣ были въ древнемъ храмѣ Діаны. Кругомъ идутъ галлереи въ готическомъ стилѣ съ массой небольшихъ колоннъ. Куполъ разрисованъ красками и золотомъ. Мечеть производитъ сильное впечатлѣніе, какъ своей грандіозностью, такъ и великолѣпіемъ отдѣлки. Около мечети кладбище, гдѣ находится гробница самого Сулеймана. Это большое зданіе съ куполомъ, окруженное колоннами; внутри четыре колонны бѣлаго мрамора и четыре изъ порфира поддерживаютъ куполъ, украшенный арабесками, откуда спускается хрустальная люстра. Стѣны отдѣланы бѣлымъ и голубымъ фаянсомъ. Посреди трехъ большихъ гробницы: самого Сулеймана и его ближайшихъ преемниковъ, Сулеймана II и Ахмета II; кромѣ того, еще нѣсколько небольшихъ гробницъ, принадлежащихъ членамъ царскаго дома. Гробницы покрыты покрывалами съ изумительной вышивкой. Здѣсь же хранится планъ Мекки и старинныя рукописи корана. Напротивъ гробницы Сулеймана стоитъ гробница его жены, знаменитой Роксоланы, но она гораздо проще и находится въ запущеніи.

Мечеть Сулеймана является въ Константинополѣ центромъ мусульманскаго духовнаго міра: здѣсь помѣщаются семинарія, гимназія, школы, духовная академія и, наконецъ, здѣсь же резиденція духовнаго главы мусульманъ — шейхъ-уль-ислама. Съ террасы открывается дивный видъ на Босфоръ.

Въ Стамбулѣ же стоитъ посмотрѣть еще на двѣ мечети: на мечеть султана Селима, построенную въ началѣ XVI вѣка (здѣсь же находится и гробница Селима), и на построенную въ 1665 году на берегу Золотого Рога, противъ моста, мечеть султана Валиде или Ени-Джами.

Осмотръ мечетей можно закончить маленькой мечетью Кахріе-Джами, лежащей въ довольно захолустномъ мѣстѣ, близъ Адріанопольскихъ воротъ, находящихся къ западу отъ Фанара. Это бывшій греческій монастырь Кора, упоминаемый уже въ III вѣкѣ. Сама церковь построена Юстиніаномъ Великимъ и перестроена въ концѣ XI вѣка при Алексѣѣ Комненѣ; въ ней находился образъ Божіей Матери „Одигитрія“, погибшій при взятіи Константино-

поля турками. Въ концѣ XV вѣка церковь эта была превращена въ мечеть; она крайне интересна, какъ прекрасный памятникъ византійской архитектуры, такъ какъ она хорошо сохранилась и не была передѣлываема; но особый, конечно, интересъ представляютъ фрески и мозаика, извлеченныя изъ-подъ позднѣйшей

Наружный видъ св. Софіи.

штукатурки трудами директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ Ѳедора Ив. Успенскаго. Дабы не смущать правовѣрныхъ, картины закрыты деревянными ставнями. Объясненія картинъ изъ жизни Спасителя и Богоматери намъ давалъ самъ мулла, что было довольно оригинально, но зная любовь на Востокѣ къ бакшишу, мы этимъ не были удивлены.

Нельзя обойти молчаніемъ и Музей древностей, который представляетъ большой интересъ. Онъ помѣщается въ прекрасномъ зданіи, спеціально выстроенномъ для этой цѣли на возвы-

шенности, господствующей надъ такъ называемымъ Мысомъ Сераль, гдѣ находится св. Софія и бывшій храмъ св. Ирины. Музей имѣетъ 27 большихъ залъ, гдѣ собраны почти преимущественно предметы византійской, ассирійской и халдейской старины. Особенно хорошъ отдѣлъ саркофаговъ, между которыми особенно обращаетъ на себя вниманіе такъ называемый саркофагъ Александра Македонскаго (I залъ), который, если и не принадлежитъ Александру, то, во всякомъ случаѣ, его эпохи и, возможно, принадлежитъ одному изъ его сподвижниковъ и поражаетъ художественностью своей отдѣлки; кромѣ него, выдѣляется (во II залѣ) саркофагъ „плакальщицъ", принадлежащій IV вѣку; оба саркофага удивительно хороши и прекрасно сохранились. Интересенъ также египетскій (XIII) залъ, но кто ѣдетъ въ Египетъ, тотъ, конечно, можетъ не тратить на него своего времени; небезынтересны конфискованныя вещи Абдулъ-Гамида. Говорятъ, что ихъ потихоньку продаютъ для пополненія тощей кассы младотурокъ.

Тутъ же, въ отдѣльномъ зданіи Чнили-Кіоскъ (фаянсовый павильонъ), помѣщается музей турецкаго и арабскаго искусствъ и старины.

Послѣ осмотра музеевъ отправились на базаръ. Буюкъ-Джаржи, какъ я уже сказалъ, крайне интересенъ съ бытовой стороны, хотя постепенно и утрачиваетъ свой чисто-восточный характеръ, благодаря захвату турецкой торговли евреями и нѣмцами, замѣнившими туземные товары своими поддѣлками, приготовленными въ берлинскихъ и вѣнскихъ мастерскихъ, но раскупаемыхъ путешественниками подъ видомъ мѣстныхъ произведеній. Но все же, несмотря на сплошное надувательство, базаръ крайне занимателенъ и здѣсь болѣе всего вы можете увидать востокъ, который почти уже скрылся изъ Константинополя, превращающагося понемногу въ скверный интернаціональный городъ. На базарѣ мы шатались и толкались до самаго обѣда, а вечеромъ побродили по Перѣ — европейской части Константинополя.

На третій день нашего пребыванія въ Константинополѣ мы еще разъ побывали въ св. Софіи, которая для православныхъ, конечно, наиболѣе интересный памятникъ; послѣ посѣщенія св. Софіи опять прошлись по базару и къ тремъ часамъ вернулись на пароходъ, который въ четыре часа долженъ былъ отходить дальше. Это былъ уже четвертый разъ, что я посѣщалъ Константинополь, и не скажу,

На главной улицѣ Константинополя.

чтобы за 25 лѣтъ моего знакомства съ нимъ онъ улучшился — нѣтъ, въ 1889 году, когда я первый разъ былъ на берегахъ Золотого Рога, это былъ еще вполнѣ восточный городъ, особенно была интересна толпа на мосту черезъ Золотой Рогъ (въ 1889 году былъ всего одинъ мостъ, второй же выстроенъ нѣмцами всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Здѣсь вы могли увидѣть разношерстную толпу подданныхъ падишаха: здѣсь были и арабы въ ихъ живописныхъ бурнусахъ, почти раздѣтые нубійцы, точно покрытые лакомъ чёрные негры, грски въ ихъ оригинальныхъ юбкахъ, темныя фигуры турчанокъ, тогда еще тщательно скрывавшихъ свои лица. Теперь уже не то, вся толпа потеряла свой восточный колоритъ и приняла какой-то грязно-интернаціональный видъ и только красныя фески говорятъ намъ, что мы въ странѣ оттомановъ; исчезаетъ и таинственная фигура турчанки, превращающейся въ обыкновенную европейскую женщину. Можетъ быть, здѣсь виденъ прогрессъ, видно торжество высшей культуры, все это, можетъ быть, и такъ, но на меня это производитъ отрицательное впечатлѣніе; Востокъ на берегахъ Босфора теряетъ свое обаяніе, свою прелесть — и остается одно то, что создано Господомъ Богомъ и что невозможно еще испортить человѣку, стремящемуся все подвести подъ одну мѣрку. Остается Босфоръ, Золотой Рогъ, остается дивная панорама Константинополя, и кого манитъ Востокъ, тотъ не долженъ вдаваться въ подробности; ему достаточно посѣтить эти дивныя мечети, посѣтить Эюбъ съ его многочисленными кладбищами, который является однимъ изъ наиболѣе поэтическихъ мѣстъ Константинополя, воспѣтымъ Пьеромъ Лоти, этимъ поклонникомъ турецкаго востока.

Мы пробыли въ Константинополѣ двое сутокъ; этого, конечно, недостаточно, чтобы осмотрѣть его въ подробности. Кромѣ осмотрѣнныхъ нами мѣстъ, интересенъ, какъ я упомянулъ, Эюбъ съ его безчисленными кладбищами, откуда открывается дивный видъ на Золотой Рогъ, старыя византійскія стѣны, семибашенный замокъ, интересно взглянуть на панораму Константинополя съ башни Галаты. Очень красивы, какъ говорятъ, Принцевы Острова, лежащіе въ сѣверо-восточной части Мраморнаго моря и служившіе еще при византійскихъ императорахъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія царской семьи. Небезынтересно и Скутари, чисто уже восточный городъ. Къ сожалѣнію, ни Принцевыхъ Острововъ,

ни Скутари мнѣ видѣть не пришлось и я говорю лишь съ чужихъ словъ.

Вообще, чтобы осмотрѣть основательно Константинополь, необходимо употребить на это около двухъ недѣль, и онъ во всякомъ случаѣ этого стоитъ, несмотря даже на значительную потерю своихъ восточныхъ красокъ.

Скутари.

## III.

# ОТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО КАИРА.

## III.

## Отъ Константинополя до Каира.

„Въ Элладѣ все свѣтло и величаво,
И сказки музъ для насъ не сказки тамъ,
Гдѣ каждый камень дышитъ прежней славой
И вѣсть о ней передаетъ вѣкамъ".

*Байронъ.*

Часовъ около пяти „Николай" отошелъ отъ пристани и, обогнувъ мысъ Сераля, вступилъ въ воды Мраморнаго моря. Долго любовались мы панорамами Стамбула и св. Софіи, пока онѣ не скрылись въ дымкѣ вечернихъ сумерекъ.

Скоро прошли мимо памятнаго для русскихъ съ 1878 года Санъ-Стефано. Даже невооруженнымъ глазомъ видно русское кладбище съ русской часовней, оскверненной недавно германо-турками. Начались скучные плоскіе берега Мраморнаго моря, смотрѣть было нечего, да къ тому же становилось очень прохладно и публика сошла въ каютъ-компанію, разбившись на отдѣльныя группы. Среди насъ появились новыя лица, были турки въ фескахъ, турчанки съ закрытыми лицами, но болѣе всего было грековъ, ѣхавшихъ въ Смирну и Аѳины.

Ночью мы вошли въ Дарданелльскій проливъ, соединяющій Мраморное море съ Эгейскимъ (длина его около 28 морскихъ миль или около 50-ти верстъ).

Около пяти часовъ утра пароходъ остановился при выходѣ изъ пролива. Я выглянулъ въ окно, было сыро и непривѣтливо, оба берега были подернуты туманомъ, около парохода стояло нѣсколько лодокъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы прошли мимо

укрѣпленій Кумъ-Кале, въ 12 верстахъ отъ которыхъ лежитъ знаменитая Троя.

Въ $8^1/_2$ часовъ на горизонтѣ показался островъ Митилена (древній Лесбосъ), самый большой изъ острововъ Греческаго архипелага. Нашъ пароходъ не заходилъ на островъ, а прошелъ между нимъ и азіатскимъ берегомъ. До самой Смирны мы шли въ виду береговъ. Часа въ два дня показался правый мысъ глубокой Смирнской бухты, а около четырехъ часовъ „Николай“ отдалъ якоря, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ набережной. Заручившись проводникомъ, грекомъ Николаемъ Ивановичемъ, мы отправились на лодкѣ въ городъ. Смирна самый большой городъ въ Турціи послѣ Константинополя и одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, основанный, согласно древнимъ легендамъ, Танталомъ, сыномъ Юпитера. На протяженіи своей многовѣковой жизни Смирна видѣла у себя многихъ хозяевъ: распоряжались въ ней греки, персы, римляне, византійцы и, наконецъ, турки. Всѣ они внесли свою долю въ разрушеніе старины, почему Смирна въ настоящее время и не представляетъ изъ себя особаго интереса для любознательнаго туриста, и тѣхъ немногихъ часовъ, которые стоятъ пароходы въ Смирнскомъ порту, вполнѣ достаточно для бѣглаго ея осмотра.

Мы успѣли пройтись по Базару, зашли въ магазинъ смирнскихъ ковровъ, которые здѣсь очень хороши, но при покупкѣ ихъ надо быть осторожнымъ, такъ какъ при неопытности можно получить коверъ нѣмецкой фабричной работы. Базаръ довольно интересенъ, но значительно меньше константинопольскаго. Послѣ этого мы отправились на горный кряжъ Пагусъ, съ котораго открывается красивый видъ на городъ и бухту. Изъ остальныхъ достопримѣчательностей Смирны показываютъ Караванный мостъ черезъ ручей Мелесъ, на берегахъ котораго, по преданію, родился Гомеръ.

Вернувшись изъ поѣздки на Пагусъ, которую совѣтую продѣлать каждому попавшему въ Смирну, мы посидѣли еще за чашкой турецкаго кофе на красивой и оживленной набережной и, призываемые гудкомъ „Николая“, отправились на пароходъ, который вскорѣ и отошелъ. Долго сидѣли мы на палубѣ, всматриваясь въ удаляющіеся огоньки Смирны.

Утро застало насъ уже въ греческихъ водахъ, но югъ не чувствовался, было пасмурно, свѣжо и вѣтрено. Мы шли среди

острововъ. Около 9 часовъ показались берега Греціи, но вскорѣ мы вступили въ густую полосу тумана, который совершенно скрылъ отъ насъ берегъ. Около 12 часовъ мы съ большими предосторожностями вошли въ бухту Пирея, но черезъ нѣсколько минутъ туманъ разсѣялся, и мы увидали себя среди массы пароходовъ, удивляясь, какимъ образомъ мы ни съ кѣмъ не столкнулись

Отдавшись опять въ руки проводника, русскаго по происхожденію и живущаго уже много лѣтъ въ Аѳинахъ, мы отправились на берегъ. Пирей является портомъ Аѳинъ, съ которыми соединенъ электрической желѣзной дорогой. Такъ какъ въ Пиреѣ осматривать нечего, то мы отправились прямо на вокзалъ и минутъ черезъ 20 были въ Аѳинахъ.

Аѳины довольно красивый городъ съ правильными улицами и красивыми постройками, но все это меркнетъ передъ развалинами древняго Акрополя, откуда открывается прекрасный видъ на Аѳины, которыя раскинулись вокругъ холма Акрополя, на югъ виднѣется море, Пирей и древній Саламинъ, гдѣ въ 480 году до Р. Х. греки, подъ предводительствомъ Ѳемистокла, одержали побѣду надъ персидскимъ флотомъ.

Съ невольнымъ интересомъ подымаешься на эту гору, которая была свидѣтельницею всей исторіи древней Эллады. Грандіозные, даже въ своихъ развалинахъ, Парѳенонъ и Пропилеи видѣли въ своихъ стѣнахъ цѣлый рядъ великихъ мужей Греціи. Имена Писистрата, Перикла, Фидія, Ѳемистокла связаны, такъ или иначе, съ Аѳинами и его Акрополемъ, и теперь, глядя на современныхъ грековъ, превратившихся въ жалкихъ торгашей, кто можетъ себѣ представить, что среди ихъ предковъ были Ѳемистоклы и Периклы. Здѣсь каждый камешекъ, каждая пылинка напоминаетъ намъ великое прошлое, когда-то великаго народа, сокрушеннаго, въ концѣ-концовъ, османами, сдѣлавшими изъ нихъ то, что мы видимъ теперь, и глубоко правъ Байронъ говоря:

«Когда Эпаминондъ родится новый,
Когда спартанцы встанутъ изъ могилъ,
Когда Аѳинъ блеснетъ вѣнецъ лавровый
И гражданъ, полныхъ доблести и силъ,
Гречанки вскормятъ вновь,—тогда Эллада,
Но лишь тогда, воскреснетъ».

Поднявшись по крутымъ склонамъ Акрополя*), вы попадаете въ такъ называемые Пропилеи. Это мраморная колоннада въ дорическомъ стилѣ, выстроенная въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х.; съ правой стороны, на выступѣ къ югу, стоитъ небольшой изящный храмъ Аѳины-Ники. Высшую точку Акрополя занимаетъ колоннада храма Аѳины-Дѣвственницы или Парѳенонъ, тоже въ дори-

Храмъ Тезея въ Афинахъ.

ческомъ стилѣ, построенный въ V-мъ же вѣкѣ Перикломъ, при участіи знаменитаго Фидія; въ немъ стояла статуя Аѳины, работы самого Фидія. Лѣвѣе Парѳенона остатки храма Эреѳейона; здѣсь сохранился портикъ съ шестью каріатидами, выстроенный также

*) Съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія Греческое Археологическое Общество приступило къ раскопкамъ въ Акрополѣ, очистивъ южный склонъ. Съ 1882 г. начались уже систематическія раскопки, которыя къ концу 80-хъ годовъ привели къ большимъ открытіямъ. Предполагая, что среди мусора, заполнявшаго всѣ неровности площади, должны находиться остатки памятниковъ, погибшихъ при неоднократныхъ разрушеніяхъ Акрополя, Общество рѣшило снять весь наносный слой и дойти до скалы, на которой воздвигнуты были всѣ зданія. Предположенія оправдались и былъ извлеченъ цѣлый рядъ памятниковъ, относящихся ко времени Перикла, занимающихъ теперь нѣсколько залъ въ музеѣ, кромѣ того были открыты остатки „Пеласгической стѣны“ и древняго дворца микенской эпохи.

въ V-мъ вѣкѣ въ память Пандрозы, дочери перваго аѳинскаго царя Кекропа. Съ юга, у подножія Акрополя, расположенъ театръ Вакха, гдѣ сохранились мѣста изъ мрамора съ вырѣзанными на нихъ именами ихъ владѣльцевъ; къ западу отъ Акрополя лежитъ холмъ Ареопага, а къ югу отъ Акрополя въ скалѣ виденъ большой гротъ, такъ называемая тюрьма Сократа.

Къ сѣверо-западу отъ Акрополя стоитъ прекрасно сохранившійся храмъ Тезея, почти современникъ Парѳенона, даже на нѣсколько десятилѣтій старше его. Здѣсь пріютился теперь музей.

Слѣдуя изъ Акрополя по улицѣ Діониса Ареопагита, вы проѣзжаете мимо воротъ императора Адріана, около которыхъ сохранилось нѣсколько колоннъ храма Юпитера, особенно красивыхъ при лунномъ освѣщеніи, какъ я ихъ видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда посѣтилъ эти грандіозные остатки памятниковъ дѣяній прошлыхъ поколѣній. Люди смѣняются людьми, поколѣнія поколѣніями, одни народы уступаютъ дорогу другимъ народамъ и часто на развалинахъ былого величія и генія мы встрѣчаемъ скудоуміе, торгашество и полное отсутствіе того генія, который оставилъ послѣ себя все еще дивныя развалины. То-же случилось и съ Греціей, весь геній которой былъ исчерпанъ во времена Перикла, а теперь на долю когда-то великой страны остались жалкіе потомки великихъ людей, торгующіе оливками, губками и ничего болѣе. Я стоялъ подъ развалинами храма Юпитера, свѣтила луна и озаряла своимъ таинственнымъ свѣтомъ и развалины и весь городъ. На фонѣ освѣщеннаго неба вырисовывалась группа колоннъ; кругомъ тишина, нарушаемая только нашими шагами, а надъ всѣмъ этимъ громада Акрополя, залитая голубымъ свѣтомъ луны. Все это вмѣстѣ заставляетъ забыть окружающую суету, невольно настраиваешься поэтически, хочется музыки, пѣнія, чтобы совершенно уйти въ міръ грезъ. Но, чу! Вдали раздалось пѣніе, пѣлъ сильный мужской голосъ, казалось, по-итальянски. Звуки пѣсни мощно разносились по воздуху и поднимались кверху, точно желая дойти до самаго трона Творца вселенной. Я облокотился на стѣну и смотрѣлъ внизъ на Аѳины, залитыя электрическимъ свѣтомъ фонарей, и слушалъ. Мечты, охватившія меня при взглядѣ на эти развалины, на Акрополь, понемногу исчезли, охватила какая-то истома, ни о чемъ не хотѣлось думать, было слишкомъ хорошо.

Изъ Пирея ушли вечеромъ; стало опять холодно, вѣтрено; пароходъ начало опять порядочно таки качать. Весь слѣдующій день шли при сильномъ вѣтрѣ, качало изрядно. Очень долго проходили мимо Крита, который оставался вправо отъ насъ. На второй день съ утра стало уже тепло, наконецъ-то мы почувствовали приближеніе благодатнаго юга. Качка смѣнилась штилемъ,

Парѳенонъ.

„Николай“ мѣрно разсѣкалъ зеркальную поверхность моря, только изрѣдка набѣгалъ легкій порывъ теплаго вѣтра и покрывалъ небольшою рябью все безбрежное пространство задремавшаго моря. Появились чайки, эти вѣстники близости берега, и съ рѣзкимъ крикомъ носились надъ водой. Вся многочисленная публика высыпала на палубу и всматривалась въ горизонтъ въ ожиданіи появленія африканскаго берега. Показалась бѣлая точка—знаменитый Александрійскій маякъ, вскорѣ затѣмъ начала вырисовываться узкая полоса земли, той самой земли, про которую поэтъ сказалъ:

„Благодари судьбу за счастье,
Кто видѣлъ родину чудесъ,
Край, гдѣ невѣдомо ненастье,
Страну безоблачныхъ небесъ“.

Берегъ быстро приближался и наконецъ мы въ портѣ: пароходъ медленно подвигается, раздается команда, съ лязгомъ срывается якорь—мы останавливаемся, насъ ожидаетъ санитарный еще осмотръ, который задерживаетъ пароходъ часа на два; осмотръ публики I и II классовъ ограничивается лишь взысканіемъ налога въ 60 коп. съ человѣка, но зато несчастныхъ пассажировъ III класса съ ихъ багажомъ пересаживаютъ на баржу и увозятъ въ карантинъ. Только около 3 часовъ мы причаливаемъ къ пристани Русскаго О-ва Пароходства и Торговли. На пристани шумъ и гамъ, мелькаютъ бѣлыя фигуры арабовъ, одѣтыхъ въ длинныя рубашки съ бѣлыми тюрбанами на головѣ, видны комиссіонеры знаменитаго Кука въ красныхъ жилетахъ.

Я всматриваюсь въ толпу, въ надеждѣ увидать своего бывшаго проводника въ мою первую поѣздку Ахмета Абузета *), хорошаго знакомаго большинства русскихъ туристовъ по Египту. Я написалъ ему о своемъ пріѣздѣ мѣсяца за $1^1/_2$, но не надѣялся его заполучить, такъ какъ узналъ, что на него разсчитывали также и молодые князья Ю-вы, совершавшіе свою свадебную поѣздку, и, дѣйствительно, Ахмета не было видно.

Найдя комиссіонера гостиницы Континенталь въ Каирѣ, гдѣ я рѣшилъ остановиться, зная ее по моей первой поѣздкѣ въ Египетъ, я передалъ ему квитанцію отъ багажа и ручныя вещи и собирался уже спускаться по трапу, какъ услышалъ за собой радостный возгласъ — „господинъ Савойловъ“; оборачиваюсь и вижу улыбающуюся физіономію Ахмета. Оказывается, онъ былъ въ Верхнемъ Египтѣ и только что получилъ мое письмо. Совершенно успокоенный, я вручилъ свою судьбу въ руки Ахмета, зная, что все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, что мы все, что нужно, увидимъ, и все будетъ стоить дешевле, такъ какъ, кромѣ необыкновенной честности, Ахметъ крайне заботится объ удешевленіи поѣздокъ и чуть-ли не силой удерживаетъ своихъ кліентовъ отъ ненужныхъ подчасъ тратъ.

Съ нами была и наша компаньонка по столу на пароходѣ; это оказалась петербургская жительница, баронесса Нина Корни-

*) Ахметъ свободно говоритъ по-русски и нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, возбуждая удивленіе своимъ костюмомъ и въ особенности своими шароварами, на которыя идетъ неимовѣрное количество матеріи.

ловна О.-С-нъ, ѣхавшая первоначально только до Аѳинъ, куда былъ назначенъ въ наше посольство ея племянникъ (а не сынъ, какъ мы предполагали) Густавъ Германовичъ Л-е; но такъ какъ ея цѣль была только прокатиться, то мы съ дочерью ее уговаривали проѣхать съ нами до Каира, что она и сдѣлала, вернувшись обратно съ тѣмъ же пароходомъ „Императоръ Николай I“. Пробывъ съ нами нѣсколько дней, баронесса пришла въ такой восторгъ отъ Каира, что мечтала уже о слѣдующей поѣздкѣ, что, я думаю, дѣлаютъ всѣ, кто побывалъ хоть разъ въ странѣ пирамидъ и Сфинкса.

Александрія мало интересна, хотя и насчитываетъ болѣе 2000 лѣтъ существованія (она основана Александромъ Великимъ въ 331 году до Р. Х.). Осмотръ христіанскихъ катакомбъ и колонны Діоклетіана (начало IV вѣка) занимаетъ мало времени, такъ что въ тотъ же день можно выѣхать въ Каиръ, до котораго всего 209 километровъ, которые проѣзжаютъ въ 3—$3^1/_2$ ч. на курьерскомъ и въ 6—7 ч. на пассажирскомъ поѣздѣ.

Поѣздъ идетъ по мѣстности, орошенной безчисленными рукавами Нила, этого кормильца Египта. Ландшафтъ совершенно необычный, какъ необычна и толпа, во множествѣ наполняющая станціи: бѣлыя фигуры арабовъ, гортанный звукъ арабской рѣчи, крики ословъ, ревъ верблюдовъ—все поражаетъ путешественника, попавшаго сюда первый разъ. Въ вагонѣ-ресторанѣ слышатся всевозможные языки, но главнымъ образомъ, конечно, англійскій—впрочемъ этотъ разъ была масса нѣмцевъ, появившихся, вѣроятно, въ Египтѣ въ пріятной надеждѣ на скорый разгромъ ненавистной Англіи и завладѣніе ея колоніями; держали они себя крайне нахально и шумно.

Въ Каиръ мы прибыли въ $7^1/_2$ ч. вечера и, приведя въ гостиницѣ себя въ порядокъ, спустились внизъ, гдѣ въ вестибюлѣ собралась порядочная международная толпа въ ожиданіи обѣда, на который обѣдающіе приглашаются гонгомъ. Кавалеры въ смокингахъ, дамы въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами — эта мода заведена англичанами, и ея строго придерживаются въ лучшихъ отеляхъ Каира, которыхъ тамъ довольно много (полный пансіонъ тамъ стоитъ отъ 4 рублей, экскурсіи, особенно же не въ сезонъ, могутъ устраиваться и дешевле, но въ общемъ жизнь въ Египтѣ достаточно дорога, впрочемъ, не для русскихъ, такъ какъ наши го-

стиничныя цѣны несравненно выше, хотя и не даютъ тѣхъ удобствъ, которыя вы получаете въ Египтѣ).

Гостиница Континенталь, гдѣ мы остановились, расположена на площади Оперы, противъ сада Эсбекія, въ самомъ центрѣ города. На улицу выходитъ большая терраса, гдѣ публика проводитъ все послѣобѣденное время, глазѣя на каирскую живописную толпу, снующую до поздняго вечера передъ ея глазами.

# IV.

# КАИРЪ.

## IV.

## Каиръ.

„Гдѣ волей прихоти случайной
Или по замыслу рѣзца
Сфинксъ съ неразгаданною тайной
Непостижимаго лица,
Съ улыбкой тонкой дни и ночи
Вперяя вдаль пытливый взоръ,
Расширивъ каменныя очи,
Глядитъ въ безбережный просторъ".

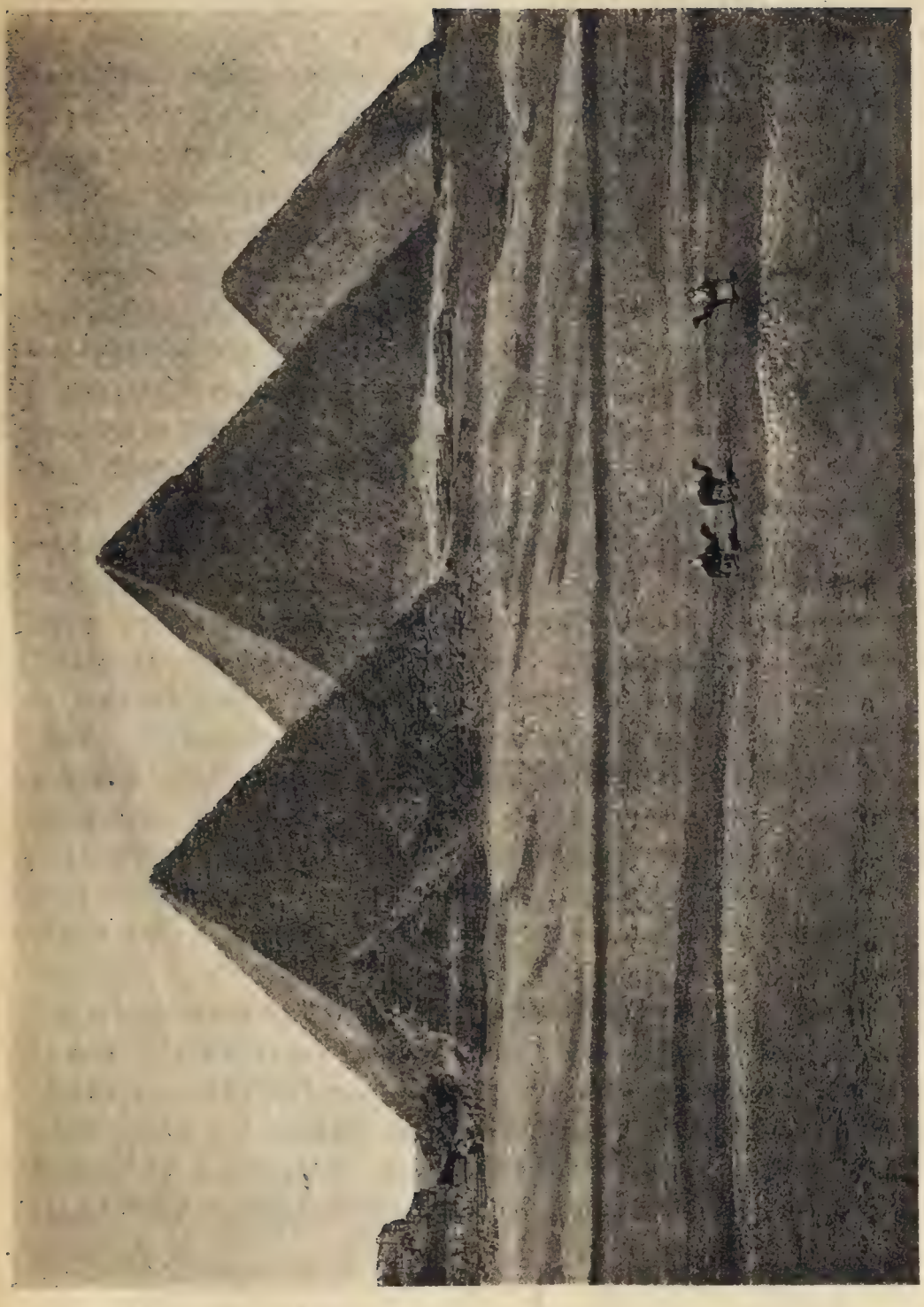
*К. Р.*

Если Каиръ сравнить съ остальными египетскими городами, то онъ, конечно, еще очень молодъ, но все же насчитываетъ достаточно столѣтій своего существованія, чтобы считаться древнимъ городомъ. Онъ лежитъ въ мѣстности, гдѣ еще въ древности былъ городъ Геліополисъ, который греки называли Вавилономъ. Крѣпость этого города, укрѣпленная римлянами была при императорѣ Августѣ занята римскимъ легіономъ. Въ 641 году нашей эры Вавилонъ покоренъ былъ однимъ изъ вождей халифа Омара, Амръ-Ибнъ-Эль-Асомъ, который разбилъ новый городъ нѣсколько къ сѣверу отъ крѣпости и назвалъ его Масръ-Эль-Фостатъ, что по-арабски означаетъ городъ палатки, и что должно было служить воспоминаніемъ того, что городъ возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ Амръ-Ибнъ-Эль-Аса. Въ 750 году городъ былъ сожженъ, кромѣ мечети, и былъ вновь отстроенъ нѣсколько сѣвернѣе, почему появился новый кварталъ Эль-Аскаръ; при Ахмедѣ-Эль-Аскаръ городъ значительно расширился на сѣверо-востокъ, при его сынѣ было сдѣлано много для украшенія города. Собственно же нынѣшній Каиръ основанъ въ 969 году при Фатимидѣ-Мѣцъ-Эддинъ-Аллахѣ, когда было приступлено къ основанію резиденціи этого перваго египетскаго халифа. Когда начинали постройку стѣнъ, говоритъ преданіе, планета Марсъ, которую арабы зовутъ Kahir, т.-е. побѣдоносецъ, перешла черезъ меридіанъ новаго города, который отсюда и получилъ

названіе Эль-Кахиръ. Въ 70-хъ годахъ XII столѣтія при знаменитомъ Саладинѣ, основателѣ династіи Эюаидовъ, была выстроена цитадель, при помощи плѣнныхъ христіанъ. Городъ постепенно разростался и соединилъ въ себѣ, кромѣ собственно Каира, также и древній Эль-Фостатъ. На постройку крѣпостныхъ стѣнъ пошли многія пирамиды.

Каиру пришлось за время своего долгаго существованія многое испытать и выстрадать; его исторія, какъ и исторія владычества въ немъ султановъ, была ознаменована почти непрерывными мятежами: ни одно царствованіе не начиналось иначе, какъ кровавыми возмущеніями эмировъ, боровшихся за власть. Въ 1517 году при султанѣ Туманъ-Бекѣ изъ династіи Мамелюковъ Каиръ былъ занятъ войсками турецкаго султана Селима I, при чемъ Туманъ-Бей былъ повѣшенъ; въ 1798 году, въ битвѣ у пирамидъ турки были разбиты французами подъ начальствомъ Наполеона Бонапарта и въ теченіе трехъ лѣтъ Каиръ былъ подъ властью Франціи; въ 1801 году во главѣ Египта становится паша Магометъ-Али въ качествѣ вассала турецкаго султана. Магометъ-Али является, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей новаго Египта. Въ августѣ 1805 года онъ овладѣлъ цитаделью Каира и при помощи мамелюковъ дважды разбилъ англичанъ, послѣ чего ихъ флотъ удалился осенью 1807 года изъ Александріи. Утвердившись въ Каирѣ, Магометъ вступилъ въ борьбу съ мамелюками и, въ концѣ концовъ, пригласивъ ихъ къ себѣ въ цитадель, онъ приказалъ ихъ всѣхъ перебить; при этомъ избіеніи погибло около 500 беевъ, послѣ чего новый владыка Египта могъ управлять своей страной безъ всякаго вмѣшательства кого бы то ни было. Попытки Магомета-Али избавиться отъ вассальныхъ отношеній къ Турціи не увѣнчались успѣхомъ; при поддержкѣ европейскихъ державъ Турція принудила Магомета признать надъ собой ея владычество, но вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе Египтомъ признала за потомствомъ Магомета (въ 1841 г.). Сыну Магомета—Ибрагиму, умершему въ 1848 году, поставленъ въ Каирѣ, на площади оперы, памятникъ.

Съ этихъ поръ Египетъ управляется хедивами изъ семьи Магомета-Али. Въ настоящее время фактически хозяевами Египта являются англичане, которые въ 1914 году объявили его присоединеннымъ къ владѣніямъ Великобританіи.



Пирамиды Гизех.

Каиръ, несомнѣнно, одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ Востока. Рѣзко раздѣляясь на части европейскую и арабскую, онъ хорошъ и какъ городъ европейскій, съ прекрасными улицами, обсаженными деревьями, съ красивыми домами, хорошъ и какъ городъ чисто восточный, а главное, въ немъ сохранилась красивая и оживленная толпа, поражающая свѣжаго человѣка своею красочностью и чисто восточнымъ колоритомъ. Передъ вашими глазами проходятъ чисто библейскія фигуры женщинъ въ какихъ-то черныхъ хитонахъ, при чемъ магометанки съ закрытыми лицами, бѣгутъ арабы, одѣтые въ бѣлыя рубахи, съ бѣлыми же чалмами на головахъ, промчится какой-нибудь толстый туземецъ на маленькомъ осликѣ, а за нимъ, держась за хвостъ осла, рысью бѣжитъ погонщикъ и тутъ же въ великолѣпномъ экипажѣ, съ кучеромъ въ красной фескѣ, прослѣдуютъ элегантно одѣтыя представительницы высшаго каирскаго свѣта. Точно въ калейдоскопѣ передъ вами мѣняются одна картина живописнѣе другой, и мы съ дочерью съ особымъ интересомъ просиживали все послѣобѣденное время на террасѣ нашей гостиницы и слѣдили за двигавшеюся передъ нами необычной панорамой.

Первымъ дѣломъ, на другой день послѣ нашего пріѣзда въ Каиръ, была поѣздка къ знаменитымъ пирамидамъ — этимъ поразительнымъ и величественнымъ памятникамъ сѣдой старины. Уже въ 9 часовъ утра появился нашъ Ахметъ и мы двинулись въ путь, захвативши, конечно, кодакъ, ставшій неизмѣннымъ спутникомъ всякаго туриста. Сѣвъ на углу улицы Булакъ, въ двухъ шагахъ отъ нашей гостиницы, въ трамвай *), мы отправились въ путь.

Трамвай пересѣкаетъ Нилъ близъ казармъ „Казръ-енъ-Нилъ“, и черезъ „Большой“ мостъ мы попадаемъ на островъ „Гезерихъ“, проѣхавъ который, дорога круто заворачиваетъ влѣво и идетъ мимо красивыхъ дачъ и прекраснаго зоологическаго сада, который, безусловно, стоитъ посмотрѣть, и достигаетъ до селенія Гиза, гдѣ она поворачиваетъ вправо, почти прямо на западъ, и

---

*) Надо отмѣтить особенность египетскихъ трамваевъ; въ нихъ существуютъ два класса, при чемъ въ первый классъ туземцы, арабы и копты не имѣютъ права входа; кажется, это правило существуетъ во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ.

по аллеѣ изъ акацій доходитъ едва не до самаго подножія пирамидъ, которыя давно уже видны изъ оконъ вагона. Путь этотъ очень интересенъ: то и дѣло вы обгоняете караваны верблюдовъ, туземцевъ, сидящихъ на крошечныхъ осликахъ, туземныхъ женщинъ въ ихъ мрачныхъ черныхъ платьяхъ со шлейфами и съ младенцами на плечахъ, тутъ же мчатся щегольскія коляски, автомобили. А тѣмъ временемъ все больше и больше выростаютъ передъ вами эти громады, заслоняя горизонтъ. Трамвай останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостиницы „Мена-Хузъ", васъ окружаютъ арабы въ ихъ типичныхъ, легкихъ костюмахъ, съ предложеніемъ верблюдовъ иословъ. Часть публики уступаетъ довольно назойливымъ проводникамъ, а большинство идетъ пѣшкомъ. Здѣсь уже кончается культурная полоса и вы вступаете уже въ предѣлы Ливійской пустыни. Первой передъ вами стоитъ пирамида Хеопса, самая большая изъ существующихъ пирамидъ; рядомъ вправо расположены еще двѣ, Кефрена и Мекериносъ. Вы приближаетесь къ величайшему и древнѣйшему сооруженію рукъ человѣческихъ; съ трудомъ вѣрится, что эти огромныя каменныя глыбы могли быть подняты на такую огромную высоту людьми въ тѣ еще времена, когда человѣчество не знало еще тѣхъ техническихъ приспособленій, которыми пользуются въ настоящее время. Еще болѣе удивляешься, когда знаешь, что пирамиды сложены безъ всякаго цемента, а держатся только благодаря своей тяжести и тщательной пригонкѣ и шлифовкѣ.

Часть публики направилась ко входу въ пирамиды, нѣкоторые при помощи бедуиновъ полѣзли наверхъ, а мы съ дочерью, обогнувъ пирамиду Хеопса съ лѣвой стороны, направились къ знаменитому Сфинксу. Если пирамиды и производятъ сильное впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ ними, то Сфинксъ прямо-таки поражаетъ ваше воображеніе. Когда я первый разъ увидалъ его, то долго стоялъ, всматриваясь въ эту величественную и могучую, хотя и обезображенную временемъ и людьми, фигуру.

„Въ знойной пустынѣ вѣками покоится сфинксъ полногрудый,
Гордо главу приподнявъ и очей неподвижные взоры
Въ даль устремивъ безпредѣльную... только песчаныя груды
Всюду вокругъ разостлалися въ необозримомъ просторѣ...

—Кѣмъ ты воздвигнутъ, незыблемый стражъ раскаленной пустыни?
Кто твои мощные члены изваялъ рукой безыскусной?
Что за значенье придалъ твоей онъ недвижной громадѣ?
И отчего улыбаешься ты такъ загадочно-грустно?"

К. Р.

Его таинственный взглядъ, устремленный, казалось, въ сѣдую глубь вѣковъ, невольно притягиваетъ васъ и хочется разгадать его мысли, хочется прозрѣть то, что видитъ онъ на протяженіи длиннаго ряда, протекшихъ передъ нимъ тысячелѣтій его существованія. Прошли цѣлыя тысячелѣтія, смѣнился цѣлый рядъ поколѣній; на сыпучихъ пескахъ окружающей его пустыни, выросли огромныя фигуры пирамидъ, казалось, достигшихъ небеснаго свода, ушли въ царство Осириса строившіе ихъ фараоны, смѣнился цѣлый рядъ династій, на древнихъ престолахъ Египта появились чужеземцы, низвергались царства, низвергнуты были старые боги, на ихъ смѣну пришли новые, на развалинахъ храмовъ и вѣрованій возникали новые, чтобы, въ свою очередь, уступить мѣсто другимъ, а этотъ безмолвный свидѣтель глубочайшей древности все еще стоитъ и съ той же таинственной улыбкой смотритъ вдаль, точно желая разгадать будущее священной земли Гаторъ и Амонъ-Ра. И не на меня одного произвелъ сильное впечатлѣніе Сфинксъ, нѣтъ ни одного писателя, который, описывая Египетъ, не отмѣтилъ бы огромнаго и неизгладимаго впечатлѣнія, производимаго Сфинксомъ. — „Я могу себѣ представить,—говоритъ англійскій писатель, — что закоренѣлый атеистъ, глядя на Сфинкса, вдругъ почувствуетъ и пойметъ, что передъ нимъ стоитъ доказательство загробной жизни человѣческой души, жизни души „khufu" внѣ предѣловъ той пирамиды, гдѣ онъ погребенъ. Чѣмъ больше погружаешься въ созерцаніе Сфинкса, тѣмъ болѣе проникаешься удивленіемъ къ нему, проникаешься тѣмъ великимъ, невозмутимымъ покоемъ, который отъ него исходитъ, какъ свѣтъ исходитъ отъ солнца. Всматриваясь въ него, вы въ концѣ-концовъ подходите къ безконечному, постепенно понимаете, гдѣ лежитъ эта область безконечнаго, въ которую какъ бы вливается конечное со всѣмъ его величіемъ . . ." „Кто хотя разъ созерцалъ Великаго Сфинкса,— говоритъ Л. Н. Львовъ въ своихъ очеркахъ Египта, — тому не забыть силы и глубины мысли этихъ безстрастныхъ очей, смо-

тящихъ поверхъ человѣчества, далеко за грань земного міра". И дѣйствительно — Сфинксъ и царскія гробницы въ Ѳивахъ производятъ на васъ поразительное и ни съ чѣмъ не сравнимое впечатлѣніе. Глядя на эти дивные памятники сѣдой старины, вы чувствуете все ничтожество современнаго человѣчества, являющагося какимъ-то пигмеемъ по сравненію съ тѣми, которые жили десятки тысячелѣтій тому назадъ и передъ изумительными

Великій Сфинксъ.

твореніями которыхъ стоитъ пораженное ими современное человѣчество.

Однако, пора намъ вернуться и къ внѣшнему обозрѣнію пирамидъ и Сфинкса. Первая слѣва и самая большая пирамида выстроена фараономъ четвертой династіи Хеопсомъ за 2900 лѣтъ до нашей эры, вышина ея въ настоящее время нѣсколько болѣе 137 метровъ, при постройкѣ же вышина достигала до $146^1/_2$ мет-

ровъ, въ основаніи она имѣетъ 233 метра. Верхушка ея теперь разрушена и она лишена своей гранитной облицовки, благодаря чему она вся въ уступахъ, дающихъ возможность подняться на ея вершину, гдѣ теперь образовалась небольшая площадка, съ которой открывается видъ на огромное пространство; вторая пирамида построена преемникомъ Хеопса фараономъ Кефреномъ, она имѣетъ въ высоту 136 метровъ, вершина ея нѣсколько сохранила древнюю обшивку; третья, построенная фараономъ Микериносомъ, имѣетъ всего въ вышину 62 метра, около этой пирамиды производятся теперь раскопки, которыя во время нашего путешествія осматривать было нельзя.

Сфинксъ старше пирамидъ и принадлежитъ самымъ первымъ династіямъ Египта, т.-е. имѣетъ на своихъ плечахъ приблизительно пятьдесятъ столѣтій. Высѣченъ Сфинксъ изъ скалы и имѣетъ форму льва съ человѣческой головой, покрытой клафтомъ, и, какъ я уже говорилъ выше, поражаетъ выраженіемъ своего задумчиваго лица, сохранившагося, несмотря на протекшіе вѣка, оставившихъ при содѣйствіи, конечно, и людского невѣжества, большіе слѣды разрушенія. Высота Сфинкса отъ вершины головы до земли, на которой покоятся лапы, около 20 метровъ, а длина отъ переднихъ лапъ до начала хвоста 57 метровъ, ширина 5 метровъ. Ухо, по Маріетту, имѣетъ 1,37 метровъ, носъ 1,70 метра и ротъ 2,32 метра.

Впервые Сфинксъ былъ освобожденъ отъ песка, кажется, при фараонѣ Тутмозисѣ IV (1420—1411 гг. до Р. Х.) и былъ реставрированъ при Птоломеяхъ и римскихъ императорахъ. Въ XIX столѣтіи Сфинксъ дважды былъ освобожденъ отъ песка, послѣдній разъ въ 1886 году Масперо, въ настоящее время онъ опять постепенно засыпается.

Около Сфинкса видны остатки храма, возможно, современника своего знаменитаго сосѣда. Сохранились четырехугольныя колонны изъ розоваго гранита и часть святилища съ потолкомъ изъ одной огромной каменной плиты. Храмъ значительно вросъ въ песокъ, который постоянно засыпаетъ, какъ его, такъ и Сфинксъ; открытъ онъ былъ въ 1853 году знаменитымъ Маріеттомъ.

Несмотря на многія работы и изысканія ученыхъ, до сихъ поръ точно не установлено назначеніе Сфинкса, служилъ ли онъ предметомъ культа или простымъ украшеніемъ храма—это знаетъ

только онъ одинъ и врядъ ли кто-нибудь и въ будущемъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Пирамиды же служили мѣстомъ послѣдняго упокоенія фараоновъ, муміи которыхъ скрывались въ ихъ глубокихъ нѣдрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пирамида не является той могилой, которую знаетъ современное человѣчество, т.-е. мѣстомъ тлѣнія, мѣстомъ печали. Древніе египтяне совершенно иначе понимали смерть, чѣмъ понимаемъ это мы: они вѣрили, что человѣкъ заключаетъ въ себѣ своего же двойника, котораго они называли „Ка“ и который былъ безсмертенъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Морэ („Во времена фараоновъ“): „То, что называютъ смертью, есть не болѣе, какъ длительный обморокъ, который можетъ прекратиться, если вернется двойникъ. Послѣ смерти каждая составная часть человѣка тѣло и двойникъ, продолжаютъ жить порознь. И вотъ, чтобы сдѣлать смерть безвредной, нужно поставить тѣло въ условія, противодѣйствующія тлѣнію, этому роковому послѣдствію раздвоенія: нужно сохранить его по возможности нетронутымъ, чтобы душа двойника могла, въ свою очередь, узнать его и снова обитать въ немъ. Словомъ, нужно дать блуждающей душѣ убѣжище. Отсюда необходимость погребальнаго обряда, цѣль котораго—сохранить тѣло и обезвредить душѣ жилище“.

Результатомъ этого вѣрованія и было появленіе этихъ жилищъ, этихъ „Домовъ Вѣчности“, по выраженію того же Морэ, наступленіе цѣлой эпохи пирамидъ, которыя строились фараонами и его приближенными, и мы встрѣчаемъ ихъ на огромномъ пространствѣ всей Нильской Долины, отъ Абу-Роаша до Дашура, у Медума, у Гизе, у Абусира и у Саккары. Древнѣйшей пирамидой считается пирамида въ Саккарѣ, выстроенная Зесеромъ, фараономъ III династіи (около 4100 лѣтъ до нашей эры).

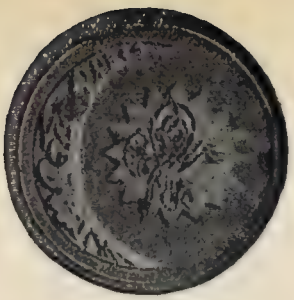
Солнце начало изрядно припекать, и мы, простившись съ Сфинксомъ, отправились въ обратный путь, чтобы успѣть къ завтраку, послѣ котораго, по рѣшенію нашего Ахмета, мы должны были отправиться на Базаръ.

Базару мы посвятили почти все время между завтракомъ и обѣдомъ. Если Базаръ въ Константинополѣ и больше и, можетъ быть, богаче, хотя въ послѣднемъ я сомнѣваюсь, то, во всякомъ случаѣ, каирскій несравненно интереснѣе и по своей красочности

и сохранившемуся восточному колориту; восточная жизнь здѣсь бьетъ ключемъ, тогда какъ въ Константинополѣ, какъ я упоминалъ выше, Востокъ постепенно уступаетъ Западу, теряя свои характерныя особенности, а главное свои яркія краски. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ уголковъ на каирскомъ Базарѣ слѣдуетъ считать мѣдный отдѣлъ, гдѣ у васъ же на глазахъ производится ручнымъ способомъ чеканка различныхъ предметовъ домашняго обихода. Въ одной изъ лавочекъ намъ дали великолѣпный кофе, приготовленный турецкимъ способомъ.

# V.

# МЕЧЕТИ КАИРА.



## V.

## Мечети Каира.

„Ищущій знаній болѣе любимъ Аллахомъ,
чѣмъ сражающійся въ священной войнѣ".

Каиръ поистинѣ можно назвать городомъ мечетей. Говорятъ, ихъ до трехъ тысячъ, и, дѣйствительно, въ старомъ арабскомъ Каирѣ вы ихъ встрѣчаете чуть ли не на каждомъ шагу, особенно же поражаетъ васъ огромное ихъ количество, когда вы любуетесь Каиромъ съ высоты Мокаттама — изъ цитадели, господствующей надъ старымъ городомъ. И какъ онѣ удивительно хороши, эти каирскія мечети, и какъ далеко во всѣхъ отношеніяхъ оставили онѣ за собой, также прекрасныя, мечети Константинополя. Арабское искусство проявило въ нихъ себя во всемъ своемъ блескѣ и изяществѣ. Мраморъ, янтарь, порфиръ, перламутръ, золото—все это переплелось въ нихъ и вылилось въ тончайшіе арабскіе рисунки въ формѣ ли фресковъ или ажурныхъ, какъ кружево, арабесокъ, вѣнчающихъ своды, капители колоннъ, украшающихъ мавзолеи святыхъ, калифовъ и султановъ Египта.

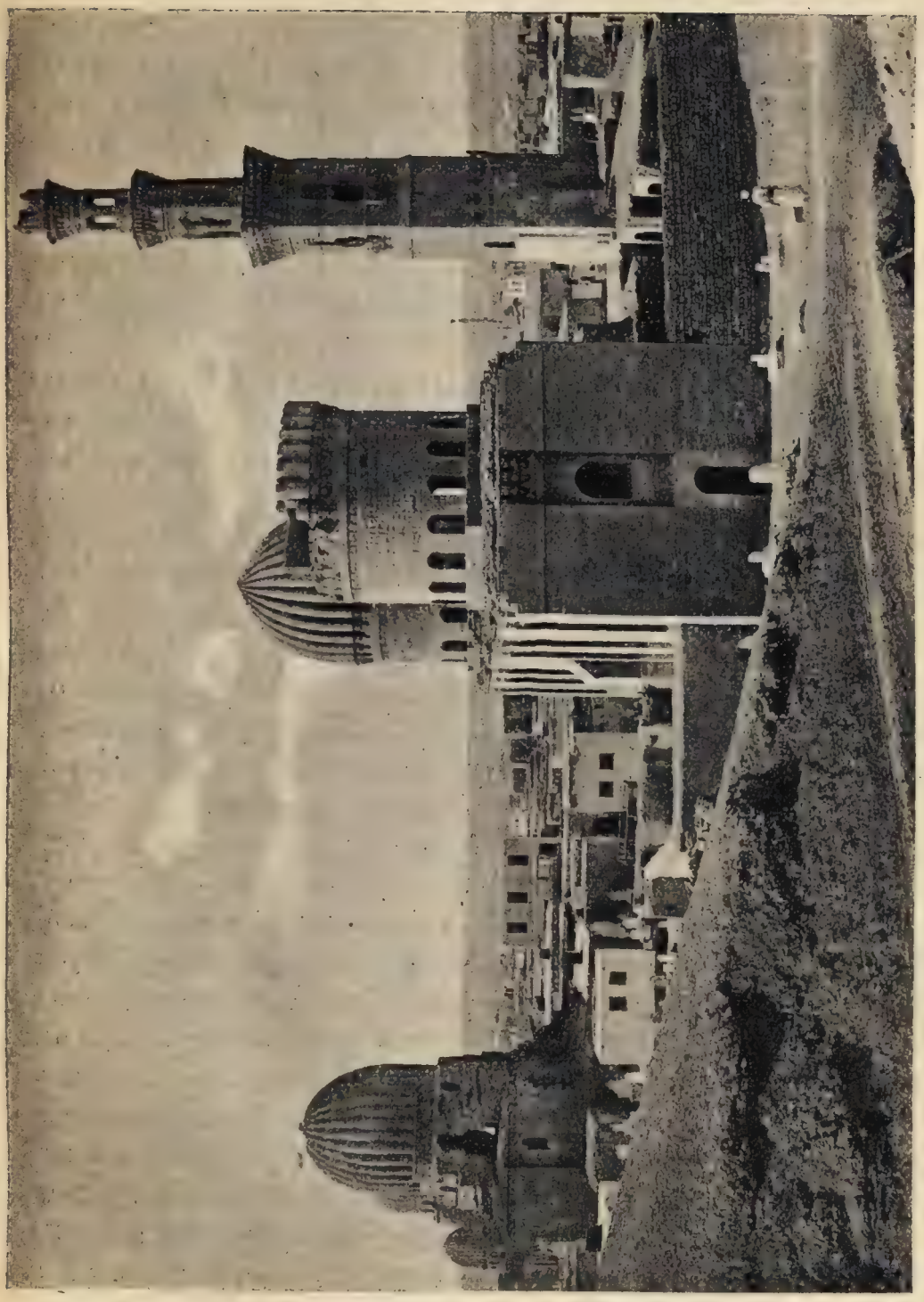
Въ каирскихъ мечетяхъ вы увидите ту безпредѣльную любовь къ своему храму, которая руководила строителей этихъ безчисленныхъ дивныхъ мечетей, которыя производятъ поистинѣ чарующее впечатлѣніе и привлекаютъ къ себѣ своимъ изяществомъ, легкостью постройки, красотой и гармоніей линій.

Послѣ необыкновенно шумной, жаркой и, въ концѣ-концовъ, утомляющей васъ улицы вы входите подъ высокую сѣнь мечети; здѣсь васъ встрѣчаетъ торжественная тишина, освѣжающая прохлада и неумолкаемый гомонъ всевозможныхъ птицъ, безпрепятственно живущихъ подъ высокими сводами храма. Свѣтъ проникаетъ черезъ узкія окна съ разноцвѣтными стеклами, придавая

всему какое-то особое, хотѣлось бы сказать, поэтическое освѣщеніе и бросая разноцвѣтные блики на устланный коврами или циновками полъ, переливаясь еще, кромѣ того, въ безчисленномъ количествѣ лампадъ изъ разноцвѣтнаго стекла, спускающихся по всей мечети приблизительно на разстояніи 3-хъ аршинъ отъ пола. Тамъ и сямъ, поджавши подъ себя ноги, сидятъ фигуры правовѣрныхъ въ бѣлыхъ тюрбанахъ, часто съ зеленымъ шарфомъ на нихъ, означающимъ, что они посѣтили священную Мекку и, подъ мѣрное раскачиваніе туловища, монотоннымъ, громкимъ шопотомъ читаютъ священную книгу пророка, и этотъ шопотъ, сливаясь съ веселымъ щебетаніемъ массы птицъ, воркованіемъ голубей и шелестомъ роскошныхъ пальмъ, растущихъ въ большинствѣ случаевъ вокругъ мечетей и отдѣленныхъ отъ нея лишь однѣми колоннами, наполняетъ мечеть какими-то особенными, хорошо васъ настраивающими, звуками, переходящими въ общій, убаюкивающій васъ, гулъ.

Въ самой мечети или же въ особой пристройкѣ, какъ бы въ большой нишѣ, отдѣленной отъ главнаго храма 2—4-мя колоннами, но большею частью подъ отдѣльнымъ куполомъ, въ богато изукрашенномъ арабесками мавзолеѣ, лежитъ тотъ, которому посвящена мечеть и имя котораго она носитъ. И здѣсь вы видите сосредоточенныя фигуры молящихся, старающихся не отвлекаться отъ молитвы и только иногда, брошенный на какого-нибудь слишкомъ уже назойливаго туриста взглядъ презрѣнія показываетъ вамъ то чувство, которое питаетъ этотъ почтенный старикъ къ снующимъ повсюду гяурамъ.

А эти безчисленныя колонны? Что и кого только не перевидали онѣ въ теченіе своей долгой жизни, насчитывающей огромный рядъ вѣковъ. Стояли онѣ и въ древнихъ египетскихъ храмахъ и, сквозь клубы благовоннаго ѳиміама, всматривались въ каменныя изваянія Осириса, Исиды и другихъ боговъ, которымъ поклонялись народы, входившіе въ составъ владѣній могущественныхъ фараоновъ, носившихъ двойныя короны Верхняго и Нижняго Египта; присутствовали онѣ и при христіанскомъ богослуженіи и всматривались въ строгіе лики святыхъ и черныя фигуры христіанскихъ иноковъ; присутствовали при торжествѣ ислама и присутствуютъ теперь при его упадкѣ, когда въ него со всѣхъ сторонъ врываются постороннія и чуждыя для него



Гробницы Халифовъ.

вѣянія и вліянія, подтачивая то, что съ любовью лелѣялось въ теченіе ряда вѣковъ послѣдователями пророка. Пострадала и мечеть, куда тоже ворвалась интернаціональная толпа, сама ни во что не вѣрующая и отвергающая право вѣрить и въ другихъ. Съ шумомъ, со смѣхомъ и съ прибауткамм появляется она въ этихъ, священныхъ для мѣстнаго жителя, мѣстахъ молитвы, заглядываетъ во всѣ уголки и безъ стѣсненія разглядываетъ эти почтенныя фигуры стариковъ-мусульманъ, пришедшихъ сюда для уединенія и молитвы, и находящихъ уже и здѣсь все отрицающій Западъ въ лицѣ его безцеремонныхъ представителей, хотя, можетъ быть, и высоко образованныхъ, но, во всякомъ случаѣ мало культурныхъ и относящихся съ презрѣніемъ ко всему чужому. Къ концу своего пребыванія въ Египтѣ я, какъ отъ чумы, сталъ бѣгать отъ этихъ господъ «кукишей», какъ мы прозвали эти безчисленныя толпы туристовъ, предводимыхъ наглыми агентами знаменитаго во всемъ мірѣ Кука, который, надо все же отдать ему справедливость, очень облегчаетъ путешествія, беря на себя всѣ заботы по поѣздкамъ и осмотрамъ.

Самой древней мечетью Каира считается мечеть Амру, находящаяся въ старой части Каира. Названіе свое она получила отъ одного изъ генераловъ калифа Омара. Самого зданія молитвы не сохранилось и вообще мечеть находится въ большомъ запустѣніи, хотя и принадлежитъ къ особо чтимымъ святынямъ.

Всюду вы наталкиваетесь на остатки древнихъ стѣнъ, груды камней и строительнаго мусора, обломки колоннъ, — все это заросло травой и деревьями, на всемъ лежитъ печать забвенія. Обычный въ мечетяхъ фонтанъ для омовенія бездѣйствуетъ, такъ какъ воды въ немъ давно уже нѣтъ. Сохранился только огромный дворъ, обнесенный галлереей съ арками, при чемъ наиболѣе сохранилась восточная часть. Въ старину здѣсь была масса колоннъ, взятыхъ изъ римскихъ и византійскихъ построекъ; число ихъ, говорятъ, достигало 366. Посрединѣ двора—колодезь, который, по народному повѣрью, имѣетъ сообщеніе съ Меккой. Въ числѣ колоннъ имѣется одна, окруженная желѣзной рѣшеткой; на ней выгравированы, какъ говорятъ, самой природой на арабскомъ языкѣ имена Аллаха, Магомета и султана Сулеймана, кромѣ того, сдѣлано изображеніе посоха Магомета. Колонна эта перенесена, по преданію, изъ Мекки самимъ Омаромъ.

Въ одномъ изъ угловъ сѣверо-западной стороны находится ниша съ двумя низкими колоннами, у которыхъ правовѣрные ищутъ исцѣленія, для чего лижутъ эти колонны; въ сѣверо-восточной части находится гробница Абдалаха, сына Амру, а въ западной галлереѣ стоитъ колонна, состоящая изъ двухъ колоннъ, между которыми, по народному повѣрью, можетъ пройти только честный человѣкъ. Наши усилія пролѣзть сквозь нее не увѣнчались успѣхомъ, Ахметъ же какимъ-то образомъ умудрился протискаться и блестяще доказалъ вѣрность народнаго повѣрья, хотя одну минуту я былъ увѣренъ, что онъ навѣки останется между ними или же, что его хватитъ ударъ.

Въ этомъ же арабскомъ кварталѣ, затерянная среди лабиринта небольшихъ уличекъ, расположилась мечеть Эль-Азаръ и скорѣй даже не мечеть, а духовная академія, снабжающая священниками и учеными весь мусульманскій міръ въ теченіе уже почти цѣлаго тысячелѣтія. Построена она при Фатимидахъ и была закончена въ 970 году; уже въ 988 году, при калифѣ Эль-Азарѣ, здѣсь былъ устроенъ университетъ. Мечеть была перестраиваема много разъ, такъ что только центральная ея часть съ куполомъ считается единственно сохранившеюся отъ первоначальной постройки, также считаются древними украшенія двухъ куполовъ и арокъ. Мечеть пользовалась большимъ вниманіемъ общества и объ украшеніи Эль-Азаръ заботились не только правители Египта, но и многія частныя лица.

Эль-Азаръ производитъ оригинальное впечатлѣніе. Черезъ большія рѣзныя, прекрасной работы, двери вы входите на большой дворъ, залитый лучами палящаго солнца, кругомъ идутъ безчисленныя крытыя галлереи, отдѣленныя отъ двора лишь колоннами съ арками.

Васъ встрѣчаетъ гулъ голосовъ безчисленнаго множества студентовъ *), явившихся сюда въ поискахъ за знаніемъ со всѣхъ концовъ свѣта, найдете вы здѣсь и суданцевъ, и нашихъ бухарцевъ, и обитателей Индіи. Всѣ они пришли сюда для изученія божественной книги Пророка. Въ одномъ мѣстѣ сидитъ на полу кучка молодежи и, подъ руководствомъ стараго муллы, мѣрно

*) Число студентовъ въ 1912 году достигало 15 тысячъ при почти 600 профессорахъ.

раскачиваясь, читаетъ вполголоса Коранъ, въ другомъ мѣстѣ кучка студентовъ принялась за обѣдъ, а въ третьемъ — на разостланной на горячихъ плитахъ цыновкѣ спитъ утомившійся отъ умственной работы красавецъ-нубіецъ, подставившій свою черную физіономію подъ жгучіе лучи солнца, безъ боязни загорѣть, такъ какъ никакое солнце не можетъ измѣнить цвѣта его лица, чернаго, какъ голенище. Мнѣ очень хотѣлось увѣковѣчить кодакомъ эту красивую и оригинальную картину, но, къ сожалѣнію, здѣсь это запрещено. Съ лѣвой стороны входа помѣщается сравнительно небольшая библіотека, но зато владѣющая рѣдчайшими арабскими рукописями и, въ томъ числѣ, дивными экземплярами Корана. Вокругъ двора, какъ я говорилъ, идутъ крытыя галлереи, при чемъ находящаяся противъ входа имѣетъ очень большіе размѣры, ширина ея болѣе 50 метровъ, вся она занята 8-ю рядами колоннъ самаго разнообразнаго стиля и формы; эта часть—такъ-называемая Ліуанъ; здѣсь та же картина, которую представляетъ изъ себя и дворъ, все полно студентами всевозможныхъ національностей и окрасокъ.

Вторая по древности послѣ Амру, это—мечеть Ибнъ-Тулунъ, построенная въ 879 году Ахмедомъ-Ибнъ-Тулуномъ, основателемъ династіи Тулунидовъ. Она занимаетъ большую площадь въ 25,700 кв. метровъ, при чемъ 17 тысячъ приходится на самое зданіе мечети. Мечеть эта мало пострадала отъ реставрацій и сохранила свой первоначальный видъ.

Построена она, согласно преданію, архитекторомъ-христіаниномъ. Дворъ окруженъ двойной галлереей изъ четырехъ рядовъ колоннъ съ арками (раньше, говорятъ, ихъ было пять рядовъ, но онѣ рухнули въ 1875 году). На отдѣлку, какъ говоритъ все то же преданіе, пошло дерево изъ Ноева ковчега, найденнаго на Араратѣ самимъ Ибнъ-Тулуномъ. Очень красивъ видъ съ минарета, который стоитъ около внутренняго двора. Видны пирамиды Гизе, видна долина Нила на огромное разстояніе.

Мечеть Султана-Гассана является замѣчательнымъ сооруженіемъ арабско-египетскаго стиля и едва ли не самая красивая мечеть въ Каирѣ; построена она въ 1356—1359 гг. калифомъ Гассаномъ-Энъ-Назиромъ. Она производитъ большое впечатлѣніе не только обширностью своихъ размѣровъ, но и превосходными орнаментами, внѣшній ея видъ напоминаетъ древніе египетскіе храмы.

Мечеть Магомета Али.

Всѣ фасады мечети украшены великолѣпными карнизами. Главный входъ съ улицы Магомета-Али имѣетъ въ вышину 26 метровъ и поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, хотя украшеніе его, повидимому, не было закончено; порогъ устроенъ изъ порфира, а двѣ боковыя колонны изъ лазуревaго камня; въ юго-восточной части помѣщается огромный мавзолей самого султана Гассана съ куполомъ, имѣющимъ 55 метровъ въ высоту. Поражаетъ также одинъ изъ минаретовъ (южный), имѣющій болѣе 81 метра и являющійся самымъ высокимъ въ Каирѣ. Посрединѣ внутренняго двора мечети Гассана устроенъ фонтанъ для омовенія правовѣрныхъ, онъ имѣетъ форму шара, лежащаго на восьми колоннахъ.

Очень хороша и мечеть Магомета-Али въ цитадели, но она совсѣмъ еще юная, ея постройка окончена всего только въ 1857 г. Построена она по планамъ константинопольской мечети Османіе. Тутъ же погребенъ и основатель нынѣшней династіи хедивовъ Магометъ-Али.

Отъ мечети Магомета-Али, стоящей на высотахъ Мокаттама, открывается дивный видъ. У вашихъ ногъ весь Каиръ съ его безчисленными минаретами, садами и мечетью Гассана на первомъ планѣ, виднѣются зеленѣющіе берега стараго Нила, а на западѣ въ розовой дымкѣ, окутывающей весь Египетъ, среди сыпучихъ песковъ Сахары видны громады безчисленныхъ пирамидъ, кажущихся отсюда какими-то небольшими точками,— хочется разглядѣть и Сфинскъ, но увы, онъ стоитъ въ ямѣ, образовавшейся наносами песка, и видѣть его невозможно.

Невдалекѣ отъ мечети Магомета стоитъ мечеть Энъ-Назиръ, построенная въ началѣ XIV столѣтія, но она служила одно время военнымъ складомъ и даже тюрьмой и страшно пострадала; около этой мечети, съ южной стороны, показываютъ колодезь Юсуфа, якобы выкопанный прекраснымъ Іосифомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ устроенъ, кажется знаменитымъ Саладиномъ, полное имя котораго было Юсуфъ-Салахъ-Эддинъ. Во всякомъ случаѣ это сооруженіе крайне интересно и на него стоитъ взглянуть; оно имѣетъ въ глубину 88 метровъ и дно его, какъ говорятъ, находится на уровнѣ дна Нила.

Этими пятью мечетями мы ограничили свой осмотръ, т. к. приходилось беречь время и для другого не менѣе интереснаго. Несмотря на великолѣпіе и сравнительную древность каирскихъ

Мечеть Султана Гассана.

мечетей, все же онѣ далеко уступаютъ другимъ памятникамъ, хотя и не великолѣпнымъ по своему наружному виду, но насчитывающимъ не вѣка, какъ онѣ, а тысячелѣтія своего существованія. Но раньше поѣздокъ въ Мемфисъ и вообще за городъ, мы рѣшили окончить съ осмотромъ достопримѣчательностей собственно въ Каирѣ, на что и посвятили всѣ первые дни нашего пребыванія въ немъ, строго исполняя программу, составленную Ахметомъ.

Одною изъ достопримѣчательностей Каира, несомнѣнно, является Египетскій Музей, созданный знаменитымъ французскимъ египтологомъ Маріеттомъ, саркофагъ съ тѣломъ котораго и памятникъ стоятъ тутъ же, передъ великолѣпнымъ зданіемъ музея, построеннымъ въ 1897—1902 г. До этого времени музей помѣщался въ Булакѣ*).

Благодаря цѣлому ряду выдающихся директоровъ, въ особенности извѣстному Масперо, это единственное по своей цѣнности собраніе египетскихъ древностей. Здѣсь собрана масса предметовъ глубочайшей старины, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ насчитываютъ до семи тысячъ лѣтъ своего бытія. Трудно описать то чувство, которое испытываете вы, глядя на творенія людей, жившихъ за 5000 тысячъ лѣтъ до нашей эры; въ предметахъ военнаго быта, домашняго обихода, культа, въ многочисленныхъ остаткахъ украшеній, утвари, одежды проходитъ передъ вами вся отдаленная жизнь цѣлаго ряда поколѣній древняго, почти легендарнаго Египта. Передъ вами проходятъ дѣятели огромнаго количества царствовавшихъ въ Египтѣ династій, вы можете видѣть здѣсь останки многихъ великихъ государей, всѣ эти Рамсесы, Аменхотепы, Тутмесы—всѣ они здѣсь передъ вами, въ своихъ гробницахъ, извлеченныхъ изъ глубины нѣдръ, куда ихъ помѣщали въ надеждѣ сохранить до скончанія міра. Думали ли они, эти гордые владыки, что настанетъ время, когда надъ ихъ муміями будетъ склоняться любопытная толпа чужеземцевъ, будетъ разсматривать ихъ какъ археологическую рѣдкость и только, что присутствіе ихъ тѣлъ не вызоветъ въ нихъ того почтенія, которымъ невольно проникается человѣкъ, при видѣ останковъ себѣ подобныхъ.

*) Въ Булакѣ также имѣется музей и теперь, но огромная часть предметовъ была перенесена въ Каиръ.

Отдѣлъ мумій великолѣпенъ и производитъ поразительное впечатлѣніе, какъ богатствомъ отдѣлки футляровъ, въ которые клались муміи, такъ и ихъ количествомъ. Чтобы ознакомиться съ музеемъ, конечно, надо посвятить его осмотру не одинъ день, а по крайней мѣрѣ недѣлю.

Музей имѣетъ прекрасный каталогъ (538 стр.), составленный въ 1914 году самимъ Масперо. Пока мы находились въ музеѣ, поднялся хамсинъ, тучи мелкаго песка пустыни наполнили воздухъ и окрасили все въ золотистый цвѣтъ, солнце казалось какимъ-то свѣтлымъ пятномъ на яркомъ золотомъ фонѣ. Картина была очень красивая, но продолжалось это недолго, и когда мы вышли изъ музея, все уже приняло свой обычный видъ.

Зданіе музея построено въ греко-романскомъ стилѣ и обошлось болѣе пяти милліоновъ франковъ; занимаетъ оно 12 тысячъ квадратныхъ метровъ.

На слѣдующій день, послѣ осмотра музея, была пятница, и мы отправились смотрѣть дервишей. Не скажу, чтобы это было особенно интересно, но одинъ разъ посмотрѣть, конечно, слѣдуетъ. Служба ихъ, если такъ можно выразиться, происходитъ въ небольшой мечети Эль-Акбаръ, самое дѣйствіе происходитъ внизу, а на хорахъ играетъ отчаянно дикая музыка, подъ звуки которой дервиши въ началѣ просто ходятъ и кланяются другъ другу и своему настоятелю, а затѣмъ начинаютъ вертѣться все сильнѣй и сильнѣй, изображая изъ себя какихъ-то волчковъ. Такъ повторяется нѣсколько разъ. Мы облегченно вздохнули, когда вышли на свѣжій воздухъ и были очень довольны, что этотъ номеръ программы, составленный нашимъ Ахметомъ, былъ нами уже выполненъ.

Въ тотъ же день, въ 3 часа, мы въ экипажѣ отправились въ деревню Матаріэ, къ священному дереву, въ тѣни котораго, по преданію, отдыхала Богородица съ своимъ божественнымъ Сыномъ. Дерево это—очень старый сикоморъ (изъ семейства платановъ), но, конечно, онъ не настолько древенъ, чтобы это событіе могло совершиться именно подъ нимъ*); около него находится глубокій колодезь, вода котораго считается священной. Послѣ осмотра

*) Теперешнее дерево, говорятъ, посажено въ 1672 году, на мѣсто стоявшаго тамъ раньше и высохшаго отъ старости.

дерева проѣхали къ обелиску, стоящему на мѣстѣ древняго города Геліополиса; теперь вокругъ обелиска поля, засѣянныя разными злаками и ничто не напоминаетъ вамъ того храма богу-солнцу, около котораго онъ стоялъ. Обелискъ этотъ древнѣйшій въ Египтѣ, поставленъ онъ былъ при XII династіи, т.-е. имѣетъ не менѣе 3500 лѣтъ.

На обратномъ пути заѣхали на заводъ страусовъ. Этотъ разъ онъ былъ мало интересенъ, т.-к. недавно была холера и большая часть страусовъ погибла, въ обычное время тамъ бываетъ до 800 страусовъ различныхъ возрастовъ и различнаго оперенія.

Путь шелъ мимо новаго города или вѣрнѣй пригорода Каира, также Геліополиса, построеннаго бельгійцами съ коммерческими цѣлями. Пока онъ еще ждетъ обитателей, но, во всякомъ случаѣ, надо думать, что все это будетъ заселено, т.-к. благодатный климатъ Египта привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе путешественниковъ.

Посѣтили мы и коптскія церкви: ихъ въ Каирѣ четыре. Одна изъ нихъ, каѳедральный соборъ св. Николая, расположена недалеко отъ центра на улицѣ Hamzawi, затерявшейся среди грязныхъ переулковъ, идущихъ отъ улицы Муски. Храмъ этотъ выстроенъ частью на русскія пожертвованія, а иконостасъ писанъ въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ. Храмъ стоитъ такъ, что его ниоткуда нельзя видѣть, во дворѣ, купола не имѣетъ. Окруженъ онъ жилыми постройками, въ которыхъ помѣщаются: библіотека, покои патріарха и различныя службы. Съ правой стороны главнаго входа на наружной стѣнѣ имѣется надпись о сооруженіи храма съ именами графа Муравьева и графини Орловой. Второй, также новѣйшій храмъ, св. Георгія, находится въ старомъ Каирѣ, близъ него лежитъ небольшая, но очень старинная церковь, въ которой показываютъ мѣсто, гдѣ жила Богоматерь. Показывалъ намъ церковь сынъ священника, чрезвычайно обрадовавшійся, когда узналъ, что мы русскіе и слѣдовательно „ортодоксы“, сейчасъ же принесъ чудеснаго кофе и мы тутъ же, въ церкви, его съ удовольствіемъ выпили, разговаривая при посредствѣ Ахмета съ нашимъ любезнымъ хозяиномъ.

Четвертая церковь—кладбищенская. Въ общемъ коптскія церкви производятъ грустное впечатлѣніе своею бѣдностью, объясняемой не равнодушіемъ къ ней паствы, но бѣдностью самихъ коптовъ,

этихъ потомковъ древнихъ египтянъ. Хотя копты и считаютъ себя православными, но присутствуя на ихъ богослуженіи, мы, конечно, не могли найти сходства съ нашимъ.

Въ первую свою поѣздку я присутствовалъ при свѣтлой заутренѣ, которую служилъ самъ патріархъ, но и тогда я нашелъ мало общаго съ нашей службой, да и не мудрено, если вспомнить, что коптская церковь отдѣлилась отъ православной еще въ пятомъ вѣкѣ, на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ, и послѣ этого испытала цѣлый рядъ постороннихъ вліяній и притѣсненій, какъ со стороны католицизма, такъ и ислама. Очень мѣтко обрисовала службу въ коптской церкви герцогиня Монтекальво въ своихъ красивыхъ очеркахъ — „Чары Востока“: „Храмъ весь залитъ огнями, море красныхъ фесокъ, смуглыя руки, творящія знаменіе креста... Открываются царскія врата и, вмѣсто благообразнаго нашего батюшки, черный красавецъ-абиссинецъ стоитъ въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ... Служба веселая и яркая. Бубенчики и пряный запахъ ладона бьютъ по нервамъ. Наслаждаешься чуднымъ зрѣлищемъ, но молиться невозможно...“.

# VI.

# МЕМФИСЪ И САККАРА.

Ступенчатая пирамида.

## VI.

## Мемфисъ и Саккара.

„Къ водѣ сползли горой сыпучей
Пески пустыни золотой:
Ихъ пронизалъ лучъ солнца жгучій,
Ихъ пропиталъ полдневный зной".

*К. Р.*

Для поѣздки въ Мемфисъ и Саккару пришлось встать въ 6 часовъ утра, такъ какъ поѣздъ отходилъ около $7^1/_2$ часовъ, т.-е. съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было вернуться домой до наступленія жары. По желѣзной дорогѣ (въ южномъ направленіи, на Луксоръ) мы черезъ часъ доѣхали до станціи Бадрешайнъ (Bédrachein), гдѣ публика пересаживается на ословъ, этотъ обычный и самый дешевый способъ передвиженія въ Египтѣ, гдѣ лошадей мало (древній Египетъ и совсѣмъ ихъ не зналъ), и поэтому онѣ очень дороги, но мы съ дочерью наняли (т.-е., конечно, не мы, а все тотъ же Ахметъ) двуколку, запряженную лошадью, при чемъ хозяинъ, въ своемъ обычномъ арабскомъ костюмѣ, т.-е. въ одной длинной бѣлой рубашкѣ и чалмѣ, бѣжалъ рядомъ, правя въ то же время лошадью, а впереди, неистово размахивая ногами, на крохотномъ осликѣ, гарцевалъ нашъ милый опекунъ Ахметъ.

Отъ станціи дорога идетъ довольно долго среди обработан-

ныхъ полей, красивыхъ пальмовыхъ рощицъ, оросительныхъ каналовъ; одинъ изъ этихъ каналовъ, Баръ-Юзуфъ, по преданію, устроенъ Іосифомъ прекраснымъ. На опушкѣ одной изъ этихъ рощицъ, близъ деревни Митъ-Рахинэ, лежитъ огромная гранитная статуя Рамсеса II, современника Моисея, отца Менефта, погибшаго въ Чермномъ морѣ; статуя была открыта въ 1888 году. Лежитъ она на возвышеніи, лицомъ кверху. Длина ея безъ короны, которая лежитъ отдѣльно, 8 метровъ. Въ головѣ у статуи сдѣлано углубленіе для короны, на плечахъ, на груди, на поясѣ и на кистяхъ рукъ вырѣзаны картуши съ именемъ Рамсеса. При дальнѣйшихъ раскопкахъ былъ открытъ столбъ,—памятникъ Уаприса (Ouaphris), царствовавшаго въ 588—569 гг. до Р. Х., на немъ видно изображеніе храма Пта, развалины котораго видны еще и теперь; тутъ же находится сфинксъ, открытый всего въ 1912 году и прекрасно сохранившійся. Это наибольшій изъ извѣстныхъ до сихъ поръ переносныхъ сфинксовъ, онъ сдѣланъ изъ алебастра, длина его 8 и высота 4,30 метра. Его относятъ къ VIII или IX династіи, т.-е. болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры.

Невдалекѣ отъ первой статуи Рамсеса, въ большомъ сараѣ, лежитъ второй колоссъ, открытый въ 1820 году. Надъ статуей сдѣланъ помостъ, такъ что вы смотрите на нее сверху. Она высѣчена изъ твердаго известняка, но ноги, къ сожалѣнію, отбиты и отсутствуютъ. Длина его болѣе 13 метровъ. На правомъ плечѣ, груди и поясѣ вырѣзаны картуши того же Рамсеса II. Оба эти колосса, какъ предполагаютъ, стояли передъ храмомъ Пта.

Послѣ бѣглаго осмотра этихъ памятниковъ мы двинулись дальше и скоро вступили въ пустыню; лошадь съ трудомъ тащила нашъ легкій экипажъ, колеса котораго, несмотря на очень широкіе ободья, то и дѣло врѣзывались въ сыпучіе пески пустыни.

Глядя на эти песчаные холмы и долины, кто бы могъ сказать, что здѣсь когда-то лежалъ огромный городъ и била ключомъ жизнь, и только, спускаясь въ нѣдра этихъ песчаныхъ холмовъ и глядя на остатки храмовъ и гробницъ, занесенныхъ песками, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовали и ихъ сохраненію, вы воочію убѣждаетесь въ дѣйствительности его существованія.

Возникновеніе Мемфиса принадлежитъ къ отдаленнѣйшимъ

временамъ существованія Египта. Начало его связываютъ съ именемъ Менеса, фараона одной изъ первыхъ династій, жившаго около 3400 лѣтъ до Р. Х.

Новый городъ быстро развился и сдѣлался резиденціей государей и долго былъ центромъ государства и сохранилъ свое значеніе даже и послѣ основанія въ близкомъ сосѣдствѣ, въ 331 году до Р. Х., Александріи, ставшей крупнымъ центромъ на Средиземномъ морѣ.

При императорѣ Августѣ Мемфисъ былъ еще многолюднымъ городомъ, хотя въ сильной степени и разрушеннымъ; въ числѣ сохранившихся еще въ то время храмовъ былъ и знаменитый храмъ Пта, а также святилище Аписа, которые окончательно были разрушены лишь византійцами послѣ эдиктовъ Ѳеодосія (379—395 гг. послѣ Р. Х.), а съ возникновеніемъ Каира древніе камни Мемфиса пошли на постройку новой столицы Египта, что довершило его разрушеніе.

Еще въ III вѣкѣ развалины Мемфиса представляли изъ себя грандіозное зрѣлище, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство арабскаго писателя Абдъ-Эль-Латифа: „Чѣмъ больше смотришь на эти развалины, тѣмъ больше растетъ чувство восторга; на каждомъ шагу встрѣчаешь новый предметъ удивленія. Едва успѣешь составить себѣ идею объ общемъ видѣ развалинъ, какъ тотчасъ же убѣждаешься въ ея несовершенствѣ; а когда думаешь, что имѣешь ясное о нихъ понятіе, то неминуемо увидишь, что то, что вы рисовали себѣ въ воображеніи, неизмѣримо ниже дѣйствительности“. Теперь отъ этихъ развалинъ почти ничего не сохранилось: что занесено пескомъ, а что растаскано жителями на свои хозяйственныя нужды и, вѣроятно, многія деревни феллаховъ и коптовъ построены изъ остатковъ храмовъ и дворцовъ Мемфиса.

Если подняться на пригорокъ, передъ вами открывается видъ на рядъ пирамидъ; въ томъ числѣ видна такъ-называемая Ступенчатая пирамида, одно изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшее изъ извѣстныхъ въ настоящее время сооруженій Египта, построенная при фараонѣ III династіи Сосерѣ (2980—2900 гг. до Р. Х.); она состоитъ изъ шести ступеней разной высоты, вся же высота ея достигаетъ 61 метра; она сооружена изъ сравнительно мягкаго камня и потому въ достаточной степени подверглась разрушенію,

а, кромѣ того, она пострадала и отъ землетрясеній. Отъ Ступенчатой пирамиды открывается видъ на огромное разстояніе: видны зеленые берега Нила съ безчисленными финиковыми рощами, мечеть Магомета-Али въ каирской цитадели и три пирамиды Гизе и пирамиды Абузира (нѣсколько на сѣверо-западъ).

Входъ въ гробницы Аписовъ.

Отъ Ступенчатой пирамиды дорога идетъ мимо „Домика Маріетта“, въ которомъ жилъ этотъ знаменитый египтологъ, когда производилъ раскопки въ Мемфисѣ; теперь онъ служитъ убѣжищемъ для туристовъ, которые здѣсь традиціонно завтракаютъ, при чемъ завтракъ нужно брать съ собой, такъ какъ здѣсь можно получить только турецкій кофе.

Въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ „Домика“ находятся подземныя гробницы священныхъ Аписовъ. Вы спускаетесь въ большой коридоръ, высѣченный въ скалѣ; направо и налѣво стоятъ огромные каменные саркофаги, хранившіе когда-то муміи этихъ священныхъ животныхъ. Одинъ изъ саркофаговъ стоитъ попе-

рекъ коридора, это — послѣдній изъ приготовленныхъ для погребенія Аписа, его изготовленіе совпало съ паденіемъ культа Аписовъ, и онъ былъ брошенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его застала эта религіозная реформа; огромная крышка саркофага лежитъ тутъ же.

Нѣкоторые изъ саркофаговъ высѣчены изъ цѣльнаго чернаго или краснаго гранита; очень красивъ саркофагъ, стоящій послѣднимъ съ правой стороны, онъ чернаго гранита и весь покрытъ надписями и украшеніями. Посѣщеніе гробницъ производитъ сильное впечатлѣніе: васъ окружаетъ, дѣйствительно, могильная тишина, нарушаемая только вашими шагами; слабый свѣтъ свѣчей, которыя у васъ въ рукахъ, не можетъ разсѣять мрака, въ который погружены самые саркофаги; при этомъ воздухъ крайне душный и жаркій. Открыты были эти гробницы все тѣмъ же Маріеттомъ въ 1851 году; всѣхъ саркофаговъ было 24, но почти всѣ они были уже ограблены.

Культъ Аписа, считавшагося воплощеніемъ бога Пта, достигъ своего апогея при XXVI династіи (663—525 гг. до Р. Х.). Отъ этого времени до насъ дошло много надписей съ указаніями біографическихъ свѣдѣній того или другого Аписа: „Въ годъ 52 при величествѣ этого бога Псаметихѣ I (663—609 гг.), пришли сказать его величеству: „Храмъ твоего отца Осириса-Аписа и все, что находится въ немъ, грозитъ разрушеніемъ. Божественные члены стали видны въ гробницѣ, ветхость коснулась его гроба". Его величество распорядился обновить храмъ, чтобы онъ былъ прекраснѣе, чѣмъ прежній, и приказалъ, чтобы для бога было сдѣлано все, какъ въ день погребенія. И всѣ чиновники исполнили свои обязанности. Тѣло было бальзамировано благовоннымъ масломъ, повито пеленами изъ тончайшаго полотна, саркофаги сдѣланы изъ лучшаго дерева". При Нехао (609—593 гг.): „Годъ 14-й, 4-й мѣсяцъ, 16-й день. День погребенія этого бога. Этотъ богъ доставленъ въ мирѣ въ некрополь, чтобы получить мѣсто въ своемъ храмѣ, въ западной пустынѣ Анхтауи, послѣ того, какъ для него совершено все, что подобаетъ, въ чистомъ издревле. Онъ родился въ 54 году, въ 3-й мѣсяцъ, 12-й день. Онъ оставилъ жизнь въ 16 году, 2-й мѣс., 6-й день. Жизни его было 16 лѣтъ, 7 мѣс., 17 дней. Величество царя Верхняго и Нижняго Египта Нехао приготовилъ всѣ саркофаги

и всѣ прекрасныя вещи для этого почтеннаго бога. Онъ выстроилъ для него это мѣсто упокоенія въ некрополѣ изъ чистаго аянскаго песчаника прекрасной работы. Ничего подобнаго не было изначала. Да будетъ ему уготована жизнь, непоколебимость, миръ, здравіе и веселіе сердца, подобно Ра, во вѣки".

Культъ Аписовъ удержался очень долго; мы встрѣчаемъ упоминаніе, что еще при Птоломеяхъ расходы на погребенія Аписовъ принимались на счетъ государства.

Недалеко отъ гробницъ Аписовъ находится цѣлый рядъ гробницъ, но не всѣ доступны для публики. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ—это, несомнѣнно, гробница Ти, сановника (кажется, придворный архитекторъ) или богатаго помѣщика V-й династіи (около 2500 лѣтъ до Р. Х.); она была открыта Маріеттомъ, но теперь опять погрузилась въ песокъ, такъ что въ нее надо спускаться. Сохранившаяся стѣнопись считается наилучшей по сохранности. Вы входите въ комнату съ двумя столбами, на которыхъ Ти изображенъ въ длинномъ парикѣ и короткомъ передникѣ, въ одной рукѣ онъ держитъ палку, въ другой—что-то въ родѣ булавы; на стѣнахъ видны крестьянки, приносящія дары, люди, кормящіе голубей и т. п.

Черезъ дверь, которая украшена изображеніями головы Ти, вы проходите въ большую залу съ колоннами; посреди̇нѣ зала находится лѣстница, которая спускается въ низкую галлерею, идущую подъ всею постройкою и входящую въ комнату, въ которой стоитъ саркофагъ, гдѣ былъ похороненъ самъ Ти. Стѣны другой комнаты покрыты картинами изъ жизни самого Ти; здѣсь передъ вашими глазами проходитъ вся его жизнь: вы видите сцены изъ жизни сельскаго хозяина—жатва, которая показываетъ намъ древность серпа, молотьба при посредствѣ воловъ, топчущихъ снопы,—способъ, подчасъ употребляемый и въ наше время, кормленіе домашнихъ животныхъ, пахота плугомъ, которую можно и теперь видѣть въ Египтѣ, и рыбная ловля, охота, рубка лѣса, постройка судовъ, картина изъ государственной дѣятельности Ти — все это изображено здѣсь, и вы ясно представляете себѣ образъ жизни древнихъ египтянъ и невольно съ благодарностью смотрите на эти, окружающіе васъ, пески, несомнѣнно, способствовавшіе сохраненію этихъ интереснѣйшихъ картинъ изъ быта древнѣйшаго Египта. Кромѣ гробницы Ти, можно и слѣдуетъ

осмотрѣть также гробницу Мерерука, его жены и сына, открытыхъ въ 1893 году. Гробницы состоятъ изъ 31 комнаты, стѣны которыхъ также расписаны различными сценами изъ египетской жизни. Здѣсь, какъ и въ гробницѣ Ти, представлены картины охоты, сельскаго хозяйства и домашней жизни; всюду видно изображеніе самого Мерерука и его жены въ разныхъ видахъ и

На пути въ Мемфисъ.

положеніяхъ. Красиво описываетъ Хиченсъ свои впечатлѣнія о гробницѣ Ти: „Въ этой могилѣ съ удивительнымъ умѣніемъ и яркою выразительностью воспроизводится радостная и дѣятельная жизнь. Ти, навѣрно, любилъ жизнь, любилъ молитву и жертвоприношенія, любилъ охоту и войну; онъ находилъ удовольствіе въ весельѣ и играхъ, въ трудѣ умственномъ и физическомъ, любилъ искусство, звуки флейты и арфы, грустное заунывное пѣніе, которое выражаетъ собой самый духъ Востока. Онъ любилъ душистыя благоуханія и красивыхъ женщинъ— развѣ мы не видимъ его иногда изображеннымъ рядомъ съ женщиною, его женою?—любилъ ясныя ночи и сверкающіе дни, ко-

торые наполняютъ въ Египтѣ радостью сердце человѣка. Онъ, навѣрно, дорожилъ чуднымъ даромъ жизни и использовалъ его до конца" („Чары Египта").

Послѣ осмотра этихъ гробницъ мы двинулись по этому грандіозному кладбищу отдаленнаго прошлаго страны фараоновъ въ обратный путь. Наши колеса попирали почву, хранившую въ своихъ нѣдрахъ памятники отдаленной жизни человѣчества и, кто знаетъ, какія еще драгоцѣнности подарятъ наукѣ и человѣчеству эти желтовато-сѣрыя дюны.

Вернулись мы изъ нашей поѣздки довольно рано и, приведя себя въ порядокъ, успѣли съѣздить на островъ Рода и посмотрѣть гробницы калифовъ и мамелюковъ, чѣмъ и должны были закончить осмотръ Каира и его ближайшихъ окрестностей, такъ какъ на завтра былъ назначенъ отъѣздъ въ Верхній Египетъ, для чего мы уже запаслись шлемами съ зелеными вуалями, желтыми очками, свѣтлыми платьями и всѣмъ, что для этого путешествія полагается и пріобрѣтеніе чего освящено и временемъ и традиціями, хотя часто и не вызывается дѣйствительной потребностью, такъ какъ всѣ разговоры объ ужасахъ тропической жары оказываются далеко не такими страшными, хотя термометръ дѣйствительно и показываетъ что-то ужасное, но жара въ Египтѣ переносится довольно легко и не такъ изнуряетъ васъ, какъ жара въ Россіи, хотя бы даже и при гораздо болѣе низкой температурѣ, что, повидимому, можно объяснить исключительно сухостью воздуха, тогда какъ въ нашемъ климатѣ при жарѣ получается душная атмосфера теплицы.

Между прочимъ, я пріобрѣлъ бѣлый зонтикъ, таскалъ его въ теченіе всей поѣздки, ни разу не открылъ и, въ концѣ-концовъ, мнѣ его сломали и я съ удовольствіемъ его выбросилъ. Но что дѣйствительно необходимо—это пробковый шлемъ, балахонъ отъ пыли и, пожалуй, желтыя очки, такъ какъ для нашихъ сѣверныхъ глазъ яркій свѣтъ Верхняго Египта очень рѣзокъ и утомителенъ.

Островъ Рода, довольно большой и заселенный, находится противъ деревни Гизе, но ближе къ правому берегу Нила, отъ котораго отдѣляется небольшимъ рукавомъ, черезъ который мы переправились, стоя на какомъ-то архаическомъ дощаникѣ, который отталкивается отъ дна простымъ шестомъ. Вскарабкав-

шись на довольно крутой берегъ, мы, черезъ чье-то частное владѣніе, вышли къ какой-то, мизернаго вида, постройкѣ, и Ахметъ торжественно указалъ намъ на мѣсто, гдѣ, по преданію, дочь фараона нашла корзину съ Моисеемъ. Мы почтительно выслушали разсказъ Ахмета и передъ нами встала въ памяти извѣстная картина, на которой царевна нагибается къ корзинкѣ, прибившейся къ берегу съ будущимъ изобрѣтателемъ египетскихъ казней, перещеголявшимъ въ этомъ отношеніи даже самого Вильгельма.

Недалеко отъ этого историческаго мѣста, на южной оконечности острова, находится Нилометръ, устроенный въ 716 году калифомъ Сулейманомъ. Въ этомъ году уровень Нила былъ невеликъ.

Гробницы калифовъ и мамелюковъ особаго интереса не представляютъ и сохранились довольно плохо, благодаря отсутствію за ними надзора; первые, впрочемъ, выглядятъ еще нѣсколько лучше. Между ними выдѣляется гробница Баркука, перваго халифа второй мамелюкской династіи, царствовавшаго въ 1382—1399 гг., тутъ же погребены его сыновья и жены. Очень красивъ куполъ, въ строго выдержанномъ арабскомъ стилѣ; самый мавзолей имѣетъ четырехугольную форму съ арками, опирающимися на колонны. Изъ главнаго вестибюля черезъ коридоръ вы проходите въ большой открытый дворъ, посрединѣ котораго устроенъ фонтанъ, обычная принадлежность всякой мечети. Съ восточной стороны находится святилище съ тремя залами съ нишами для молитвы, съ западной же стороны помѣщаются гробницы Баркука, его женъ и сыновей; все это увѣнчано куполомъ, представляющимъ изъ себя, какъ я уже упомянулъ выше, чудо арабской архитектуры. Около гробницы Баркука стоитъ небольшая колонна, высота которой равнялась росту Баркука. Въ сѣверо-восточной части находится небольшой мавзолей отца Баркука-Шарафе-Эль-Анаса, умершаго въ 1382 году. Нѣсколько на юго-востокъ отъ этихъ гробницъ находится гробница Сулеймана (первой половины XVI ст.); на ея куполѣ видны прекрасныя скульптурныя украшенія и надписи изъ голубого фаянса. Кромѣ указанныхъ, есть еще нѣсколько гробницъ, съ нашей европейской точки зрѣнія, можетъ быть и достаточно древнихъ, такъ какъ принадлежатъ къ XV ст., но въ Египтѣ это за древность

совершенно не считается. Кромѣ гробницы Баркука слѣдуетъ отмѣтить еще мечеть и гробницу калифа Кэтъ-Бея (1468—1496 гг.), лежащую къ югу отъ Баркука.

Самая мечеть построена при жизни Кэтъ Бея, въ 1463 году, и совсѣмъ недавно была реставрирована (кажется въ 1898 г.); она является самой красивой среди гробницъ калифовъ, при чемъ очень хорошъ минаретъ и особенно красивъ куполъ мавзолея. Внутри обращаютъ на себя вниманіе мозаика изъ мрамора и поистинѣ художественные потолки.

Кто не собирается ѣхать въ Ассуанъ, да и вообще если есть только свободное время, то положительно слѣдуетъ осмотрѣть также и нильскую плотину, ниже Каира, въ 35 минутахъ ѣзды отъ него по желѣзной дорогѣ. Это по величинѣ второе сооруженіе подобнаго рода въ мірѣ и уступаетъ только Ассуанской плотинѣ. Около плотины (барража), на самомъ берегу Нила, разбитъ красивый садъ, гдѣ стоитъ посѣтить небольшой, но интересный музей, въ которомъ собраны модели различныхъ работъ по устройству самой плотины. Въ первую свою поѣздку въ Египетъ, я посѣтилъ барражъ съ членами международнаго археологическаго конгресса, засѣдавшаго тогда въ Каирѣ; мы всѣ были приглашены туда хедивомъ Аббасомъ II, предоставившимъ намъ и свои яхты. Во всякомъ случаѣ это интересная и совершенно неутомительная прогулка, особенно если совершить ее на пароходѣ.

Послѣдній вечеръ мы съ дочерью долго сидѣли на террасѣ нашей гостиницы; не хотѣлось уходить, такъ было хорошо и уютно, не хотѣлось даже думать о томъ, что необходимо покинуть Каиръ, про который одна писательница сказала: „Каиръ— это некрасивая, обаятельная и загадочная женщина. Сразу не видишь и не понимаешь ея опасной прелести, а откроешь, поймешь и влечетъ такъ, что является потребность жить здѣсь“, я только не могу согласиться здѣсь съ однимъ словомъ—„некрасивая“, это слово положительно не примѣнимо къ Каиру, который интересенъ въ своей восточной части и очень красивъ въ европейской.

## VII.

# ОТЪ КАИРА ДО АССУАНА.

## VII.

## Отъ Каира до Ассуана.

„Надъ Ниломъ помню я селенья:
Лачугъ нубійскихъ рыбаковъ
Неприхотливыя строенья
У каменистыхъ береговъ".

*К. Р.*

Такъ какъ по календарю наступало жаркое время (было уже 11 марта по старому стилю), то мы рѣшили ѣхать прямо до первыхъ Катарактовъ, т.-е. до Ассуана, а въ Луксоръ заѣхать уже на обратномъ пути, считая, что все же Луксоръ верстъ на 250 сѣвернѣе Ассуана, а потому тамъ должно быть не такъ жарко, что въ дѣйствительности, какъ говорятъ, и бываетъ.

Съ Каиромъ мы разставались съ большимъ сожалѣніемъ и, вѣроятно, это чувство испытываютъ всѣ пожившіе, хотя бы нѣсколько дней, въ столицѣ Египта, по крайней мѣрѣ его испытывали всѣ наши знакомые безъ исключенія, въ томъ числѣ и наша спутница въ эту поѣздку, баронесса О.—С-нъ, которую мы проводили утромъ обратно въ Россію. Я лично полюбилъ Каиръ еще въ свое первое пребываніе въ немъ, вторая же поѣздка только еще болѣе укрѣпила во мнѣ это чувство. Меня манилъ таинственный полумракъ дивныхъ мечетей, шумный и пестрый арабскій кварталъ съ его восточнымъ Базаромъ, влекла къ себѣ и загадочная улыбка старика Сфинкса, наконецъ, я просто уже привыкъ къ тѣмъ милымъ минутамъ, которыя мы проводили по вечерамъ послѣ обѣда на террасѣ нашей великолѣпной гостиницы, дѣлясь богатыми впечатлѣніями прожитого дня, одновременно прислушиваясь къ многоязычному говору пестрой каирской

толпы, сновавшей у нашихъ ногъ, и дразня чистенькаго полисмэна, старавшагося отогнать отъ насъ торговцевъ всякими бездѣлушками и награждавшаго подзатыльниками зазѣвавшихся нарушителей благочинія и порядка. Но времени было у насъ не такъ ужъ много, приходилось строго исполнять намѣченную программу, которая настойчиво требовала, чтобы мы покинули Каиръ, который, казалось, также былъ недоволенъ нашимъ отъѣздомъ: небо хмурилось, слышались отдаленные раскаты грома, на горизонтѣ виднѣлись отблески далекой грозы, а когда мы вошли въ вагоны, то началъ накрапывать дождь, не совсѣмъ обычный здѣсь въ это время года. Но продолжалось это весьма недолго, гроза прошла мимо. Ночь въ вагонѣ мы провели очень плохо, такъ какъ было нестерпимо душно, а кромѣ того рядомъ въ купэ кто-то всю ночь сильно кашлялъ, а съ другой стороны шли безконечные и громкіе разговоры на нѣмецкомъ языкѣ; надо замѣтить, что этотъ разъ ѣхала масса нѣмцевъ, которые вели себя крайне непринужденно, чтобы не сказать больше, при чемъ мужчины были въ довольно откровенныхъ костюмахъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ дамъ.

Часа за $1^1/_2$ или 2 до Луксора была остановка на станціи Кеннэ, откуда обыкновенно направляются осматривать храмъ въ Дендерахъ, построенный въ I вѣкѣ до Р. Х. и посвященный богинѣ Гаторъ; онъ прекрасно сохранился и представляетъ изъ себя чудный образецъ египетскаго архитектурнаго искусства. Между прочимъ, въ Дендерскомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе египетскихъ зодіакальныхъ знаковъ, вообще же рисунки, украшающіе храмъ, отличаются весьма плохимъ исполненіемъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра мы пріѣхали въ Луксоръ, гдѣ должны были мѣнять вагоны, и въ 10 часовъ двинулись дальше. День обѣщалъ быть жаркимъ, а кромѣ того мы и двигались прямо на югъ къ тропикамъ. Дорога идетъ все время по правому берегу Нила, на который мы переправились ночью, близъ станціи Нагхамади (Nag-Hamadi), гдѣ съ желѣзнодорожнаго моста открывается красивый видъ на Нилъ и на его оба берега. Дорога идетъ по краю культурной полосы, такъ что съ правой стороны изъ окна вагона виднѣются участки тщательно обработанной земли, живописныя группы финиковыхъ пальмъ, являющихся одною изъ

На Нилѣ.

доходныхъ статей въ Египтѣ, а также и предметомъ государственнаго обложенія*); виденъ также и Нилъ, то удаляющійся, то подходящій довольно близко къ полотну дороги. Налѣво же простирается самая настоящая пустыня: песокъ и масса камней, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя горы, нагроможденныя изъ отдѣльныхъ каменныхъ глыбъ—„точно черти въ свайку играли“, какъ весьма образно выразился одинъ изъ нашихъ спутниковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ становится жарче и душнѣе, все кругомъ закрыто, а тутъ еще одинъ изъ нѣмцевъ неистово курилъ довольно пахучую сигару, запивая ее усердно пивомъ. Верхній Египетъ давалъ таки себя почувствовать и календарь, хотя и извѣстно, что всѣ они врутъ, оказывался на этотъ разъ правъ. Къ довершенію же всего начался вѣтеръ, поднявшій цѣлую массу песка, который забирался всюду, несмотря на глухо закрытыя окна и двери (въ поѣздахъ, ходящихъ между Луксоромъ и Ассуаномъ, стекла въ окнахъ дымчатыя); весь воздухъ былъ пропитанъ мельчайшимъ пескомъ, въ глазахъ, во рту, въ ушахъ,—всюду мы ощущали его присутствіе, всѣ диваны, столы, наши вещи и мы сами быстро покрылись тонкимъ песочнымъ слоемъ. Песокъ постепенно заносилъ все на своемъ пути; получалась совершенная картина нашей русской снѣжной метели, заполняющей всѣ бугорки и впадины. На ярко желтомъ фонѣ неба солнце представлялось какой-то красной мѣдной бляхой. А поѣздъ тѣмъ временемъ продолжалъ безшумно продвигаться къ югу, катясь по мягкимъ рельсамъ, также, конечно, покрытымъ пескомъ. Мы двигались точно по какой-то взбудораженной песочницѣ. Но картина во всякомъ случаѣ была красивая, а для насъ, конечно, и не совсѣмъ обычная. Но эта оригинальная песочная метель продолжалась не особенно долго: послѣ двѣнадцати часовъ вѣтеръ началъ стихать, упало даже нѣсколько капель дождя и дышать сейчасъ же стало легче. Явилась возможность выходить на станціяхъ, гдѣ, хотя было и очень жарко, но дышалось гораздо лучше, чѣмъ въ душномъ, пропитанномъ пылью и нѣмцами, вагонѣ. На одной изъ станцій мы купили себѣ арбузъ, лакомиться которымъ отправились въ вагонъ-ресторанъ; по дорогѣ туда съ одной изъ нашихъ молодыхъ спутницъ едва не случилась катастрофы: она, мечтая,

*) Налоги въ Египтѣ очень велики; каждая финиковая пальма обложена пятнадцатью рублями.

Внутренній дворикъ богатаго арабскаго дома.

вѣроятно, о вкусномъ арбузѣ, не смотрѣла себѣ подъ ноги и провалилась между площадками двухъ вагоновъ, но отдѣлалась, слава Богу, сравнительно легкими ушибами и синяками. Арбузъ же совершенно не оправдалъ нашихъ ожиданій и оказался не только теплымъ, къ чему, конечно, мы приготовились, но къ довершенію всего и незрѣлымъ, такъ что ногъ изъ за него положительно не стоило ломать. Въ 58 километрахъ отъ Луксора лежитъ станція Эснэ; около нея устроена черезъ Нилъ плотина, а на лѣвомъ берегу рѣки сохранились остатки храма, посвященнаго богу Кнумъ и построеннаго при Птоломеяхъ. Тутъ же имѣются развалины нѣсколькихъ коптскихъ монастырей.

Около станціи Эдфу, приблизительно на половинѣ пути между Луксоромъ и Ассуаномъ, въ зелени, на противоположномъ берегу Нила, промелькнулъ передъ нами грандіозный пилонъ храма Горуса, реставрированный Маріеттомъ, который освободилъ его отъ массы обломковъ и мусора, которыми онъ былъ заваленъ до потолка, которые, впрочемъ, и спасли его отъ разрушенія и онъ теперь является самымъ сохранившимся изъ древнѣйшихъ храмовъ въ мірѣ, только, къ сожалѣнію, во времена христіанской эпохи въ Египтѣ, были попорчены его скульптурныя украшенія. Вообще, нужно замѣтить, что христіанство приложило много стараній для разрушенія древнихъ памятниковъ Египта. Храмъ былъ посвященъ богу солнца Горусу, сыну Осириса и Исиды, и богинѣ Гаторъ (она имѣетъ голову коровы). На переднемъ фасадѣ пилона высѣчены надписи, говорящія объ исторіи храма. Собственно храмомъ занята задняя часть зданія; построенъ онъ былъ при Птоломеяхъ, постройка его началась за 237 лѣтъ до Р. Х., а окончательно законченъ онъ былъ лишь въ 57 г. до Р. Х., т. ч. строился храмъ 180 лѣтъ; правда, въ постройкѣ были большіе перерывы, вызванные различными политическими событіями въ жизни Египта. Очень красиво говоритъ объ этомъ храмѣ Хиченсъ: „На берегу Нила стоитъ храмъ, который какъ бы хранитъ въ себѣ все религіозное поклоненіе прошлаго. Онъ полонъ молитвы и торжественной хвалы, полонъ святыхъ порывовъ и неземныхъ желаній людей, давно умершихъ. Въ немъ говоритъ внутреннее, сокровенное пламя души, хранится то таинственное начало, которое живетъ въ насъ, и возбуждаетъ желанія, которыхъ мы не можемъ высказать, печали, которыя не могутъ быть

выражены словами, возбуждаетъ чувство любви, которую можно только испытать. Эдфу—это храмъ Того, Кто скрытъ отъ взоровъ людей, это—не языческій и не христіанскій храмъ; въ немъ вы можете свободно поклоняться божеству, какъ вамъ диктуетъ ваше сердце". Храмъ въ Эдфу обыкновенно осматриваютъ уже на возвратномъ пути изъ Ассуана при поѣздкѣ на пароходѣ, но, къ сожалѣнію, у насъ съ дочерью было слишкомъ мало времени для этой, дѣйствительно чудной, поѣздки по Нилу, а кромѣ того, благодаря низкому уровню воды въ Нилѣ, пароходы въ этомъ году уже и не ходили.

Въ Ассуанъ мы добрались около шести часовъ вечера. Особой жары, конечно — съ египетской точки зрѣнія, не было, хотя вчера, какъ говорятъ, здѣсь было 53° въ тѣни по Ц., а по Р., значитъ, 40°.

Остановились мы въ „Cataract Hôtel"; это громадная и прекрасно устроенная гостиница на самомъ берегу Нила. Но что произвело на насъ всѣхъ непріятное впечатлѣніе — это столовая, хотя и красивая сама по себѣ, но устроенная въ видѣ мечети, соединенной съ главнымъ корпусомъ гостиницы длиннымъ коридоромъ, что показываетъ полное отсутствіе деликатности у строителей этой гостиницы къ мѣстнымъ жителямъ-магометанамъ.

Первымъ дѣломъ, конечно, было отправиться въ ванну, вода въ которой оказалась цвѣтомъ жидкаго шоколада, но таковъ уже здѣсь Нилъ. Пообѣдавши, мы вышли на террасу, выходящую къ самому Нилу. Солнце уже приближалось къ закату и освѣщало своими послѣдними лучами высокіе здѣсь берега Нила у его первыхъ катарактовъ и островъ Элефантинъ. Вѣтеръ, неистовствовавшій въ первую половину дня и поднявшій цѣлыя тучи мелкаго песка пустыни, проникавшаго во всѣ щели и заносившаго все на своемъ пути, къ вечеру совершенно стихъ. Еще нѣсколько мгновеній и солнечный дискъ погрузился въ раскаленные пески полуденной Нубіи. Быстро надвигается тьма, и надъ Элефантиномъ начинаетъ выдѣляться блѣдный серпъ луны. Наступила ранняя южная ночь; на темномъ небосклонѣ засверкали миріады звѣздъ, а съ лѣвой стороны, на югъ, надъ самымъ горизонтомъ, выдѣлился „Южный Крестъ"; луна засеребрила зеркальную поверхность Нила, смягчила рѣзкія очертанія горъ, придала имъ причудливыя формы и скрасила безжизненность пустыни...

Утомленныя за день легкія жадно вбираютъ въ себя свѣжій воздухъ. Послѣ знойнаго пыльнаго дня дышится такъ легко, мечты отодвигаютъ дѣйствительность и невольно поддаешься ласкамъ этой чарующей южной ночи, вглядываешься въ ея голубой сумракъ, и въ серебряныхъ лучахъ луны начинаютъ выдѣляться различные образы. Мнѣ казалось, что весь воздухъ кругомъ наполненъ существами, которыя когда-то обитали здѣсь, на берегахъ божественнаго Нила, которыя молились и молятся, можетъ быть, еще и теперь Осирису, Горусу, Исидѣ, и которыя съ понятнымъ ужасомъ смотрятъ теперь на толпы иноземцевъ, попирающихъ изъ конца въ конецъ ихъ священную землю.

И, надо думать, что эта ночь подѣйствовала на всѣхъ одинаково. Постепенно на террасѣ смолкаютъ разговоры, ясно чувствовалось, что не одинъ я поддался этому очарованію. Тихо; на душѣ становится спокойно, стараешься не шелохнуться, чтобы не нарушить этой тишины, этого покоя... Какъ дивно хорошо! Невольно преклоняешься передъ Великимъ Творцомъ, создавшимъ этотъ чудный міръ, и какъ ничтожны кажутся всѣ усилія современнаго человѣчества передѣлать этотъ міръ по-своему и подогнать все подъ одну общую мѣрку. Какъ ничтожны, какъ жалки всѣ созданія человѣка по сравненію хотя бы съ одной этой ночью, могущей, казалось бы, своимъ очарованіемъ уничтожить на землѣ злобу, прекратить вражду и заставить любить по завѣту Того, Который также смотрѣлъ на этотъ Нилъ, на эти горы и любовался очарованіемъ египетской ночи. Но что это? Вдругъ на лицо упала капля, за нею другая. Я не замѣтилъ, занятый своими думами, какъ скрылась луна, какъ откуда-то набѣжали тучи, и начался дождь, этотъ рѣдкій гость у нубійцевъ, не видавшихъ его уже, какъ говорятъ, 38 мѣсяцевъ. Ужъ не мы ли привезли его изъ нашей Московіи? Деревянная крыша нашей террасы, совершенно уже разсохшаяся, не выдержала неожиданно посланнаго ей испытанія, и потоки дождя полились на публику. Поневолѣ пришлось идти внутрь, а вскорѣ и къ себѣ, тѣмъ болѣе, что на утро была назначена поѣздка въ Филэ, одно изъ самыхъ поэтическихъ и очаровательныхъ мѣстъ Верхняго Египта. Дождь лилъ въ продолженіе почти 10 часовъ и натворилъ здѣсь довольно много бѣдъ у нубійцевъ: посносило ихъ посѣвы, промокли до основанія и раскисли ихъ нехитрыя хижины, устроенныя изъ

Туземный колодезь.

земляного, необожженнаго, конечно, кирпича, но, кромѣ того, сильная гроза, разразившаяся ночью, повергла суевѣрныхъ дикарей въ неописуемый ужасъ, такъ какъ большинство изъ нихъ впервые слышали раскаты грома и, конечно, объяснили себѣ это концомъ свѣта. Но намъ, дѣтямъ сѣвера, вся эта мокрая катастрофа принесла желанную свѣжесть, успокоила волновавшіеся наканунѣ пески Нубіи и дала возможность вполнѣ насладиться всѣмъ окружающимъ, и мы навсегда сохранили дивныя воспоминанія о нашемъ, къ сожалѣнію, весьма кратковременномъ, пребываніи подъ тропиками.

„Кто вынесъ эти впечатлѣнья,
Кто въ томъ краю хоть день прожилъ,
Тотъ будетъ помнить тихій Нилъ
И знойной Нубіи селенья".

*К. Р.*

Когда, рано утромъ, я открылъ у себя окно, выходившее на большой передній дворъ съ массой растительности, на меня вмѣстѣ съ лучами яркаго солнца пахнуло такой пріятной свѣжестью, что я невольно подумалъ, что мы, несомнѣнно, находимся подъ покровительствомъ одной изъ богинь Египта, можетъ быть, той самой Исиды, храмъ которой собирались въ тотъ день осматривать. Въ тотъ моментъ, когда я это подумалъ, я услышалъ сзади себя легкій шорохъ; я вздрогнулъ и оглянулся, но въ комнатѣ никого не было, только легкій вѣтерокъ слегка шевелилъ вуалемъ на моемъ шлемѣ—очевидно мнѣ почудилось, видимо, Египетъ меня настраивалъ какъ-то особенно, что, впрочемъ, нисколько не удивительно.

Ассуанъ являлся конечнымъ пунктомъ нашего путешествія въ Египетъ; онъ, впрочемъ, является конечнымъ пунктомъ и вообще для большинства путешественниковъ, такъ какъ здѣсь прерывается желѣзнодорожный путь и возобновляется лишь въ Ади Хальва, откуда дорога идетъ уже на Хартумъ и Англійскій Суданъ, но это путешествіе крайне утомительно и мало кто на него рискуетъ, хотя, несомнѣнно, оно представляетъ огромный интересъ, какъ въ смыслѣ массы памятниковъ глубочайшей древности, такъ и въ смыслѣ бытовомъ и этнографическомъ.

Среди памятниковъ древняго Египта, лежащихъ по Нилу выше Филэ, особенно интересны храмы въ Абу—Симбель, вы-

сѣченные въ гранитныхъ скалахъ и посвященные Амону-Ра и Гаторъ. Огромнѣйшій фасадъ святилища Амона украшенъ четырьмя колоссальными статуями Рамсеса II, сидящаго на тронѣ съ коронами Верхняго и Нижняго Египта, внизу у ногъ его высѣчены небольшія (т.-е. сравнительно съ колоссальными статуями Рамсеса) статуи различныхъ принцевъ и принцессъ. Высота статуй Рамсеса около 20 метровъ, такъ что онѣ больше статуй Мемнона около Луксора, но сдѣланы настолько пропорціонально, что не производятъ этого впечатлѣнія.

Ассуанъ—это небольшой городокъ, имѣющій всего 12 тысячъ съ чѣмъ-то жителей, но, несмотря на это, представляющій изъ себя административный и торговый центръ самой южной провинціи Египта, граничащаго здѣсь съ Нубіей и Суданомъ. Лежитъ онъ на восточномъ берегу Нила, который здѣсь раздѣляется на множество рукавовъ, образуя знаменитые первые пороги (катаракты) и нѣсколько острововъ, въ томъ числѣ извѣстный Элефантинъ. На западномъ берегу, на горизонтѣ, вырисовываются Ливійскія горы, на востокѣ тянется Аравійскій хребетъ. Около Ассуана находятся древнія каменоломни еще временъ фараоновъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились огромныя обтесанныя глыбы гранита, много вѣковъ тому назадъ приготовленныя для обработки и своевременно не вывезенныя. Отъ каменоломенъ открывается красивый видъ на Нилъ и на развалины монастыря св. Симеона, существовавшаго въ первые вѣка христіанства и лежащаго на противоположномъ, западномъ, берегу Нила. На одной изъ ближайшихъ скалъ сохранился, между прочимъ, картушъ съ именемъ Аменофиса III*), тутъ же стоятъ два начатыхъ и неоконченныхъ саркофага временъ Птоломеевъ, лежитъ часть колоссальной статуи,—все это было брошено много вѣковъ назадъ и въ такомъ видѣ дошло до нашего времени. Недалеко отъ желѣзнодорожнаго пути, наверху скалы, лежитъ огромная статуя Осириса, имѣющая около шести метровъ длины, отъ нея открывается видъ на храмъ Исиды на островѣ Филэ. Къ востоку отъ нашей гостиницы находится небольшой храмъ, построенный въ честь Исиды при Птоломеяхъ; кажется, онъ не былъ оконченъ.

*) Фараонъ XVIII династіи, Мемнонъ у греческихъ писателей, царствовалъ съ 1411 по 1375 годъ до Р. Х. Его гробница находится въ Ѳивахъ, недалеко отъ т. н. колоссовъ Мемнона.

Около Ассуана имѣются поселенія туземцевъ—изъ племени Бишари, это крайне грязный и скверно пахнущій народъ, но его ассуанскіе представители въ достаточной степени уже цивилизовались и прекрасно знаютъ о существованіи почитаемаго всѣми народами бакшиша и съ удовольствіемъ позируютъ передъ фотографическими аппаратами туристовъ. Мы заѣхали въ ихъ поселокъ на обратномъ пути изъ каменоломенъ; передъ нами тутъ же на пескѣ былъ продемонстрированъ туземный, совершенно неграціозный танецъ; мы ихъ сняли, дали, конечно, бакшишъ и купили страшно вонявшее ожерелье изъ раковинъ и камушковъ, которое пришлось потомъ отмывать въ десяти водахъ. Эти украшенія, кажется, составляютъ единственную одежду у мѣстныхъ черномазыхъ представительницъ прекраснаго пола; мы прозвали это украшеніе «madame Нубія».

# VIII.

# Ф И Л Э.

На Нилѣ, у Филэ.

## VIII.

### Ф и л э.

„Здѣсь храмъ твой возвышался; онъ разрушенъ
Пожарами, войной и гнетомъ лѣтъ,
Тебя повергшихъ въ прахъ; но хуже брани,
Пожаровъ и вѣковъ рука людей,
Которые не чтутъ воспоминаній,
Которымъ дѣла нѣтъ до тѣхъ преданій,
Что обезсмертили дѣла давно минувшихъ дней".

*Байронъ.*

Утромъ, на другой день пріѣзда, мы отправились въ Филэ. Въ бѣлыхъ вагонахъ желѣзной дороги мы доѣхали до деревушки Махатта, расположившейся на самомъ берегу Нила выше его первыхъ пороговъ (катарактовъ), въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ образуетъ какъ бы озеро, вода котораго значительно поднята благодаря шлюзамъ, и служитъ водоемомъ для орошенія всей нильской долины. Противъ Махатты Нилъ раздѣляется островомъ Филэ, имѣющимъ, кромѣ этого имени, даннаго греками, еще два имени—египетское „Илакъ" и арабское „Анисъ-эль-Вогудъ", что означаетъ „Отрада жизни". До устройства на Нилѣ цѣлаго ряда шлюзовъ (барражи), долженствующихъ задерживать нильскія

воды, которыя пропускаются по мѣрѣ необходимости въ орошеніи полей, островъ Филэ, по описанію лицъ его видѣвшихъ, представлялъ очаровательную картину и дѣйствительно вполнѣ оправдывалъ поэтическое названіе „Отрада жизни“. „Видъ Филэ очарователенъ,—говоритъ нашъ соотечественникъ Андреевскій,—этотъ островъ съ своими храмами и зеленью всплываетъ надъ рѣкой, какъ чудное воздушное видѣніе, какъ миражъ, забытый временемъ и оставшійся въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при фараонахъ, съ зелеными капителями своихъ колоннъ, мѣняющимися съ живыми капителями пальмъ, съ разноцвѣтными фронтонами храмовъ, осѣненныхъ роскошною листвою тропической растительности, съ рѣзкими пилонами и гранитными лѣстницами, спускавшимися въ Нилъ среди кактусовъ, банановъ и гигантскихъ камышей“. (Н. А. Андреевскій, „Египетъ“). Таковъ былъ видъ Филэ; теперь же ничего подобнаго нѣтъ, нѣтъ этой роскошной растительности, не найдете вы ни кактусовъ, ни банановъ, ни живыхъ капителей пальмъ, не найдете вы даже и самого острова: „Отрада жизни“ исчезла подъ водой, благодаря устройству шлюзовъ, а съ ней вмѣстѣ погрузились въ Нилъ на одну треть, а можетъ быть и больше, и самые храмы, посвященные Исидѣ, царицѣ южныхъ провинцій и Илака. Устроители шлюзовъ говорятъ намъ, что опасности для храма нѣтъ. Но не то говорятъ сторонніе наблюдатели: „повсюду на стѣнахъ и колоннахъ,—говоритъ Хиченсъ, виднѣлись слѣды болѣзни, слѣды заразы, которая постепенно выѣдаетъ цѣлые bas-relief'ы и придаетъ живымъ фигурамъ на нихъ чахлый и болѣзненный видъ“...

„Болѣзнь подвигается быстрыми шагами, она все ближе подходитъ къ сердцу и въ каждую данную минуту можетъ свалиться несчастный больной, которому грозитъ неминуемая гибель“.

Но, несмотря на исчезновеніе острова и его роскошной растительности, все же Филэ и теперь еще поражаетъ своей поэзіей: „Подобно тому, какъ въ величіи лотосовой залы въ Карнакѣ кроется какъ бы нѣчто эпическое, говоритъ Хиченсъ,—такъ въ мягкой прелести храма въ Филэ сквозитъ лирическая нота“. Вѣроятно ничего подобнаго нельзя встрѣтить во всемъ мірѣ. Тотъ же Хиченсъ говоритъ, что по своему лиризму Филэ и теперь является храмомъ поэтическихъ сновидѣній, что Филэ

обладаетъ чарующей женственностью, какъ бы воплощая царящій здѣсь духъ Исиды. Очаровательнъ видъ всей этой мѣстности, когда стоишь на крышѣ главнаго храма, ставшаго теперь островомъ: кругомъ огромная площадь воды, окаймленная высокими берегами и кое-гдѣ изъ воды выглядываютъ шапки пальмъ, тоскливо ожидающихъ своей смерти, и все это, освѣщенное яркими лучами тропическаго солнца, производитъ даже и теперь изумительное впечатлѣніе. Трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе долженъ былъ производить этотъ храмъ Исиды, когда

Затопленный храмъ Исиды.

онъ утопалъ въ чащахъ тропической растительности! Опять приходится мнѣ вспомнить того же Хиченса: „Въ Филэ теперь много такого, что неминуемо должно навѣвать чувство грусти и сожалѣнія, но сколько въ немъ еще осталось чистой красоты, которая протестуетъ противъ дальнѣйшаго насилія“.

До храма мы доѣхали въ лодкѣ съ гребцами-нубійцами, съ черными, какъ смоль, лицами, оттѣненными еще болѣе бѣлыми тюрбанами, которыми живописно повязаны ихъ головы. Лица нашихъ гребцовъ мужественны, курчавые волосы, толстыя губы,

но сейчасъ видно, что это не негры; нубійцевъ можно назвать даже красивыми; ихъ черныя тѣла блестятъ на солнцѣ и, отливая бронзой, производятъ впечатлѣніе статуй. Пока мы доѣхали до храма, встрѣтили нѣсколькихъ нубійцевъ-мальчугановъ въ костюмахъ Адама, катавшихся въ небольшихъ лодочкахъ, сдѣланныхъ, повидимому, изъ какихъ-нибудь старыхъ жестяныхъ ящиковъ отъ масла, керосина или чего-нибудь въ родѣ этого; нѣкоторые гребли руками, а одинъ изъ нихъ былъ даже на па-

Внутри храма.

русѣ, сдѣланномъ изъ цѣлой массы разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Сейчасъ же, конечно, появились на сцену наши фотографическіе аппараты, хорошо уже знакомые и этимъ дѣтямъ жаркой Нубіи, которыя, увидавъ наше желаніе ихъ увѣковѣчить, поспѣшили поближе подъѣхать къ нашей лодкѣ, а затѣмъ и протянуть руки за полученіемъ обычнаго бакшиша, безъ котораго нельзя ступить шагу на востокѣ: просятъ всѣ и большіе и малые. Я былъ немало удивленъ, когда, послѣ осмотра нами подъ Каиромъ страусоваго завода, арабъ, гордо называвшій себя помошни-

комъ директора, тоже выразилъ желаніе получить кое-что и на свою долю, и остался очень доволенъ, получивши два піастра, т.-е. всего 20 копеекъ.

Древнѣйшій храмъ на островѣ Филэ выстроенъ Нектанебомъ II, фараономъ XXX-й Севенитской династіи, въ IV вѣкѣ до Р. Х.; другой же храмъ выстроенъ при Птоломеяхъ въ III-мъ вѣкѣ той же эры.

Наша лодка вошла внутрь храма, стѣны котораго испещрены картинами изъ былой египетской исторіи, и пристала къ одному изъ выступовъ, на который мы и сошли, а затѣмъ внутренними переходами поднялись на крышу, чтобы полюбоваться красивымъ и оригинальнымъ видомъ затопленнаго храма.

Исида, которой былъ посвященъ храмъ въ Филэ, особенно почиталась въ этой мѣстности и ея культъ сохранялся очень долго въ Нубіи и существовалъ даже въ христіанскую эпоху и только при императорѣ Юстиніанѣ храмы были закрыты. Главный храмъ Исиды, какъ предполагаютъ, былъ построенъ на мѣстѣ уже бывшаго здѣсь въ древности храма; начатъ онъ былъ Филадельфомъ Птоломеемъ и оконченъ его преемникомъ Евергетомъ I Птоломеемъ (247—222 до Р. Х.). Первый пилонъ, имѣющій въ ширину болѣе 45 и въ вышину 18 метровъ украшенъ рельефами. На правой сторонѣ пилона изображена колоссальная фигура фараона, который схватилъ своихъ враговъ за волосы и занесъ надъ ними палицу; на лѣвой изображены Исида, Горусъ и Гаторъ, а подъ этимъ изображенъ фараонъ, подносящій Горусу и Нефтисъ (сестра Осириса) корону Верхняго и Нижняго Египта, а лѣвѣй этой картины тотъ же фараонъ куритъ фиміамъ передъ Исидой. Особенно хороши барельефы въ одной изъ внутреннихъ залъ; они изображаютъ различные эпизоды изъ жизни Горуса.

Почти параллельно первому пилону стоитъ второй, черезъ который вы попадаете собственно въ храмъ Исиды. На правой сторонѣ пилона изображенъ Неосъ-Діонизосъ (80—52 гг. до Р. Х.), приносящій жертвы Горусу и Гаторъ, подносящій Горусу и Нефтисъ корону Египта, курящій фиміамъ передъ Осирисомъ, Исидой и Горусомъ и дѣлающій возліяніе на жертвенникъ. Самый храмъ Исиды состоитъ изъ открытаго двора вестибюля, нѣсколькихъ залъ и святилища съ нѣсколькими храмами. Его внѣшнія и внутреннія стѣны покрыты надписями и рельефами, которые

изображаютъ государей династій Птоломеевъ (Филадельфа 285—247, Евергета II 146 г. и др.), а также римскихъ императоровъ Августа, Тиверія, Антонина. Всѣ они изображены въ видѣ фараоновъ, приносящихъ жертвы египетскимъ богамъ или же совершающихъ различные обряды культа Исиды. Кромѣ этихъ изображеній видны слѣды того времени, когда храмъ былъ въ рукахъ христіанъ *).

Въ святилищѣ сохранился еще пьедесталъ, воздвигнутый Евергетомъ I и его женой Беренисъ, на немъ изображена Исида. Изъ одного зала выходъ на крышу святилища, откуда спускаются въ комнаты посвященныя Осирису, съ замѣчательными рельефами, изображающими смерть Осириса; въ вестибюлѣ, на лѣвой сторонѣ Гарендотесъ (сынъ Осириса, одна изъ формъ Горуса съ ястребиной головой) окропляетъ животворной водой мумію Осириса, которую окружаютъ сестры Осириса, четыре демона, богъ Соу и императоръ Антонинъ, въ остальныхъ комнатахъ всѣ стѣны украшены различными картинами, изображающими все того же Осириса, Исиду, Нефтисъ.

Въ шагахъ пятидесяти, къ востоку отъ храма Исиды небольшой храмъ, посвященный Гаторъ и построенный при Птоломеяхъ, Филометрѣ и Евергерѣ II (второй вѣкъ до Р. Х.), при чемъ портикъ выстроенъ былъ значительно позднѣй, при Августѣ. На юго-востокъ отъ храма Гаторъ, возвышается такъ называемый кіоскъ, очень изящное сооруженіе, но, къ сожалѣнію, видна только его верхняя часть. Свой осмотръ храма Исиды окончу словами того же, знакомаго намъ Хиченса: „Оставьте міру хоть нѣкоторыя сновидѣнія, нѣкоторыя убѣжища, въ которыхъ онъ могъ бы предаваться мечтамъ, ибо если міру нужна дамба, содѣйствующая произрастанію хлѣбовъ въ безплодной почвѣ, если ему нужны желѣзныя дороги, трамваи и заводскія трубы, омрачающія чернымъ дымомъ ясный, солнечный свѣтъ, то ему необходимы также и красивые, расписанные покои въ храмѣ Philae и исходящее отъ Исиды глубокое, царственное молчаніе“.

Обратно мы поѣхали въ противоположную сторону и вышли на восточный берегъ около плотины, устроенной выше пороговъ.

*) На одной изъ стѣнъ видна, между прочимъ, надпись, гласящая о посѣщеніи Филэ французскими войсками подъ начальствомъ генерала Бонапарта (Наполеона I).

Это грандіозное сооруженіе, задерживающее и поднимающее огромную массу нильскихъ водъ, которыя съ шумомъ вырываются изъ шлюзовъ и разбиваются о каменныя глыбы пороговъ, покрывая ихъ бѣлою пѣной.

Ассуанская плотина сооружена въ 1898—1902 годахъ и считается величайшимъ сооруженіемъ подобнаго рода; она построена съ цѣлью задерживать воду и пускать ее по мѣрѣ надобности въ оросительные каналы, которые и питаютъ всю нильскую долину, значительно увеличивая количество культурныхъ земель и поднимая ихъ плодородіе. Построена она изъ гранита, доставленнаго изъ ассуанскихъ каменоломенъ, и имѣетъ въ длину 1960 метровъ, т.-е. около двухъ верстъ. Для регулированія воды сдѣлано 140 шлюзовъ и, кромѣ того, 40 верхнихъ шлюзовъ для спуска излишней воды.

Поднявшись на плотину, мы на маленькой платформѣ переѣхали на западный берегъ и зашли въ ресторанъ выпить кофе, а затѣмъ снова сѣли въ лодку и отправились обратно въ Ассуанъ уже по Нилу.

Съ лѣвой стороны сдѣланъ обходъ пороговъ, по которому и спустилась наша лодка. Когда мы обошли пороги и вошли въ спокойную часть рѣки, наши бронзовые гребцы поставили парусъ, достали свой доморощенный музыкальный инструментъ, и по Нилу понеслись гортанные звуки дикой нубійской пѣсни съ постояннымъ припѣвомъ „аллагэ“; тактъ пѣсни отбивался при этомъ на своеобразномъ барабанѣ, устроенномъ изъ большого глинянаго кувшина, дно котораго было выбито и вмѣсто него была натянута кожа. Было удивительно поэтично; мы находились въ обстановкѣ, которая весьма отличалась отъ всего того, къ чему мы всѣ привыкли; въ 1000 верстахъ къ югу отъ Каира, среди пустынныхъ береговъ Нила, сопровождаемые черными сынами нубійской пустыни, мы слушали ихъ пѣсни, въ которыхъ чудился мнѣ и зной полуденной Африки, и безпредѣльность мертвенной пустыни, и монотонный звонъ колокола на шеѣ головного верблюда, ведущаго караванъ въ пустынѣ, — все это вмѣстѣ взятое и легкое журчаніе Нила, разрѣзаемаго нашей лодкой, и эта тишина, нарушаемая только пѣснью нашихъ гребцовъ, — все это удивительно успокоительно дѣйствовало на нервы; ни о чемъ не

хотѣлось думать и, казалось, что ничего другого и не нужно, хотѣлось, чтобы эта поѣздка продолжалась до безконечности...

„Снуетъ въ проливахъ межъ камнями
Нашъ челнъ. Причудливой грядой
Нагроможденныя вѣками
Чернѣютъ скалы надъ водой.
Въ зеркальной глади отраженный,
Цвѣтя среди прозрачныхъ водъ
Тѣнистой рощей осѣненный,
Навстрѣчу острова намъ плыветъ;
Лозой повита виноградной
Смоковница плѣняетъ взоръ,
И вѣютъ свѣжестью прохладной
И тамарискъ, и сикоморъ;
Благоуханныя мимозы
Насъ желтымъ обдаютъ дождемъ;
Душистыя алѣютъ розы
Подъ олеандровымъ кустомъ".

*К. Р.*

Но, къ сожалѣнію, ничто не вѣчно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а что бываетъ обиднѣе всего, это то, что все лучшее кончается гораздо быстрѣй, чѣмъ плохое, а такъ какъ наша поѣздка по Нилу была дѣйствительно хороша, то она промелькнула для насъ совершенно незамѣтно, хотя и продолжалась около двухъ часовъ. Совершенно неожиданно для насъ, на одномъ изъ поворотовъ Нила мы увидали нашъ „Cataract Hôtel", сразу оборвалась пѣснь, упалъ парусъ, и черезъ нѣсколько мгновеній наша лодка тихо ткнулась въ песчаный берегъ у самой гостиницы.

Послѣ завтрака мы опять поѣхали на лодкѣ, но этотъ разъ уже въ противоположную сторону, т.-е. внизъ по теченію и черезъ нѣсколько уже минутъ высадились на островъ Элефантинъ, покрытый пальмовыми рощами. На восточномъ берегу острова находится древній Нилометръ, упоминаемый еще Страбономъ, онъ многіе вѣка былъ въ полномъ запустѣніи и приведенъ въ порядокъ лишь въ 70-хъ годахъ XIX вѣка при хедивѣ Измаилѣ.

Къ югу отъ Нилометра, противъ „Cataract Hôtel" находятся развалины города Элефантина, немного дальше, на западъ, находятся остатки небольшого храма, построеннаго при императорѣ Троянѣ (98—117 гг. по Р. Х.), повидимому, изъ матеріаловъ отъ развалинъ болѣе древнихъ храмовъ, существовавшихъ на

этомъ мѣстѣ, — въ шагахъ 50 на западъ возвышаются гранитныя ворота, принадлежащія другому храму; на рельефахъ, которыми украшены ворота, изображенъ Александръ II, сынъ Александра Великаго, приносящій жертву богамъ. Вся окружающая мѣстность покрыта различными обломками, насчитывающими уже много вѣковъ своего существованія. На островѣ было и кладбище священныхъ барановъ, саркофаги которыхъ сохранились до нашего времени.

Мы еще довольно долго катались на лодкѣ, любуясь берегами и солнечнымъ закатомъ.

„Въ дымкѣ розово-лиловой
Таетъ западъ золотой
И малиново-багровой
Заливается зарей".

*К. Р.*

Слѣдующій день мы бродили по Ассуану; прошлись по Базару, но онъ оказался весьма печальнымъ, особенно послѣ того, что мы видѣли въ Константинополѣ и Каирѣ; единственно интересное, что мы нашли тамъ — это палки изъ гиппопотамовой кожи и женскія украшенія, такія же, какія мы уже купили.

Послѣ завтрака мы опять отправились на лодкѣ внизъ по теченію и вышли затѣмъ на западномъ берегу, гдѣ насъ окружила толпа подростковъ-туземцевъ, и мы занялись обученіемъ ихъ русскому языку и пѣнію. Довольно нахохотавшись, мы отправились въ обратный путь. Передъ обѣдомъ мы еще успѣли побывать въ коптской церкви, гдѣ хотѣли отслужить молебенъ, но исполнить намъ этого не пришлось, такъ какъ у коптовъ или нѣтъ подобной службы или же священникъ не понялъ всего того, что мы старались ему разъяснить на всевозможныхъ языкахъ, какіе только въ употребленіи въ Египтѣ, наводненномъ туристами изъ всѣхъ частей свѣта. Церковь очень большая и крайне бѣдная, посвящена Богородицѣ. Надъ царскими вратами главнаго алтаря (ихъ тамъ три) вырѣзана коптская надпись: „Радуйся, голубице прекрасная"; на аналоѣ, около царскихъ вратъ, лежитъ нѣсколько рукописныхъ коптскихъ и печатныхъ арабскихъ богослужебныхъ книгъ; всѣ онѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ окружающей обстановкой, крайне ветхи и истрепаны. Иконъ въ церкви почти нѣтъ, что объясняется также бѣдностью.

На другое утро былъ назначенъ нашъ отъѣздъ въ Луксоръ

по желѣзной дорогѣ. Первый разъ я возвращался на пароходѣ и позволю себѣ здѣсь привести свои воспоминанія и объ этой поѣздкѣ.

Изъ Ассуана мы выѣхали тотъ разъ 9-го апрѣля въ 9 часовъ утра. Погода, какъ и все время, была великолѣпна, а во время движенія парохода бывало даже иногда свѣжо, — положительно мы были подъ покровительствомъ кого-нибудь изъ египетскихъ боговъ! Въ теченіе нашего перехода на пароходѣ, т.-е. за 9—13-е апрѣля, мы дѣлали остановки въ Комъ-Омбо, Эдфу, Кенэ, Беліано. Изъ Кенэ ѣздили осматривать храмъ въ Дендерахъ, изъ Баліано въ Абидосъ, гдѣ былъ древнѣйшій храмъ, посвященный Осирису, представляющій теперь печальныя развалины, но зато интересенъ храмъ, построенный въ XIV столѣтіи до нашей эры Рамсесомъ II. Ночью пароходъ всегда останавливался и причаливалъ къ берегу, при чемъ по берегу становилась стража, которая всю ночь перекликалась, — оказывается, что и здѣсь не прочь иногда пограбить.

Берега Нила весьма однообразны, мало живописны и скорѣй даже унылы. Узкая культурная полоса, иногда виднѣются пальмовыя рощицы, мало интересныя арабскія деревушки, — вотъ и весь ландшафтъ нильскихъ береговъ. Только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ подходитъ къ самому Аравійскому хребту, круто спускающемуся въ рѣку, было красиво, но и горы носятъ дикій, непривѣтливый характеръ: вы не увидите на нихъ ни одной зеленой точки, глазу не на чемъ остановиться, однѣ голыя скалы. И если что и было дѣйствительно хорошо, такъ это лунныя ночи, когда глазъ не замѣчаетъ всей непривѣтливости развертывающейся передъ вами картины, а, напротивъ, видитъ все въ голубоватомъ освѣщеніи луны, придающей всему мягкій колоритъ и настраивающей всѣхъ и вся на поэтическій ладъ. Это испытали за это время весьма многіе, такъ какъ за все время нашего путешествія не было столько сочинено всевозможныхъ стиховъ, какъ за эти три дня поѣздки по Нилу.

13-го апрѣля около полудня, въ Ассіутѣ, мы простились съ нашимъ пароходомъ и въ 2 часа дня сѣли на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать прямо въ Каиръ.

Ассіутъ — это небольшой городокъ, интересный тѣмъ, что въ немъ производятся шали, затканныя серебромъ, хорошо извѣст-

ныя всѣмъ путешественникамъ по Египту, такъ какъ рѣдкій изъ нихъ не пріобрѣтаетъ хоть одну такую шаль или же для себя или же для подарка; онѣ, дѣйствительно, очень красивы и на мѣстѣ не дороги. Въ тотъ же день въ 9 часовъ вечера мы были опять въ Каирѣ и остановились въ той же гостиницѣ „Continental Hôtel“.

Къ сожалѣнію, намъ этотъ разъ не пришлось совершить этого путешествія: ни время, ни Нилъ не позволили намъ это сдѣлать, и мы оба конца, до Ассуана и обратно въ Каиръ, вынуждены были проѣхать въ душномъ вагонѣ.

# IX.

# ЛУКСОРЪ И КАРНАКЪ.

Главный пилонъ въ Карнакѣ.

## IX.

## Луксоръ и Карнакъ.

„Гдѣ храмъ оставленный поднялъ свой куполъ бѣлый
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ,
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ".

*Фетъ.*

Изъ Ассуана мы выѣхали въ 11 часовъ утра и въ Луксоръ пріѣхали послѣ 5 часовъ вечера. Переѣздъ былъ довольно утомителенъ, такъ какъ было жарко и душно. Утомленные отъ переѣзда, мы въ этотъ вечеръ уже ничего не предпринимали и послѣ обѣда устроились на террасѣ, выходящей на Нилъ, чтобы подышать прохладой и дать возможность нашимъ легкимъ избавиться отъ пыли, которой мы въ достаточной мѣрѣ наглотались за время переѣзда изъ Ассуана. По Нилу изрѣдка сновали лодки, между прочимъ, прошла большая лодка, вся почему-то разукрашенная разноцвѣтными фонариками, съ которой раздавалась туземная пѣсня, звуки которой еще долго слышались ереди ночной тишины, дополняя поэзію южной ночи. Но усталость брала свое, и мы съ сожалѣніемъ отправились по своимъ комнатамъ, гдѣ насъ ожидали постели съ кисейнымъ пологомъ отъ москитовъ, которыхъ, говорятъ, въ Египтѣ много, но присутствіе которыхъ мнѣ не пришлось замѣтить ни въ одну изъ моихъ поѣздокъ. Слѣдующее утро до завтрака мы посвятили осмотру Луксорскаго храма, посвященнаго Амону, его женѣ Муть и сыну Консу и расположеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостиницы (Winter Palace Hôtel), на томъ же правомъ берегу Нила, гдѣ располо-

женъ и самый Луксоръ. Билеты, полученные нами отъ управленія древностями, намъ сейчасъ же открыли въ него доступъ. Надо замѣтить, что древности въ Египтѣ охраняются весьма тщательно; возможно, что это дѣлается и изъ корыстныхъ видовъ, но дѣло не въ этомъ, важно, конечно, чтобы онѣ были цѣлы, а для чего ихъ берегутъ — это вопросъ уже второстепенный. У

Въ Луксорскомъ храмѣ.

насъ же, какъ мы знаемъ, изъ корыстныхъ видовъ древности, наоборотъ, уничтожаются. Выстроенъ храмъ за много вѣковъ до нашей эры, при Аменофисѣ III, фараонѣ XVIII династіи, послѣдующіе фараоны кое-что пристроили къ нему, но особенно украсилъ его Рамсесъ II-й (1292—1225), пристроившій сѣверный перестиль и пилонъ, на внѣшней сторонѣ котораго изобразилъ свои подвиги въ войнѣ съ хеттами *). У сѣвернаго входа когда-то стояло два обелиска, но уцѣлѣлъ изъ нихъ одинъ, а другой теперь украшаетъ Place de la Concorde въ Парижѣ.

---

*) Хетты — это народъ, принадлежавшій къ сѣверной культурной расѣ древняго Востока, упоминаемый въ Библіи; родиной его, повидимому, была Каппадокія. Они владѣли одно время Ниневіей и имъ же была подчинена Сирія. При фараонахъ XVIII династіи хетты были отброшены въ Месопотамію. Рамсесъ II, хотя долго воевалъ съ хеттами, но все же женился на дочери хеттскаго царя Хетасора. Значеніе хеттовъ затѣмъ постепенно падаетъ и они растворяются среди другихъ народовъ Малой Азіи.

Какъ и всѣ вообще египетскіе храмы, Луксорскій состоялъ изъ святилища съ рядомъ боковыхъ комнатъ и открытаго двора съ колоннадой. Передъ дворомъ находилась еще комната съ колоннами, постройка которой была закончена уже послѣ смерти основателя храма Рамсеса II. Кое-что было пристроено Тутмесомъ III (1501—1447 гг. до Р. Х.). Во времена Аменофиса IV (1375—1358 гг.) храмъ былъ посвященъ богу солнца, было выстроено особое святилище, а знаки Амона уничтожены. Культъ Амона былъ возстановленъ при Сетосѣ I. Рамсесъ еще болѣе увеличилъ храмъ, построивъ еще одинъ дворъ съ колоннадой и огромный пилонъ. Послѣ Рамсеса II храмъ почти уже не передѣлывался.

У входа въ храмъ, около самой стѣны, помѣщены огромныя статуи и самаго Рамсеса II. Почти всѣ статуи, украшавшія въ древности этотъ храмъ, безъ головъ—это воспоминаніе дикаго фанатизма коптовъ-христіанъ, не допускавшихъ изваянія человѣческаго лица и изуродовавшихъ цѣлую массу памятниковъ древняго египетскаго искусства, въ чемъ они сходились и съ послѣдователями ученія Магомета. Храмъ въ развалинахъ, но и развалины ярко показываютъ всю его былую красоту и величіе. На одной изъ стѣнъ изображенъ его планъ, надо думать, современникъ самого храма. Въ одномъ изъ угловъ высятся мечеть и минаретъ, съ верхней площадки котораго, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возносилась хвала Амону и Гаторъ, раздается теперь голосъ муедзина, возвѣщающаго правовѣрнымъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его. Было время, когда Луксорскій храмъ былъ превращенъ въ христіанскую церковь. Общая длина храма послѣ всѣхъ достроекъ достигала 260 метровъ, первоначально же было 190 метровъ.

Въ древности Луксорскій храмъ былъ соединенъ аллеей сфинксовъ съ храмами Карнака, этими знаменитѣйшими храмами древняго Египта; аллея эта сохранилась только частью близъ Карнакскаго храма, при чемъ большинство сфинксовъ также изуродованы и стоятъ безъ головъ, нѣкоторые сброшены со своихъ пьедесталовъ.

Послѣ осмотра храма мы вернулись въ гостиницу, въ часъ былъ поданъ завтракъ. Становилось жарко. Я вышелъ на террасу; внизу у моихъ ногъ въ плоскихъ песчаныхъ берегахъ, тихо

катилъ свои мутныя воды божественный Нилъ,—этотъ кормилецъ и поилецъ безконечнаго ряда поколѣній, а надо мной раскинулся темно-синій небесный сводъ, и на немъ жгучее тропическое солнце, посылающее цѣлую массу ослѣпительно-яркаго свѣта, пронизывающаго своими горячими лучами все, что встрѣчается на ихъ пути, и придающее всему золотисто-розовый колоритъ,

Храмъ въ Луксорѣ.

которымъ окрашенъ весь Египетъ. Жизнь замерла: не слышно ни шелеста, ни дуновенія вѣтерка, изрѣдка только на синемъ фонѣ неба промелькнетъ парящій ястребъ—эта священная птица египтянъ, своими недвижимыми крыльями дополняющій эту картину общей истомы, которая овладѣла, казалось, всѣмъ живущимъ; только иногда послышится дикій ревъ верблюда или осла, такъ гармонирующаго съ этой мертвенной пустыней, а затѣмъ снова тишина, захватывающая человѣка и повергающая его въ полусонную нѣгу.

А тамъ—вдали, на западѣ, виднѣются скалистыя Ливійскія горы; тамъ нѣтъ ни жизни, нѣтъ ни движенія, и только, какъ безмолвные памятники былого величія, стоятъ поражающія современнаго человѣка, развалины древнихъ языческихъ храмовъ,

гробницы царицъ и царей египетскихъ въ теченіе тысячелѣтій ожидавшихъ того, чтобы пришелъ предпріимчивый англичанинъ или наглый германецъ и, нарушивъ ихъ тысячелѣтній покой, проникъ въ глубокія нѣдра горъ, открылъ мѣста ихъ послѣдняго упокоенія, такъ тщательно ими скрытыя отъ посторонняго взгляда, святотавственною рукою выкинулъ бы тѣла ихъ изъ мавзолеевъ

Долина смерти.

и выставилъ бы ихъ на показъ праздной толпѣ скучающаго человѣчества. Нѣсколько правѣе виднѣется входъ въ такъ-называемую „Долину Смерти“, гдѣ намъ предстоитъ быть завтра по пути въ Ѳивы.

Въ три часа мы въ экипажѣ подъ балдахиномъ, напоминающимъ наши южнобережные, отправились въ Карнакъ, находящійся на правомъ берегу Нила. По главной улицѣ Луксора мы выѣхали за городъ, проѣхали мимо священнаго озера, пересѣкли желѣзнодорожный путь и по прямой дорогѣ, обставленной каменными сфинксами, большей частью съ отбитыми головами, подъѣхали къ огромному пилону храма Консу, величайшему по своимъ размѣрамъ въ Египтѣ.

Раньше, чѣмъ перейти къ болѣе подробному описанію карнакскихъ храмовъ, я приведу мои замѣтки и мои общія впечатлѣнія, какъ они записаны въ моей памятной книжкѣ послѣ по-

ѣздки въ Карнакъ, когда я посѣтилъ его во время моего перваго путешествія.

Въ тотъ же день мы были въ Карнакѣ. Я не стану его описывать; красота и величіе, которыми проникнуты его грандіозныя развалины, описаны, конечно, всѣми, кто только говорилъ объ Египтѣ, такъ какъ этотъ храмъ производитъ огромное впечатлѣніе и описывать его—это задача не по моимъ силамъ. Я постараюсь только передать тѣ чувства, которыя онъ возбудилъ во мнѣ. Мы двинулись на ослахъ прямо отъ подъѣзда нашей гостиницы, проѣхали черезъ весь Луксоръ и выѣхали на аллею сфинксовъ, идущую, какъ я говорилъ выше, до главнаго входа въ карнакскіе храмы. Большинство сфинксовъ изуродованы *), но нѣкоторые изъ нихъ сохранились въ своей полной неприкосновенности.

Передъ самымъ храмомъ разбросаны группы пальмовыхъ деревьевъ, среди которыхъ на фонѣ голубого неба красиво выдѣляется величайшій въ Египтѣ пилонъ карнакскаго храма (44 метра вышины, 113 метровъ ширины). Мы сошли съословъ и вошли въ храмъ, а пройдя черезъ обширный дворъ, мы вошли въ знаменитую залу. Цѣлые ряды колоннъ самыхъ причудливыхъ формъ устремляются въ высь и, казалось, подпираютъ этотъ необъятный небесный сводъ, откуда льется цѣлая масса яркаго свѣта и оживляетъ эти тысячелѣтнія развалины, памятники прежняго величія человѣчества, такъ долго и такъ упорно боровшагося съ новымъ ученіемъ Христа и въ концѣ-концовъ преклонившагося передъ нимъ. Глядя на эти сѣдыя развалины невольно переносишься къ отдаленнѣйшимъ временамъ исторіи человѣчества, невольно напрашиваются сравненія и невольно преклоняешься передъ мощью древняго человѣка. Сколько подавляющаго величія во всѣхъ этихъ чудныхъ храмахъ; здѣсь видна безпредѣльная вѣра въ своихъ боговъ, чувствуется гордость ими. Сколько человѣческаго генія, сколько человѣческаго труда, труда настойчиваго, труда осмысленнаго настолько, что прошли десятки вѣковъ, а дивные плоды этого труда стоятъ до сихъ поръ и даже въ развалинахъ поражаютъ современнаго человѣка, овладѣвшаго за это время цѣлой массой

*) Къ сожалѣнію, больше людьми, чѣмъ временемъ. Надъ разрушеніемъ скульптурныхъ памятниковъ Египта особенно старались христіане и мусульмане, руководимые религіознымъ фанатизмомъ.

знаній, но растерявшаго своихъ старыхъ боговъ и не сумѣвшаго и не пожелавшаго постичь и полюбить новыхъ!

Древній человѣкъ въ своихъ языческихъ богахъ невольно искалъ самого себя и находилъ; боги древности были вполнѣ понятны ему; они являлись созданіемъ цѣлаго ряда поколѣній людей, которые сжились съ ними, которые любили ихъ. Но

Аллея сфинксовъ.

вотъ на берегахъ Іордана раздалось отвлеченное ученіе Христа. Впервые на землѣ раздались слова о всепрощеніи, о любви къ ближнему, и эти, казалось, простыя слова пошатнули тысячелѣтнее ученіе язычества, и мы видимъ, какъ постепенно жертвенники языческимъ богамъ замѣняются престолами въ честь единаго Бога, и кровавыя жертвоприношенія замѣняются безкровной жертвой. Но, къ сожалѣнію, человѣчество, потерявши вѣру въ своихъ старыхъ боговъ, потерявши любовь къ нимъ, потеряло и любовь къ своему прошлому и частью истребило памятники этого прошлаго, а частью бросило ихъ на произволъ судьбы и не сумѣло создать ничего такого, что могло бы замѣнить прежнее величіе, а на ряду съ этимъ оно и не пріобрѣло ничего и для величія духа. Слова Христа: „Возлюби ближняго, какъ самого себя“, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и крестъ, этотъ символъ смиренія и жертвы за человѣчество, едва не сдѣлался символомъ крови и насилія. Съ крестомъ въ одной и съ мечомъ въ другой рукѣ христіанство поучаетъ человѣчество великимъ завѣтамъ Христа, мечомъ и огнемъ заставляетъ любить другъ друга, на-

силіемъ хочетъ научить платить добромъ за зло и въ пламени костровъ святой инквизиціи ищетъ доказательствъ правоты Христа.

Цѣлый рядъ мыслей невольно напрашиваются при взглядѣ на эти все еще величественныя развалины древняго языческаго Египта; въ головѣ роится цѣлый рядъ вопросовъ и — увы! — отвѣты получаются далеко не въ пользу современнаго человѣка. Чувствуешь

Колоннада въ Луксорскомъ Храмѣ.

себя подавленнымъ и невольно преклоняешься передъ тѣми, которые умѣли созидать, умѣли вѣрить, умѣли любить...

За грандіознымъ пилономъ, къ которому мы подъѣхали, возвышается порталъ, построенный Евергетомъ I Плотомеемъ (247—222 гг. до Р. Х.) и служившій входомъ (сѣверо-западнымъ) во всѣ карнакскіе храмы, стѣны его украшены изображеніями самого Евергета, приносящаго жертвы богамъ. По другой аллеѣ сфинксовъ, поставленныхъ фараономъ XX династіи Рамсесомъ III (1200—1179 гг.), вы приближаетесь къ самому храму, посвященному сыну Амона и Му, Ѳиванскому богу Консу. Храмъ этотъ считается образцомъ египетской архитектуры своего времени, построенъ онъ Рамсесомъ III, но украшался уже его преемниками

Рамсесомъ IV и Рамсесомъ XII, а также и главнымъ жрецомъ, занявшимъ затѣмъ и египетскій тронъ, Ерихоромъ, который построилъ дворъ. Въ храмъ вы входите черезъ большой пилонъ, на которомъ изображены главный жрецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ царь Пинотема и его жена Кетеуэ, приносящіе жертвы богамъ. Во дворъ вы входите черезъ центральный порталъ, на которомъ изображенъ Александръ II, сынъ Александра Великаго, дворъ окруженъ съ трехъ сторонъ портиками съ двойнымъ рядомъ колоннъ, имѣющихъ форму папируса, на стѣнахъ изображенъ Ерихоръ, также приносящій жертвы, четыре двери ведутъ изъ этого двора наружу. Въ глубинѣ двора проходъ въ преддверіе, поддерживаемое двѣнадцатью колоннами, затѣмъ идетъ залъ, стѣны котораго украшены изображеніями Рамсеса XII, въ глубинѣ зала дверь, ведущая въ святилище, по бокамъ котораго находятся темные залы, украшенныя рѣзьбой. Черезъ дверь, продѣланную при Птоломеяхъ, можно пройти въ небольшой залъ съ четырьмя колоннами и съ изображеніями Рамсеса IV и императора Августа; рядомъ съ этимъ заломъ находится семь святилищъ съ прекрасно сохранившимися цвѣтными фресками; на одной изъ нихъ изображенъ мертвый Осирисъ, лежащій на носилкахъ, около него стоятъ его жена Исида и сестра Нефтисъ.

Рядомъ съ храмомъ Консу, съ сѣверо-западной его стороны находится небольшой храмъ Осириса и Епеты (богиня Ѳивъ, изображаемая въ видѣ самки гиппопотама), построенъ онъ Евергетомъ II. Въ восточномъ притворѣ храма Плотомеемъ XIII (80—52 гг. до Р. Х.) устроена была часовня въ честь Осириса. Ближайшимъ къ Консу лежитъ огромный храмъ, посвященный Амону. По аллеѣ Сфинксовъ съ бараньими головами вы подходите къ главному пилону. Храмъ Амона былъ начатъ при фараонахъ XII династіи (2000—1788 гг. до Р. Х.) и затѣмъ украшался и достраивался при цѣломъ рядѣ владыкъ Египта. Аменофисъ I построилъ второе святилище, скоро, впрочемъ, разрушенное. Тутмесъ (1540—1501 гг. до Р. Х.), когда перенесъ свою столицу въ Ѳивы, построилъ дворъ, закрытый съ западной стороны пилономъ, а внутри украшенный портиками съ колоннами; позднѣе онъ поставилъ съ восточной стороны пилонъ и два обелиска; много построекъ возвела Хатасу, царствовавшая послѣ Тутмеса I; она построила во дворѣ Тутмеса I особое святилище и поставила

между IV и V пилонами два обелиска, передѣлала порталъ. Ея братъ Тутмесъ III снялъ во дворѣ Тутмеса I колонны и замѣнилъ ихъ небольшими святилищами, поставилъ новый пилонъ (VI), устроилъ колоннаду между пилономъ и святилищемъ, построеннымъ Хатасу, передѣлалъ порталъ, пристроилъ двѣ залы и сѣни между 5 и 6 пилонами. При немъ же былъ воздвигнутъ боль-

Въ Карнакѣ.

шой храмъ празднествъ, служащій какъ бы продолженіемъ на востокъ храма Амона. При Аменофисѣ воздвигнутъ былъ еще одинъ пилонъ; воздвигъ пилонъ и Рамсесъ I, но больше всѣхъ украсили храмъ Сетосъ I и Рамсесъ II (XIX династія); имъ принадлежитъ огромный колонный, т.-н. ипостильный залъ, который является поистинѣ чудомъ египетской архитектуры. Онъ, между прочимъ, пострадалъ отъ землетрясенія въ 27 году до Р. Х. Всѣхъ колоннъ 134, расположены онѣ въ 16 рядовъ и поддерживаютъ, сохранившуюся до сихъ поръ, часть каменнаго потолка. Залъ этотъ производитъ поразительное впечатлѣніе особенно утромъ и вечеромъ, при косыхъ лучахъ солнца, когда рѣзкія тѣни

перебрасываются съ одной колонны на другую. Одинъ этотъ залъ занимаетъ пространство въ пять тысячъ квадратныхъ метровъ, и по этому можно судить о громадности всей постройки. Два центральныхъ прохода между колоннами болѣе возвышены и состоятъ изъ колоннъ въ видѣ папируса. Средняя часть зала имѣетъ 24 метра въ вышину, боковыя же части на 10 метровъ ниже;

Въ Карнакѣ.

колонны имѣютъ 10 метровъ въ обхватѣ. Стѣны по обыкновенію украшены рѣзьбой, изображающей походы и военные подвиги Сетоса I. То онъ изображенъ ѣдущимъ на колесницѣ, то онъ поражаетъ своихъ враговъ, то онъ вступилъ въ единоборство и наступилъ ногой на поверженнаго передъ нимъ противника, наконецъ, изображенъ онъ при тріумфальномъ шествіи послѣ побѣды, и т. д. На одной изъ стѣнъ изображено коронованіе Рамсеса II. Въ южной сторонѣ находятся двѣ прекрасныя статуи Сетоса, но, къ сожалѣнію, съ отбитыми головами. Направо отъ входа стоитъ большая колонна Рамсеса II, впереди алебастровая плита, на которой изображены побѣжденные народы, негры и азіаты, которыхъ фараонъ попираетъ ногами.

„Египтяне, писалъ извѣстный египтологъ Шамполліонъ, питали замыслы стоаршинныхъ великановъ, и наше воображеніе, царящее у насъ, въ Европѣ, высоко надъ нашими портиками, падаетъ немощно передъ этими сорока колоннами Карнакской залы... Я ничего не буду описывать, потому что или мои слова передадутъ лишь тысячную долю того, что слѣдовало бы сказать,

Въ Карнакѣ.

говоря о подобныхъ вещахъ, или я покажусь энтузіастомъ и даже сумасшедшимъ, если попытаюсь дать хотя приблизительный эскизъ этихъ развалинъ".

На колоннахъ выгравированы имена цѣлаго ряда фараоновъ (Рамсесы III, IV, VI и XII).

Разрушеніе карнакскихъ храмовъ началось при Птоломеяхъ и продолжалось оно въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, и только въ 1895 году французомъ Легреномъ были произведены въ различныхъ мѣстахъ большія раскопки, которыя и дали огромные результаты. Работы по расчисткѣ Карнака производятся и теперь. Я бодѣе подробно коснулся лишь главнѣйшей части карнакскихъ храмовъ. Кромѣ указанныхъ здѣсь, имѣется еще нѣсколько, но болѣе скромныхъ размѣровъ, какъ храмы: Сетоса II, построеннаго изъ сѣраго камня, Рамсеса III, съ его изображеніями, между которыми есть очень интересныя какъ по замыслу, такъ по исполненію. О храмѣ Рамсеса имѣются весьма поэтическія слова

Хиченса: „Въ Карнакѣ находится храмъ, который я особенно люблю, самъ не зная почему. Стоитъ онъ направо отъ колонны съ лотусами около огромной залы seti. Путешественники иногда второпяхъ проходятъ мимо него, заинтереованные руинами, возвышающимися дальше за нимъ. Для того, чтобы храмъ этотъ могъ послѣднимъ запечатлѣться въ нашей душѣ, слѣдовало бы зайти сюда лишь осмотрѣвъ все остальное. Храмъ Рамсеса III представляетъ собою тихое, мирное убѣжище, несмотря на то, что птицы постоянно наполняютъ его и громко щебечутъ. Полъ устланъ мягкимъ пескомъ, который молчаніемъ заглушаетъ шумъ нашихъ шаговъ. Свѣтло-коричневый, почти желтый, цвѣтъ стѣнъ производитъ успокаивающее впечатлѣніе, и темные рельефы на камняхъ напоминаютъ богатую, красивую ткань. Что изображали они когда-то? Не все-ли это равно? Они смягчаютъ рѣзкіе контуры стѣнъ, придавая имъ совсѣмъ особый отпечатокъ. Храмъ этотъ производитъ на меня чарующее впечатлѣніе. Когда я вхожу въ него, мнѣ кажется, что я чувствую прикосновеніе лотуса, чувствую, какъ невидимая рука тихо проводитъ цвѣткомъ по моему лицу и спускается мнѣ въ сердце“.

Съ правой стороны главнаго храма Амона, въ глубокой впадинѣ, лежитъ небольшое священное озеро, почти уже высохшее; на берегу его на пьедесталѣ помѣщено каменное изваяніе скарабея довольно большихъ размѣровъ.

Очень образно передаетъ свои впечатлѣнія о Карнакѣ А. Н. Львовъ въ своемъ сочиненіи „Въ странѣ Амонъ-Ра“: „Въ этомъ храмѣ-гигантѣ не перечесть всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ изумительныхъ подробностей каждой изъ нихъ. То, что въ иномъ мѣстѣ привлекало бы общее вниманіе, часто остается здѣсь незамѣченнымъ,—такъ велико въ Карнакѣ число нигдѣ не виданныхъ сооруженій, которыя на каждомъ шагу приводятъ въ изумленіе даже бывалаго путешественника. Куда ни оглянешься, повсюду пилоны, дворы и залы, колонны всѣхъ размѣровъ и стилей, колоссы стоячіе, сидячіе, вполнѣ сохранившіеся, или безъ головы, а то и безъ всего туловища, тонкой или грубой работы, изъ красно-сѣраго или чернаго гранита, муміе-образные Осирисы, обломки статуй боговъ. Грандіозное наслѣдіе безчисленнаго множества людскихъ поколѣній! Способность восхищаться, наконецъ, притупляется, глубокая безпричинная грусть овладѣваетъ вами,

даже соднечный свѣтъ кажется здѣсь печальнымъ, благодаря избытку силы яркости. Не знаешь, въ какихъ словахъ передать впечатлѣніе, производимое Карнакскимъ храмомъ? Для этого нужно вмѣсто пера владѣть лезвіемъ рѣзца одного изъ неизвѣстныхъ художниковъ, во множествѣ трудившихся, во время-оно, надъ украшеніемъ святилища; нужно, прежде всего, войти въ душу его, полную безконечнаго благоговѣнія и трепета передъ всемогуществомъ Амонъ-Ра и земныхъ сыновъ его—фараоновъ...".

Съ приведенными словами нельзя не согласиться. Карнакъ производитъ огромное впечатлѣніе мощью своихъ развалинъ, которыя дѣйствительно являются грандіознымъ наслѣдіемъ безчисленнаго множества поколѣній людей, передъ созидательной силой которыхъ невольно преклоняется человѣкъ XX столѣтія, который обладаетъ силой знанія, но не той силой духа, которая помогала древнимъ людямъ созидать эти памятники, которые поражаютъ васъ даже въ своихъ развалинахъ.

Колоссы Мемнона.

## X.

## Ѳивы.

„Гдѣ были стовратныя Ѳивы,
Зеленой теперь пеленой
Раскинулись сочныя нивы
Межъ Ниломъ и горной грядой.
Вздымаются два исполина;
Двѣ мощныхъ скалы средь полей;
Цвѣтя разостлалась долина
Вкругъ грозныхъ гранитныхъ царей.
Тѣ скалы-колоссы Мемнона;
Десятки вѣковъ переживъ,
Сбылася мечта фараона:
Въ колоссахъ и нынѣ онъ живъ".

*К. Р.*

На другое утро мы отправились въ Ѳивы. Возрастъ Ѳивъ не поддается никакому учету, онъ былъ извѣстенъ въ самой глубочайшей древности и уже приблизительно за 2000 лѣтъ до нашей эры играетъ крупную роль въ исторіи Египта, но особаго значенія Ѳивы достигаютъ при фараонахъ XVII династіи, одинъ изъ которыхъ Аменофисъ или Аменхотепъ I (1557—1540 гг. до Р. Х.) особенно покровительствовалъ городу. Съ этого времени Ѳивы становятся центромъ политической, культурной и торговой жизни Египта, и уже Діодоръ, Страбонъ, Плиній и другіе авторы говорятъ о Ѳивахъ, какъ о большомъ городѣ, называя его стовратымъ. Главные храмы Ѳивъ были посвящены Амону и его культъ достигъ въ Ѳивахъ своего апогея, и было даже время, когда высшая власть въ Египтѣ перешла къ его жрецамъ

и даже верховнымъ жрицамъ, которые начали захватывать ее при Рамсесѣ III (1200—1179 гг. до Р. Х.), а одно время Ѳивы даже отдѣлились и составляли отдѣльное государство.

Жрецы всячески пользовались своимъ авторитетомъ, чтобы поднять свое значеніе. До нашего времени дошли папирусы, гдѣ приводятся полные титулы этихъ божественныхъ владыкъ, получающихъ яко-бы свою власть непосредственно отъ Амонъ-Ра: „Я издаю, говоритъ Амонъ-Ра, мой священный указъ относительно обожествленія Пайноджема, сына Исетъ-емъ-хебъ, моего служителя въ преисподней. Я обожествляю его въ Дуатѣ, я обожествляю его въ Хернетрѣ, я обожествляю его во всякомъ мѣстѣ, гдѣ обожествляются духи. Я даю ему принимать воду запада, жертвенные дары Хернетра“, и т. д. въ томъ же родѣ. Не мудрено, конечно, что при подобныхъ полномочіяхъ, полученныхъ отъ самого Амонъ-Ра, жреческая каста въ лицѣ нѣсколькихъ семействъ и захватила верховную власть, устранивъ отъ престола царствовавшихъ фараоновъ.

Паденіе Ѳивъ начинается съ VII вѣка до Р. Х., послѣ того, какъ городъ былъ взятъ ассирійцами, оставившими, впрочемъ, тамъ столицу и построившими даже нѣсколько храмовъ, посвященныхъ тому же Амону. Нѣсколько разъ значеніе его вновь подымалось, но уже Страбонъ, въ 24 г. до Р. Х., нашелъ на мѣстѣ когда-то огромнаго и богатаго города всего лишь нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ. Послѣ введенія христіанства и изданія эдиктовъ Ѳеодосія было уничтожено много древней скульптуры и надписей, кромѣ того, разрушенію много способствовали и разливы Нила, заливающаго почти все пространство до Ливійскаго хребта.

Въ день нашей поѣздки въ Ѳивы было еще совершенно темно, когда я вышелъ на балконъ; виднѣлся еще тонкій блѣдный серпъ луны, и звѣзды еще довольно ярко блестѣли на темномъ небосклонѣ, — тѣ же звѣзды, которыя горѣли здѣсь и во времена фараоновъ. Прошли тысячелѣтія, пройдетъ и еще не одна тысяча лѣтъ, а онѣ все будутъ также безмолвно освѣщать этотъ Нилъ и эту безпредѣльную пустыню; пройдутъ еще цѣлые ряды поколѣній, а міръ будетъ оставаться все тѣмъ же, и всѣ усилія человѣчества ничего не измѣнятъ въ этомъ дивномъ созданіи Великаго Творца вселенной.

На восточной сторонѣ неба становилось свѣтлѣе, и чувствовалось приближеніе дневного свѣтила; потянуло свѣжестью, послышалось пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ. Ничто не напоминало Африки; можно было подумать, что стоишь на балконѣ помѣщичьей усадьбы далекой Россіи, и если чего не доставало — такъ это аромата зелени и цвѣтовъ, чѣмъ такъ небогатъ Египетъ. Я облокотился о перила балкона и задумался... Но вотъ гдѣ-то вдали послышался дикій ревъ осла—очарованіе исчезло, и я вернулся къ дѣйствительности.

Небо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Я сошелъ внизъ, прошелъ мимо дремавшихъ еще прислужниковъ-арабовъ, перешелъ на другую сторону гостиницы и вышелъ на террасу, выходящую на Нилъ, который тихо и плавно катилъ свои воды къ Средиземному морю, а тамъ дальше за нимъ, на западъ, въ дымкѣ утренняго тумана вырисовываются Ливійскія горы.

Вотъ вершины горнаго хребта освѣтились золотисто-розовыми лучами еще невидимаго солнца, затѣмъ лучи эти быстро побѣжали внизъ, назойливо проникли во всѣ впадины и ущелья, пока не освѣтился весь хребетъ и не обрисовался на голубомъ фонѣ неба, а на востокѣ въ это время изъ-за Аравійскихъ горъ вынырнулъ огненный дискъ солнца—все приняло золотисто-розовый колоритъ, который смѣло можно назвать колоритомъ Египта. Все, казалось, ожило, насколько можетъ ожить пустыня со своими песками, со своими камнями.

Пора, однако, выѣзжать, чтобы успѣть совершить свою экскурсію до наступленія жары, хотя до сихъ поръ ничего необыкновеннаго мы и не испытывали. Но вотъ, наконецъ, и наши спутники, всѣ въ пробковыхъ шлемахъ, съ голубыми или зелеными вуалями, въ темныхъ очкахъ и съ неизмѣннымъ, надоѣвшимъ до тошноты, краснымъ Бедекеромъ въ карманѣ. Подъ командой нашего неутомимаго Ахмета мы спускаемся къ рѣкѣ и садимся въ большую лодку, заблаговременно приготовленную Ахметомъ, которая быстро доставила насъ на западный берегъ Нила, гдѣ мы сѣли наословъ, которые уже ожидали насъ, и скорымъ шагомъ начали двигаться по направленію къ западу, къ Ливійскимъ горамъ. Проходя по узкой культурной полосѣ (такія полосы тянутся по обѣимъ сторонамъ Нила), мы то-и-дѣло встрѣчаемъ строгія фигуры египтянокъ, одѣтыхъ во все черное, съ

кувшинами архаической формы на головѣ, обогнали небольшой караванъ верблюдовъ, этихъ дѣтей пустыни, неуклюжихъ, но вѣрныхъ и ничѣмъ не замѣнимыхъ друзей обитателей знойной Африки.

Вскорѣ начался песокъ, камни... и мы въ пустынѣ. Почва начинаетъ нѣсколько повышаться, нашъ караванъ растягивается, слышатся окрики погонщиковъ „оа", ослы немного увеличиваютъ на нѣсколько минутъ свой шагъ, а нѣкоторые пускаются даже вскачь. Вотъ мимо меня прогалопировалъ на ослѣ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ У., а за нимъ, ухватившись за хвостъ осла, пробѣжалъ и его чернокожій погонщикъ *). Но черезъ нѣсколько мгновеній наши ослы опять затрусили мелкой рысцой, противъ чего нисколько не протестовали ихъ сѣдоки, предпочитавшіе тихую ѣзду скачкѣ на тряскихъ ослиныхъ спинахъ. Вдали показались два колосса, такъ-называемые колоссы Мемнона, когда-то стоявшіе при входѣ въ храмъ, о которомъ теперь не сохранилось даже и воспоминаній — кругомъ поля и пустыня. Говорятъ, что въ древности при самомъ восходѣ солнца одинъ изъ нихъ издавалъ звукъ, напоминавшій человѣческій голосъ **); издаетъ ли онъ ихъ теперь, не знаю,— кажется, нѣтъ, но если бы и да, то звукъ этотъ долженъ былъ бы имѣть скорбный оттѣнокъ, и скорѣе даже стонъ,—такъ печальны теперь эти памятники былого величія, ожидающіе своего полнаго разрушенія. Ихъ подножія исписаны надписями на всевозможныхъ языкахъ—это туристы, которые хотя бы этимъ путемъ хотѣли сдѣлать свои имена безсмертными.

Колоссы, высѣченные изъ твердаго камня, представляютъ изъ себя одного изъ знаменитѣйшихъ фараоновъ, Аменофиса III

---

*) Удивительно устроены легкія у этихъ господъ: ухватившись за хвостъ лошади, онъ не отстаетъ отъ нея даже, когда она несется въ карьеръ, но при этомъ беретъ въ ротъ уголъ своей рубахи, вѣроятно, для того, чтобы нѣсколько ослабить движеніе воздуха.

**) Существовала легенда, согласно которой Мемнонъ привѣтствовалъ свою мать Эосъ (Аврору), богиня же въ отвѣтъ на жалобный призывъ проливала слезы надъ своимъ сыномъ, которыя и образовали утреннюю росу. Во время владычества въ Египтѣ римлянъ ихъ считали за статуи Мемнона, сына Авроры и Тирна, убитаго во время Троянской войны Ахилломъ. Послѣ реставраціи при Септиміи Северѣ колоссъ уже пересталъ издавать звуки, прекратились жалобы сына, остались лишь однѣ слезы матери.

(1411—1375 гг. до Р. Х.), сидящаго на тронѣ *). Они стояли передъ погребальнымъ храмомъ Аменофиса, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ. Общая ихъ высота теперь около 20 метровъ; одинъ изъ нихъ (сѣверный) очень пострадалъ отъ времени и Нила, такъ какъ во время разливовъ они стоятъ въ водѣ. Съ лѣвой стороны сѣвернаго колосса, у ногъ, высѣчена мать Аменофиса Метемуэ, съ правой же стороны его жена Теіэ; кромѣ того, была еще и третья фигура, между ногами, но она разрушена. Съ обѣихъ сторонъ трона рельефы, изображающіе папирусы и лиліи, переплетающіяся между собой, что служило символомъ соединенія имперій Верхняго и Нижняго Египта. Аменофисъ III является однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ фараоновъ, хотя его долгое царствованіе отличалось полнымъ миромъ, такъ какъ онъ совершилъ всего одинъ походъ на югъ. Особую дѣятельность онъ проявилъ въ постройкѣ храмовъ и другихъ сооруженій; отъ него сохранились большіе скарабеи, которые изготовлялись въ память различныхъ событій. При Аменофисѣ престижъ Египта былъ настолько великъ, что Вавилонскій царь просилъ фараона прислать ему въ жены какую-нибудь дѣвушку изъ Египта: „Ты, братъ мой,—пишетъ Вавилонскій царь Кадашманъ-Харбе,—не захотѣлъ за меня выдать твою дочь и отвѣтилъ:— египетская царевна никогда никому не отдавалась.—Почему такъ? Вѣдь ты царь и можешь поступать по желанію сердца, и, если ты ее выдашь, кто будетъ противорѣчить? Когда мнѣ былъ сообщенъ отвѣтъ, я написалъ: есть много дочерей и красивыхъ женщинъ; пришли мнѣ одну изъ нихъ; вѣдь кто скажетъ тогда: „это не царевна“. Аменофисъ и послѣ смерти долго оставался въ памяти египтянъ, которые его именемъ назвали одинъ изъ мѣсяцевъ, что удерживалось еще и послѣ введенія христіанства, а въ грекоримскую эпоху въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ справляли культъ Аменофиса подъ именемъ бога Прамарра.

Около колоссовъ мы задержались недолго, одна-двѣ минуты: щелкнули затворы у нашихъ кодаковъ, этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ современныхъ путешественниковъ. Подъемъ становится все круче; ослы покрякиваютъ подъ своею тяжелою ношей и отфыркиваются отъ пыли. Солнце уже довольно высоко подня-

*) Аменофису III принадлежатъ также и сфинксы, стоящіе въ Петрорадѣ на набережной Невы.

лось надъ горизонтомъ и начинаетъ основательно прогрѣвать наши спины.

Вотъ, наконецъ, мы и въ Ѳивахъ, въ этомъ городѣ мертвыхъ; здѣсь—гробницы царицъ и царей египетскихъ, тщательно скрытыя въ свое время въ глубинѣ Ливійскихъ горъ. Какъ старательно и любовно хоронили своихъ покойниковъ въ древности, сколько здѣсь было оказано имъ вниманія, сколько положено труда, но все оказалось напраснымъ, ничто не спасло ихъ отъ завидной энергіи гробоискателей, а главное—кладоискателей; ничто не спасло когда-то дорогія могилы отъ святотатственныхъ рукъ послѣдующихъ поколѣній — почти всѣ онѣ (а со временемъ, вѣроятно, будутъ найдены и всѣ) были не только найдены, но и ограблены; тѣла людей, которые любили и которые были любимы, послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій покоя, были вынуты изъ гробницъ и оказались разбросанными по музеямъ всего міра, вѣроятно, какъ доказательство того, что для человѣка (созданнаго по образу и подобію Бога! — какая насмѣшка) нѣтъ ничего святого, нѣтъ ничего невозможнаго, а самыя гробницы служатъ теперь развлеченіемъ туристамъ, въ массѣ посѣщающимъ Египетъ. Подъ видомъ чистой науки человѣчество совершаетъ величайшую мерзость, нарушая покой себѣ подобныхъ, не имѣя на это никакого нравственнаго права.

Могилы въ большинствѣ похожи одна на другую, одна только бѣднѣй, другая болѣе богата. Вы спускаетесь по коридору, часто идущему очень глубоко подъ землею (иногда глубина достигаетъ до 100 метровъ, какъ, напримѣръ, гробница Сетоса I); стѣны коридора расписаны различными картинами, изображающими земную жизнь покойника, а иногда и то, что ожидаетъ его послѣ смерти. Краски въ громадномъ большинствѣ удивительно сохранились и поражаютъ своею свѣжестью; можно подумать, что всѣ эти изображенія только-что сдѣланы. Удивляешься, чѣмъ могли освѣщать древніе египтяне во время своихъ работъ эти длинные темные коридоры, но, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-то не дающимъ копоти, которой нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Сохраненію свѣжести краски, надо думать, способствовалъ, кромѣ необычайной сухости почвы и воздуха, и самый составъ красокъ. Коридоръ приводитъ васъ къ мѣсту, гдѣ когда-то стоялъ саркофагъ съ мумiей—это, обыкновенно, большая комната, также вся расписанная, но ни

саркофага, ни муміи въ громадномъ большинствѣ нѣтъ. Иногда, впрочемъ, стоитъ пустой саркофагъ, а мумія давно уже вывезена и находится въ Каирѣ или въ одномъ изъ музеевъ міра, а, можетъ-быть, просто валяется въ лавкѣ торговца древностей *).

Только въ одной изъ осмотрѣнныхъ нами гробницъ мы увидали саркофагъ съ мумією Аменофиса, одного изъ фараоновъ XVIII династіи. Саркофагъ подъ стекломъ, и надъ самой головой фараона вы видите электрическую лампочку, которая зажигается рукой услужливаго проводника-араба при каждомъ появленіи здѣсь многочисленныхъ туристовъ.—Не знаю, признакъ ли это современной культуры или признакъ ея отсутствія у современнаго человѣка.—Вы приходите въ могилу, какъ въ какой-нибудь музей, дѣлаете свои замѣчанія; кругомъ слышатся шутки, смѣхъ, однимъ словомъ, ничто не говоритъ вамъ о томъ, что вы находитесь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то, правда, очень давно, раздавалось надгробное рыданіе, раздавался послѣдній прощальный поцѣлуй...

Отъ одной могилы до другой мы проходимъ пѣшкомъ. Наша небольшая русская компанія пользуется тѣмъ, что имѣетъ своего особаго проводника (т.-е. Ахмета) и держится поэтому отдѣльно отъ остальныхъ туристовъ различныхъ національностей, которыхъ довольно много, нѣсколько десятковъ человѣкъ, и которые вносятъ всюду массу шума и болѣе чѣмъ безцеремонно нарушаютъ то высокое настроеніе, которымъ невольно проникаешься, вступая въ эту область отдаленнѣйшаго прошлаго человѣчества. Посѣтили мы, между прочимъ, гробницу одной изъ царицъ или царевенъ египетскихъ. У входа въ подземелье намъ дали свѣчи; съ особымъ чувствомъ вошелъ я въ темный коридоръ, дѣлается жутко, невольно трепетъ пробѣгаетъ по мускуламъ, пламя свѣчи трепетно колеблется и едва едва освѣщаетъ внутренность длиннаго коридора, пробитаго въ скалѣ. Со стѣнъ смотрятъ всевозможныя изображенія, сдѣланныя нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Невольно проникаешься благоговѣніемъ, чувствуешь силу

*) Въ Луксорѣ есть антикварій, говорящій хорошо по-русски. У него цѣлый музей египетскихъ древностей, которыя онъ съ удовольствіемъ показываетъ. Когда мы у него были, то онъ угостилъ насъ настоящимъ русскимъ чаемъ, но самоваръ, конечно, отсутствовалъ. Кстати замѣчу, что во всемъ Египтѣ, до Ассуана включительно, мы встрѣчали посуду русскаго производства.

тѣхъ, которые воздвигали все это, чувствуешь силу любви, которая окружала подобнымъ великолѣпіемъ могилы близкихъ людей.

Грунтъ постепенно понижается, нога неувѣренно ощупываетъ всѣ его неровности. Послышался какой-то звукъ; невольно останавливаешься, оглядываешься и начинаешь прислушиваться, но кругомъ все та же жуткая, могильная тишина, слышится даже біеніе сердца у своихъ спутниковъ,—повидимому, не одинъ я нахожусь подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Душно, нехватаетъ воздуху, свѣча едва мерцаетъ. Но вотъ, наконецъ, и гробница, но того, кто покоился въ ней въ теченіе тысячелѣтій, уже нѣтъ; чьи-то святотатственныя руки уже совершили свое дѣло— гробница ограблена, и становится какъ-то непріятно за человѣчество, точно и на себѣ чувствуешь часть его грѣха передъ когда-то жившими поколѣніями...

Гробницы мы осмотрѣли далеко не всѣ; во-первыхъ, ихъ слишкомъ много, во-вторыхъ, приходилось экономить время, почему мы и ограничились самыми интересными по внутренней отдѣлкѣ.

Гробница Рамсеса IV, сына Рамсеса III (XII вѣкъ до Р. Х.); надъ ея входомъ изображены Исида и Нефтисъ, молящіяся передъ солнечнымъ дискомъ со скарабеемъ. Длинный коридоръ украшенъ живописью, оканчивается онъ залой, въ которой стоитъ гранитный саркофагъ. Залъ тоже весь расписанъ.

Въ гробницѣ Рамсеса IX входъ похожъ на предыдущій, тотъ же солнечный дискъ и тѣ же Исида и Нефтисъ, стѣны коридора также расписаны.

Особенно хороша по сохранившимся рельефамъ и краскамъ гробница Рамсеса VI. Гробница Рамсеса III (1200 — 1179) замѣчательна еще тѣмъ, что она была предназначена, повидимому, для его отца, гербы котораго сохранились подъ древней штукатуркой. Особенностью этой могилы служатъ комнаты, идущія по бокамъ коридора. Все это по обыкновенію расписано, но исполненіе сравнительно плохое; самые сюжеты картинъ весьма интересны и крайне разнообразны по содержанію.

Гробница основателя XIX династіи Рамсеса I (1315 г. до Р. Х.) довольно круто спускается; саркофагъ изъ краснаго гранита, съ изображеніями на немъ желтой краской.

Выдѣляется также могила сына Рамсеса I, Сетоса I, открытая въ 1817 году итальянцемъ Бельцони и одно время носившая даже его имя. Это кажется самая глубокая изъ уже открытыхъ могилъ; она имѣетъ 100 метровъ въ глубину. Прекрасные рисунки великолѣпной сохранности прямо-таки поразительны. Картины изображаютъ всѣ тѣ мытарства, которыя должна пройти душа фараона, пока она не достигнетъ престола Амона. Самый саркофагъ, когда его открылъ Бельцони, былъ уже ограбленъ. Эта гробница, несомнѣнно, лучшая во всѣхъ отношеніяхъ.

Изъ остальныхъ гробницъ мы осмотрѣли гробницы Тутмеса III и Аменофиса II, отца и сына, онѣ отличаются тѣмъ, что идутъ не прямо вглубь земли, а заворачиваютъ подъ прямымъ угломъ, во второй изъ нихъ сохранилась и мумія, которая лежитъ въ саркофагѣ, закрытомъ стекломъ и освѣщенномъ электричествомъ.

Кромѣ этихъ гробницъ, расположенныхъ въ мѣстности Бибанъ-эль-Мулюкъ, есть еще гробницы въ Шейхъ-Абдъ-эль-Курна, нѣсколько на югъ отъ первыхъ; это такъ называемыя гробницы царицъ въ Деиръ-эль-Мединэ, отдѣленныя отъ тѣхъ и другихъ отрогомъ Ливійскаго хребта.

Въ Деиръ-эль-Мединэ сохранились также остатки храма, посвященнаго Гаторъ и построеннаго при Птоломеяхъ. При введеніи въ Египтѣ христіанства онъ нѣкоторое время служилъ убѣжищемъ монахамъ.

Гробницы царицъ принадлежатъ XIX и XX династіямъ (1315 — 1090 гг. до Р. Х.), ихъ открыто теперь болѣе 70; по своей внутренней отдѣлкѣ онѣ далеко уступаютъ гробницамъ царей. Изъ нихъ выдѣляется гробница Маатъ-Нофру-Ра, жены Рамсеса II, урожденной хеттской царевны, съ поразительной по исполненію росписью, къ сожалѣнію, мѣстами пострадавшею. Гробница неглубока и состоитъ изъ двухъ залъ, лежащихъ одно ниже другой и соединенныхъ наклоннымъ коридоромъ. Во второмъ залѣ стоитъ саркофагъ; на стѣнѣ изображена въ различныхъ видахъ сама Нофру-Ра. Прекрасно сохранились фрески въ гробницѣ сына Рамсеса III (№ 55), лежащей тутъ же рядомъ съ гробницей Нефретере; недалеко отъ нихъ находится гробница Тити, жены Рамсеса III; она состоитъ изъ очень длиннаго коридора и зала, съ трехъ сторонъ котораго расположены неболь-

шія комнаты, въ одной изъ нихъ лежитъ мумія ребенка, — саркофага и муміи самой Тити на мѣстѣ нѣтъ. Росписи сохранились сравнительно хуже.

Становилось жарко. Пора было думать и о возвращеніи. Мы снова сѣли на ословъ и двинулись на востокъ. А вотъ и „Долина Смерти". Какое удивительно удачное названіе: здѣсь дѣйствительно нѣтъ жизни, здѣсь все мертво; кругомъ раскаленныя скалы, раскаленныя груды каменныхъ глыбъ, подъ ногами раскаленный песокъ, смѣшанный съ раскаленными же камнями, въ теченіе десятковъ вѣковъ лежащими безъ всякаго движенія, безъ пользы, а наверху надъ всѣмъ этимъ, въ самомъ зенитѣ, — палящее свѣтило, дающее жизнь, но здѣсь—источникъ смерти.

Сдѣлали небольшую остановку, чтобы дать работу кодакамъ, а затѣмъ двинулись дальше. Жара давала себя чувствовать, всѣ начали изнывать и всматриваться вдаль въ надеждѣ увидѣть Луксоръ. Наконецъ, показалась желанная всѣми полоса Нила, и утомленные ослы, уже безъ понуканій, прибавили шагъ, чувствуя скорый отдыхъ. Не было еще 12 часовъ, когда мы, утомленные, покрытые мелкой пылью, были уже у себя въ гостиницѣ и разбрелись по своимъ комнатамъ, чтобы переодѣться и взять ванну.

Къ часу мы снова собрались всѣ въ столовой къ завтраку, который быстро и весело прошелъ въ обмѣнѣ впечатлѣніями и за подтруниваніемъ надъ нашими *старичками*, которые не рѣшились совершить вмѣстѣ съ нами путешествіе въ Ѳивы, а предпочли провести все время въ тѣни на террасѣ гостиницы; впрочемъ, одинъ изъ нихъ, милѣйшій профессоръ Иванъ Андреевичъ Л-ко, провелъ время недаромъ: къ завтраку онъ явился съ стихотвореніемъ собственнаго сочиненія, въ которомъ старался высмѣять нашу компанію, а мы, защищаясь, отвѣчали ему тѣмъ же.

Вторую часть дня мы посвятили осмотру Карнака. Онъ настолько хорошъ, что его стоитъ посѣтить не одинъ разъ. Богъ знаетъ, удастся ли попасть еще разъ въ страну фараоновъ, а потому хочется вполнѣ насладиться его поразительными развалинами. Одна колонная зала въ храмѣ Амона стóитъ, чтобы ее посмотрѣть нѣсколько разъ.

## XI.

## Ѳивы.

„По прихоти гордой царицы
Здѣсь высѣченъ храмъ подъ горой:
Несчетныхъ столбовъ вереницы
Взмостились одна надъ другой;
Тѣнистые тянутся ходы,
Гдѣ свѣжестью въ зной обдаетъ;
Подъ капища тихіе своды
Таинственный сумракъ зоветъ".

*К. Р.*

Послѣдній день своего пребыванія въ Луксорѣ мы употребили на осмотръ остальныхъ памятниковъ, сохранившихся на западномъ берегу Нила, въ томъ же районѣ, который былъ занятъ Ѳивами.

На сѣверо-западной окраинѣ Ѳивъ, или вѣрнѣе ѳиванскаго некрополя, въ мѣстности, носящей арабское названіе Дэйръ-эль-Бахари (т.-е. сѣверный монастырь)*), въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтій Маріеттомъ и Навилемъ открытъ былъ древній храмъ, являющійся однимъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ Египта, а также и однимъ изъ древнѣйшихъ. Построенъ онъ около 1500 лѣтъ до нашей эры фараономъ-женщиной, Гатшопситу или, какъ обычно ее называютъ болѣе сокращенно, Хатасу, при чемъ святилище храма считается лѣтъ на 600 старше самого храма, для котораго оно послужило какъ бы образцомъ, но

*) Здѣсь дѣйствительно существовалъ коптскій христіанскій монастырь, устроенный надъ развалинами древняго египетскаго храма, построеннаго Хатасу.

который далеко затмилъ его, какъ по замыслу, такъ и по художественному выполненію.

Хатасу была дочерью Тутмеса I, сына Яхмоса I и Яхмосы, сестры бездѣтнаго Аменофиса I, сына того же Яхмоса I и Нефертиритъ. Дѣти Тутмеса отъ первой жены, царицы Яхмосы, всѣ умерли кромѣ одной Хатасу. Отъ второй жены, Мутнофретъ, Тутмесъ имѣлъ сына Тутмеса II, а отъ третьей, Исиды, сына, также Тутмеса III, бывшаго жрецомъ Амона; послѣдній былъ женатъ на своей сестрѣ Хатасу, съ которой они вмѣстѣ и царствовали.

Потомство Тутмеса I и составляетъ XVIII династію. Всѣ они были похоронены въ Бибонъ-эль-Молюкъ, при XX династіи (1200—1090 гг.), гробницы эти были разграблены, а при XXI (жреческая династія) царскія муміи были перенесены въ гробницы Дейръ-эль-Бахари и въ другія мѣста. Аменофисъ III, оставившій свое изображеніе въ видѣ знаменитыхъ колоссовъ Мемнона, былъ внукомъ Тутмеса III.

Храмъ Хатасу тянется въ длину на 250 метровъ и упирается въ скалистые утесы Ливійскаго хребта, въ которомъ высѣчены покои сѣвернаго и западнаго фасада. Отъ подошвы утеса почва уступами спускается въ равнину, доходящую до Нила. Храмъ этотъ является памятникомъ царствованія Хатасу и своимъ внѣшнимъ видомъ весьма отличается отъ другихъ храмовъ древняго Египта.

Храмъ былъ посвященъ Амону-Ра, Гаторъ и Анубису, но главнымъ лицомъ здѣсь, несомнѣнно, была его царственная строительница, доказательствомъ чего служатъ многочисленныя стѣнныя фрески, говорящія о ея рожденіи, короноваціи и подвигахъ, въ особенности о походѣ въ страну Пунтъ *), откуда были привезены тѣ благовонныя деревья, которыми были засажены террасы храма.

*) Страной Пунтъ египтяне называли юго-восточныя страны и въ особенности берега Чермнаго моря, Абиссиніи и Сомали, а также и Аравійскій берегъ Чермнаго моря. Изъ этихъ мѣстъ Египетъ получалъ благовонія, необходимыя при богослуженіи, страусовыя перья, слоновую кость, золото, шкуры леопардовъ и т. п. предметы. Сношенія Египта съ Пунтомъ начались съ древнѣйшихъ временъ и особенно развились при Гатшепсу. Жители этихъ странъ были родственными имъ по крови хамитами, но съ примѣсью негрской крови.

Храмъ Хатасу отличается по своей архитектурѣ отъ всѣхъ прочихъ храмовъ древняго Египта; здѣсь ясно чувствуется рука женщины, что такъ поэтично обрисовалъ все тотъ же Хиченсъ, который, несмотря на принадлежность свою къ холодной расчетливой расѣ, далъ цѣлый рядъ высоко поэтическихъ описаній Египта, которыя читаются съ высокимъ наслажденіемъ. „Здѣсь, говоритъ онъ, царствуетъ блестящая царица,—царица фантазіи и роскоши и той божественной легкой радости, которая господ-

Храмъ Хатасу.

ствуетъ въ Deir-el-Bahari. Хорошо знаетъ Hatshepsu, что дѣлала, когда построила себѣ здѣсь храмъ. Не можетъ же самъ Semut*), скучный и угрюмый, выбрать это мѣстоположеніе; это могла сдѣлать лишь умная, утонченная женщина.

Раньше чѣмъ посѣтить Дейръ-эль-Бахари, я смотрѣлъ на него издали. Уже само по себѣ мѣстоположеніе приковывало мой взглядъ. Я себя спрашивалъ: что означаютъ эти маленькія колонны и маленькія двери? Я предвкушалъ удовольствіе бывать тамъ, какъ предвкушаешь что-либо особенно вкусное въ заключеніе веселаго пиршества. И я уже заранѣе оцѣнилъ тонкое,

*) Придворный архитекторъ Хатасу и большой ея приверженецъ, пострадавшій послѣ смерти своей царственной покровительницы отъ мстительнаго Тутмеса III.

женское чутье, поставившее здѣсь, на этомъ мѣстѣ храмъ. Вы скажете, что еще раньше стоялъ тамъ храмъ, построенный Mentu-Hotep *); да, но и онъ, должно-быть, обладалъ особымъ женскимъ чутьемъ, или, быть-можетъ, постройками его руководила которая-нибудь изъ женъ или любимая рабыня. Грубый мужской умъ, вѣроятно, рѣшилъ бы, что лучшій способъ привлечь общее вниманіе къ какому-либо предмету, это—создать его въ гораздо большихъ размѣрахъ нежели все окружающее, поставить среди карликовъ великана.

Не то думала царица Hatshepsu. Гораздо болѣе искусная и тонкая, она воздвигла свой длинный, но маленькій храмъ прямо на обрывахъ Ливійскихъ горъ.

И что же получилось въ результатѣ? То, что каждый, взглянувъ туда, невольно спрашиваетъ себя, что это за маленькія колонны? А если обладаешь нѣкоторыми историческими познаніями, то думаешь о царицѣ Hatshepsu. Обрывы и пропасти утратили свое значеніе; они побѣждены капризомъ женщины. И тѣмъ не менѣе какъ они величественны! Я уже сказалъ, что эти скалистые обрывы напоминаютъ дикихъ звѣрей, тигровъ, рожденныхъ въ странѣ, которую можно назвать добычею солнца. Всѣ оттѣнки оранжеваго и желтаго то сверкаютъ, то блѣднѣютъ по возвышенностямъ и ущельямъ. Днемъ на солнцѣ скалы ихъ свѣтятся какъ яркое пламя. Они какъ бы скалятъ зубы, подобно тигру, когда вы къ нему приближаетесь. И какъ тигры они точно одержимы злымъ духомъ, который непрестанно сердится. Эти Ливійскіе обрывы какъ будто всегда въ огнѣ; они, какъ дикіе звѣри, вѣчно алчные, жадные, въ погонѣ за добычею. Но гнѣва ихъ не страшатся заново возстановленныя колонны абрикосоваго цвѣта, и мнѣ представляется, что гнѣвомъ этимъ тѣшится ловкая, изворотливая женщина. Еще меньше боятся его бѣлыя колонны и блестящія, расписанныя внутри, стѣны храма".

Годы царствованія Хатасу были одними изъ блестящихъ годовъ въ исторіи Египта, но ея преемники очень постарались о томъ, чтобы память о женщинѣ-фараонѣ не сохранилась и всячески старались уничтожить ея знаки и вычеркнули ее изъ списка царствовавшихъ фараоновъ. Современники же говорили,

*) Династія, имѣвшая свое пребываніе въ Ѳивахъ (XI-я).

что „она источала ароматъ божественной росы, ея благоуханіе проникало до Пунта, кожа ея была словно пропитана золотомъ и лицо ея блестѣло отъ благовоній наравнѣ съ звѣздами, въ праздничномъ залѣ, передъ лицомъ всей земли".

Интересны также слова Инени, придворнаго архитектора Тутмеса I, онъ говоритъ о ней, посдѣ характеристики Тутмеса III: „Его сестра, Божественная Супруга Хатшепсутъ, привела въ порядокъ дѣла Обѣихъ Странъ, согласно своимъ предначертаніямъ; Египетъ долженъ былъ, склонивъ голову, работать для нея, совершеннаго сѣмени бога, происшедшаго отъ него. Носовой канатъ Юга, причалъ южанъ, отмѣнный кормовой канатъ Сѣверной Страны—такова она, повелительница, чьи замыслы совершенны, удовлетворяющая Обѣ Области, когда она говоритъ".

Муміи царицы пока еще не найдено, возможно, что она и лежитъ гдѣ-нибудь въ музеѣ, никѣмъ не узнанная и значащаяся подъ ничего не говорящимъ очереднымъ номеромъ каталога.

Къ востоку отъ храма царицы Хатасу, ближе къ Нилу, близъ Курны, лежитъ храмъ-усыпальница Сетоса I, фараона XIX династіи, сына ея основателя Рамсеса.

Сетосъ I оставилъ много памятниковъ своего строительства, которыя мы видимъ въ Карнакѣ, Луксорѣ, Абидосѣ *), Мемфисѣ и Нубіи. На стѣнахъ, построенныхъ имъ храмовъ, этотъ фараонъ увѣковѣчилъ свои походы въ Сирію, борьбу съ хетами. Храмъ близъ Курны былъ посвященъ Амону, этому любимому богу Ѳивъ, вполнѣ же законченъ и украшенъ рельефами и надписями онъ былъ Рамсесомъ II. Отъ храма сохранилось лишь святилище, съ примыкающими къ нему залами.

Первоначально храмъ имѣлъ около 158 метровъ въ длину, теперь же осталось всего 47, пилонъ и дворы не сохранились.

На портикѣ, потолокъ котораго поддерживается теперь 8 колоннами, сохранилась надпись, посвященная Рамсесу II, на внутренней стѣнѣ, налѣво отъ двери, помѣщены гербы Верхняго Египта, направо Нижняго. Черезъ центральную дверь портика входишь

*) Абидосъ, который намъ посѣтить не удалось, это древнѣйшій городъ Египта, игравшій значительную роль еще во времена первой династіи, т.-е. приблизительно за 3400 лѣтъ до нашей эры. Тамъ весьма интересные храмы Сетоса I и Рамсеса II. Абидосъ стоитъ на лѣвомъ берегу Нила, на половинѣ пути между Каиромъ и Ассуаномъ.

въ залъ съ шестью папирусообразными колоннами; на плитахъ центральнаго пролета изображенъ крылатый солнечный дискъ, ястребъ съ распростертыми крыльями и картуши Сетоса I. Барельефы изображаютъ Сетоса и Рамсеса II, приносящихъ жертвы. Въ трехъ сохранившихся боковыхъ комнатахъ на стѣнахъ изображенъ фараонъ въ различныхъ видахъ. Съ лѣвой стороны—зала, посвященная Рамсесу I, съ правой—Рамсесу II. Задняя часть храма лежитъ въ развалинахъ.

Рамессеумъ.

На юго-западъ отъ храма Сетоса I лежитъ т.-н. Рамессеумъ. Это храмъ, построенный Рамсесомъ II и посвященный все тому же Амону. Вы входите черезъ пилонъ, очень пострадавшій, въ совершенно разрушенный дворъ, отъ котораго сохранилась лишь часть западной стѣны, около которой лежатъ обломки колоссальной статуи Рамсеса II*), за первымъ дворомъ идетъ второй болѣе

*) Эта статуя имѣла въ вышину семнадцать съ половиной метровъ, а вѣсъ ея опредѣляютъ приблизительно около шестидесяти тысячъ пудовъ. Нужно удивляться не только искусству египтянъ, сумѣвшихъ при своихъ, надо думать, примитивныхъ техническихъ знаніяхъ управляться съ подобной громадиной, но не менѣе удивительна и работа тѣхъ, которые нашли нужнымъ разбить этотъ колоссъ.

сохранившійся. Согласно описанію древнихъ писателей, дворъ этотъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ двойными портиками съ колоннами, отъ которыхъ съ каждой стороны теперь сохранилось лишь по четыре колонны; всѣ онѣ украшены изображеніями Рамсеса II. На сохранившейся части наружной стѣны видны интересные рельефы, сохранившіе еще свою окраску. Между прочимъ, изображенъ самъ Рамсесъ, который мчится на боевой колесницѣ и поражаетъ хеттовъ *), изображены сцены различныхъ празднествъ, процессіи жрецовъ и т. п. Второй дворъ былъ также украшенъ колоссальными статуями фараона. Три лѣстницы, изъ которыхъ одна сохранилась, вели въ вестибюль, отъ стѣны котораго сохранилась только южная часть, украшенная барельефами. Внизу изображены одиннадцать сыновей Рамсеса, посрединѣ изображенія самого Рамсеса. Къ вестибюлю примыкаетъ большой залъ съ колоннами, куда ведутъ три двери. Онъ состоитъ, наподобіе Карнакскаго, изъ трехъ частей, при чемъ средняя болѣе возвышенная составляетъ какъ бы проходъ съ отчасти сохранившимся потолкомъ, лежащимъ на колоннахъ. На колоннахъ изображенія Рамсеса. Налѣво отъ входа сохранился интересный рельефъ, изображающій взятіе египтянами хеттской крѣпости. Къ большому залу примыкаетъ еще маленькій залъ съ 8 колоннами; онъ хорошо сохранился, стѣны его украшены астрономическими фигурами и изображеніями Рамсеса.

Рамессеумъ считается однимъ изъ лучшихъ храмовъ древняго Египта, и Шамполіонъ говоритъ о его колонномъ залѣ, что онъ „благородною элегантностью своихъ формъ способенъ очаровать каждаго, даже предубѣжденнаго противъ всего, что не вышло изъ рукъ грековъ или римлянъ“. „Въ Рамессеумѣ,—говоритъ Хиченсъ,—царитъ мягкое, легкое дуновеніе воздуха. Здѣсь Зефиръ любовно шепчется съ Флорою, воплощенной въ лотусѣ. Развалины раскрываютъ свои объятія каждому солнечному лучу, всякому малѣйшему вѣтерку. Они прославляютъ синее небо, блестящій, сыпучій песокъ, природу въ полной красѣ, все то, что произноситъ шопотомъ слово: свобода“.

Почти на западъ отъ Рамессеума лежитъ группа храмовъ,

*) Впослѣдствіи, послѣ окончанія войны съ хеттами, Рамсесъ женился на хеттской царевнѣ, дочери Хетасара, получившей въ Египтѣ имя Маатъ-нефру-Ра, т.-е. Видящая красоту Ра.

извѣстная подъ именемъ Мединетъ-Абу *). Группа эта состоитъ изъ двухъ частей, одна изъ нихъ построена фараонами XVIII династіи, а вторая—Рамсесомъ III (XX династія). Храмъ XVIII династіи начатъ былъ при Хатасу и Тутмесѣ III и законченъ уже вторымъ изъ нихъ послѣ смерти знаменитой его жены. Въ древнѣйшихъ залахъ изображенія и надписи Хатасу были уничтожены при ея преемникахъ, изображенія же и имена боговъ, испорченныя при Аменофисѣ IV, произведшемъ въ Египтѣ рели-

Мединетъ-Абу.

гіозную революцію и уничтожившемъ культъ Амона, были возстановлены при Харемхебѣ (1350—1315 гг.) и Сетосѣ I (до 1292 г.). Сохранились изображенія Тутмеса III, приносящаго жертвы, на колоннахъ видны надписи Харемхеба, Сетоса и Пинотема (XXI династіи, жреческой). Имѣются и болѣе позднія пристройки, сдѣланныя уже при Птоломеяхъ. Интересенъ рельефъ, изображающій фараона Тахарка (XXV династіи, 688—663 гг.), схватившаго за волосы своихъ враговъ и поражающаго ихъ. Между первымъ и вторымъ пилонами маленькій дворикъ Некта-

*) Мединетъ-Абу—городъ, существовавшій еще въ V вѣкѣ послѣ Р. Х., развалины его видны еще и теперь, на томъ же мѣстѣ, гдѣ находятся и остатки древнихъ храмовъ.

неба (XXX династіи, 358—341 гг.) *), имѣвшій съ двухъ сторонъ по четыре колонны и съ восточной стороны закрытый порталомъ, съ восточной стороны котораго стоитъ большой пилонъ, воздвигнутый при Птоломеяхъ изъ матеріаловъ, взятыхъ изъ древнихъ построекъ, главнымъ образомъ, изъ Рамессеума. На центральномъ порталѣ изображены Птоломей X, Сотеръ II и Птоломей XIII (1-й вѣкъ до Р. Х.).

Мединетъ - Абу.

Рядомъ съ храмомъ XVIII династіи лежитъ такъ-называемый павильонъ Рамсеса III, который служилъ для временнаго пребыванія фараоновъ. Двѣ высокія башни на восточной сторонѣ прикрываютъ сбоку узкій дворикъ, который затѣмъ еще болѣе суживается. Сзади эта постройка соединена съ центральнымъ зданіемъ. Надъ фасадомъ башенъ изображенъ фараонъ, въ одномъ мѣстѣ онъ потрясаетъ надъ своими врагами палицею, около него семь скованныхъ принцевъ, изображающихъ покоренные Рамсесомъ III народы; въ другомъ онъ приноситъ въ жертву Амонъ-Ра нубійскихъ и ливійскихъ плѣнниковъ. Во дворѣ, между двумя башнями, стоятъ двѣ статуи изъ чернаго гранита богини Сек-

*) Послѣдній египетскій фараонъ, при которомъ Египетъ былъ завоеванъ персами, а затѣмъ на древнемъ престолѣ фараоновъ водворяется династія Птоломеевъ.

метъ *). Центральное зданіе имѣетъ три этажа, въ которыхъ отчасти сохранились рельефы, на которыхъ изображенъ фараонъ въ своемъ гаремѣ. Нѣсколько въ сторонѣ стоитъ гробница Өивской царевны Аменертаисъ, современницы Псаметиха I (663—609 гг., XXVI династія).

Къ сѣверо-востоку отъ этихъ построекъ стоитъ большой храмъ Рамсеса III, построенный по образцу Рамессеума и посвященный Амону. На правомъ пилонѣ, составляющемъ фасадъ храма, изображенъ Рамсесъ III, схватившій за волосы своихъ враговъ, а стоящій здѣсь же Амонъ протягиваетъ ему серповидный мечъ и подводитъ къ нему побѣжденные народы; налѣво, между двумя впадинами, предназначавшимися для мачтъ, такое же изображеніе, но меньшихъ размѣровъ, и подъ нимъ надпись, говорящая о побѣдахъ надъ ливійцами, совсѣмъ же внизу изображенъ сидящій Амонъ, за нимъ стоитъ богъ Пта, передъ нимъ колѣнопреклоненный Рамсесъ. За первымъ пилономъ идетъ дворъ, по сторонамъ котораго портики, правый поддерживается семью четыреугольными колоннами, у внѣшней стороны которыхъ стоятъ статуи фараона; лѣвый портикъ лежитъ на восьми папирусообразныхъ колоннахъ. Задняя часть перваго пилона вся покрыта картинами, изображающими походы Рамсеса; такими же картинами покрыты и стѣны обоихъ портиковъ. Передняя сторона второго пилона особенно интересна изображенными на ней событіями изъ царствованія Рамсеса; черезъ этотъ пилонъ вы проходите во второй дворъ, который очень похожъ на второй же дворъ Рамессеума, но лучше того сохранился. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ портиками, на колоннахъ которыхъ изображенъ Рамсесъ, приносящій жертву богамъ. Рельефы на стѣнахъ и въ глубинѣ портиковъ изображаютъ различныя событія изъ жизни Рамсеса, религіозныя празднества, войны, торжественные выходы царя, котораго несутъ на тронѣ подъ балдахиномъ, шествія жрецовъ, тріумфъ царя при возвращеніи съ похода противъ ливійцевъ, и т. п.

Слѣдующіе залы почти разрушены, стѣны были также украшены рельефами, изображавшими тѣ же подвиги Рамсеса.

Стѣнопись Мединетъ-Абу особенно интересна тѣмъ, что это

*) Богиня войны изображается съ львиной головой.

единственное мѣсто, которое даетъ намъ представленіе о жилищахъ фараоновъ и рисуетъ намъ ихъ въ болѣе обычной обстановкѣ, чѣмъ это сдѣлано въ гробницахъ. Храмъ Рамсеса является памятникомъ своего царственнаго строителя, такъ же, какъ Рамессеумъ — памятникомъ Рамсеса II; здѣсь проходитъ передъ нами все долгое царствованіе этого фараона (32 года), являющагося однимъ изъ выдающихся владыкъ Египта и послѣднимъ крупнымъ фараономъ такъ-наз. Новаго царства *). Первыя двѣнадцать лѣтъ Рамсесъ провелъ въ войнахъ съ сосѣдями, при чемъ ему пришлось вести войну оборонительную; особенно упорна была война съ ливійцами, сценами изъ которой богато украшены, какъ мы видѣли, стѣны Мединетъ-Абу.

Остальныя 20 лѣтъ царствованія прошли спокойно и Рамсесъ былъ занятъ внутреннимъ устроеніемъ своей страны и накопленіемъ богатствъ. Вотъ что говоритъ отъ лица самого Рамсеса одинъ изъ дошедшихъ до насъ папирусовъ его времени: „Я засадилъ всю землю деревьями и кустами; я далъ возможность жителямъ сидѣть подъ ихъ тѣнью; я сдѣлалъ возможнымъ для женскаго пола идти куда угодно съ поднятымъ покрываломъ и не подвергаться оскорбленіямъ постороннихъ на пути. Я заставилъ пѣхоту и конницу во дни мои сидѣть по деревнямъ безъ дѣла; нѣтъ болѣе страха, нѣтъ непріятеля изъ Куша, нѣтъ враговъ изъ Сиріи. Луки и оружіе мирно лежатъ въ кладовыхъ. Люди сыты и напоены; ихъ жены съ ними, ихъ дѣти при нихъ; они не оглядываются (съ боязнью) назадъ; сердца ихъ довольны; я ихъ защитникъ, я питаю всю землю, извлекаю каждаго изъ дурного положенія и спасаю отъ сильнаго“.

Похороненъ Рамсесъ III, какъ мы знаемъ, въ Бибанъ-эль-Мулюкъ, мумія же хранится въ каирскомъ музеѣ. Послѣ его смерти могущество Египта падаетъ, такъ какъ управленіе страной въ теченіе почти цѣлаго столѣтія находилось въ рукахъ цѣлаго ряда ничтожныхъ фараоновъ—Рамсесовъ IV—XII, постепенно утерявшихъ власть, перешедшую въ руки главныхъ жрецовъ храма Амона въ Ѳивахъ, а черезъ 150 лѣтъ послѣ смерти послѣдняго Рамсеса египетскій престолъ занялъ Шешонка, происходившій

*) Новое царство начинается съ фараона Амосиса, основателя XVII династіи, царствовавшаго въ 1580—1557 гг. до Р. Х.; возможно, что при немъ произошелъ исходъ евреевъ изъ Египта.

изъ ливійской семьи *), т.-е. принадлежавшій къ тому народу, съ которымъ такъ много пришлось воевать Египту. При его ближайшихъ преемникахъ Египетъ явно идетъ къ распаду, только не надолго, — при Псаметихѣ I **), основателѣ XXVI династіи, значеніе Египта вновь возрастаетъ и начинается новый періодъ исторіи, называемый въ наукѣ временемъ реставраціи или Египетскаго возрожденія. Это была послѣдняя вспышка прежняго величія, могущества и блеска. Въ это же время въ Египтѣ возникаетъ культъ животныхъ и страна начинаетъ покрываться кладбищами кошекъ, обезьянъ, кобчиковъ, которыхъ бальзамируютъ, кладутъ въ роскошные саркофаги; пышно расцвѣтаетъ культъ Аписа, гробницы которыхъ въ Мемфисѣ дошли до нашего времени. Двадцать шестая династія просуществовала не долго, всего около 140 лѣтъ,—при Псаметихѣ III, въ 525 г. до Р. Х, Египетъ былъ завоеванъ персами и становится сатрапіей Камбиза. Послѣ смерти Дарія II на Египетскомъ престолѣ вновь появляется туземная династія, но черезъ 70 лѣтъ, въ 332 г. до Р. Х, Египетъ завоевывается Александромъ Великимъ и съ тѣхъ поръ, вплоть до нашихъ дней, управляется государями уже не египетскаго происхожденія, такъ что исполнилось въ буквальномъ смыслѣ пророчество: „Изъ земли Египетской не будетъ уже властителя".

Осмотромъ Мединетъ-Абу мы закончили осмотръ памятниковъ Египта, которые входили въ нашъ планъ. Конечно, это было далеко не все, что стóитъ осмотрѣть, такъ какъ мы не видѣли Эдфу, Абидоса, Дендера, Комъ Омбо, но и того, что намъ удалось повидать, вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о быломъ величіи Египта, чтобы проникнуться уваженіемъ къ тѣмъ поколѣніямъ людей, которые могли созидать такіе памятники, развалины которыхъ поражаютъ человѣчество черезъ цѣлыя тысячелѣтія.

---

*) Шешонка, основатель двадцать второй династіи, былъ начальникомъ наемныхъ ливійскихъ войскъ; его сынъ, Осорконъ I, былъ женатъ на дочери послѣдняго царя XXI династіи. Послѣдовательно три династіи, XXII, XXIII и XXIV, были ливійскаго происхожденія.

**) Происходилъ изъ Саисскихъ князей, т.-е. князей Нижняго Египта (Дельты).

Видъ одного изъ Принцевыхъ острововъ.

## XII.

## Возвращеніе.

„Алѣетъ Нилъ румянымъ блескомъ...
Длиннѣе тѣни пирамидъ...
Багряный валъ лѣнивымъ плескомъ
Съ прибрежной пальмой говоритъ".

Передъ вечеромъ мы покинули Луксоръ, на прощаніе съ которымъ не могу не привести словъ все того же чуднаго Роберта Хиченса: „Не много существуетъ на свѣтѣ такихъ мѣстъ, съ которыми связывалось бы представленіе о сіяющемъ счастьѣ, о которыхъ вспоминаешь съ улыбкою, съ замираніемъ сердца, говоря себѣ: „тамъ обитаетъ свѣтлая радость". Къ этимъ рѣдкимъ мѣстамъ принадлежитъ Луксоръ, царство солнечнаго свѣта, тепла, золотыхъ закатовъ и серебристыхъ ночей, гдѣ пѣсни лодочниковъ тихо поднимаются отъ рѣки къ Ѳивамъ—къ развалинамъ и могиламъ. Въ Луксорѣ розы цвѣтутъ подъ могучими пальмами; бѣлокрылые паруса тихо плывутъ по Нилу, и кажется, будто они несутъ обѣщаніе еще новыхъ золотыхъ дней. На разсвѣтѣ просыпаешься съ надеждою въ сердцѣ и прислушиваешься къ пѣснямъ утренней зари; въ полдень снится то счастіе, которое васъ ждетъ впереди; при закатѣ солнца уносишься въ самую глубь волшебнаго, золотого міра, а ночью всматриваешься въ звѣзды и каждая звѣзда свѣтитъ какъ бы мерцающей надеждою. Воздухъ въ

Луксорѣ мягкій, ласкающій и нѣтъ ничего рѣзкаго въ вѣтеркѣ, который шелеститъ пальмовыми листьми. Вся страна какъ бы пропитана свѣтомъ. Съ сожалѣніемъ покидаешь Луксоръ и радостно, легкою поступью, какъ тѣ танцующія фигуры на стѣнѣ, опять къ нему возвращаешься".

Къ этимъ поэтическимъ словамъ удивительнаго англичанина трудно еще что-нибудь добавить и во всякомъ случаѣ, при всемъ стараніи, ничего лучшаго не скажешь, почему я и заканчиваю ими свои луксорскія впечатлѣнія.

На другое утро, около 8 часовъ, мы были уже въ нашемъ миломъ Каирѣ. У подъѣзда гостиницы насъ встрѣтилъ тотъ же чистенькій полисмэнъ, которому мы съ дочерью постоянно портили настроеніе, но который оказался незлопамятнымъ и сейчасъ же узналъ насъ и съ улыбкой козырнулъ. Въ гостиницѣ насъ ожидала масса писемъ, полученныхъ за время нашего отсутствія *).

Все утро, до завтрака, ушло на приведеніе себя въ порядокъ послѣ, хотя и въ высшей степени интереснаго, но все же и весьма утомительнаго и, прибавлю, пыльнаго путешествія. Часа въ три мы отправились на Базаръ покупать подарки для Россіи, что и исполнили довольно успѣшно, при помощи все того же незамѣнимаго Ахмета. Накупили различныхъ восточныхъ вышивокъ въ видѣ шарфовъ, платковъ, подушекъ, пахучихъ коробочекъ и т. п., купили также нѣсколько мѣдныхъ чеканныхъ вещей, что является одною изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, и въ томъ числѣ, конечно, кофейникъ для варки кофе по турецкому способу (теперь это, впрочемъ, считается непатріотичнымъ, почему турецкій кофе переименовали въ греческій, что я считаю еще хуже, несмотря на нейтральность этой „благородной" страны) и всякихъ мелкихъ серебряныхъ бездѣлушекъ: открывающихся мумій, скарабеевъ, ключей жизни, Моисеевъ въ корзинкѣ и т. п. дребедени.

Вечеромъ, послѣ обѣда, я рѣшилъ поѣхать еще разъ къ

---

*) Наша поѣздка въ Верхній Египетъ заняла полторы недѣли, что вполнѣ достаточно, если не возвращаться по Нилу и не осматривать храмовъ въ Эсне, Эдфу—иначе времени потребуется нѣсколько больше, но для этого необходимо дѣлать эту поѣздку не такъ поздно, какъ совершали ее мы, такъ какъ она зависитъ отъ уровня воды въ Нилѣ.

Сфинксу; мнѣ захотѣлось посмотрѣть на него еще и при лунномъ освѣщеніи. Я предполагалъ, что при этомъ освѣщеніи онъ еще больше будетъ очаровывать и вообще произведетъ еще большее впечатлѣніе, въ чемъ и не ошибся.

Подошли мы Сфинксу, когда послѣдніе лучи солнца освѣщали вершину пирамиды Хеопса, Сфинксъ же скрывался въ спускавшихся уже ночныхъ тѣняхъ. Въ ожиданіи появленія луны я устроился на одномъ изъ его выступовъ. Наступила темная южная ночь, миріады звѣздъ загорѣлись на темномъ небосклонѣ, звѣздъ, которыя видѣли созданіе пирамидъ, присутствовали при возникновеніи старика Сфинкса, видѣли ихъ величіе и могли бы многое повѣдать человѣчеству о жизни тѣхъ, которые воздвигали все это, желая бросить свои имена грядущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ, въ надеждѣ на вѣчную славу и память. Но случилось не то, что они искали, на что они надѣялись: имена ихъ большею частью забыты и забыты также ихъ дѣянія, стоятъ только эти грандіозные, но безмолвные памятники ихъ былой, теперь забытой всѣми, славы и служатъ развлеченіемъ праздныхъ туристамъ и доходной статьей мѣстнымъ арабамъ.

Такъ въ этомъ мірѣ все преходяще, ничто не вѣчно, вѣченъ только одинъ духъ, который двигаетъ всѣмъ, создаетъ все и который переживаетъ всѣ созданія человѣчества, переживаетъ всѣ міры, наполняющіе вселенную...

На смѣну жаркаго дня наступила прохладная ночь, я закутался въ пледъ и сталъ всматриваться въ таинственный сумракъ ночи. Глубокая тишина охватила дремлющую пустыню, ничто не нарушало покоя, только Сфинксъ, вѣроятно, продолжалъ глядѣть сквозь этотъ непроницаемый покровъ ночи и думалъ свою тысячелѣтнюю думу. Показались признаки скораго появленія луны: небо въ одномъ мѣстѣ начало свѣтлѣть, звѣзды теряли свою яркость, наконецъ появился и дискъ луны и сразу залилъ голубымъ свѣтомъ и пустыню, и пирамиды, и всю гигантскую фигуру Сфинкса.

Вдругъ два снопа ослѣпительнаго свѣта точно брызнули изъ обоихъ глазъ Сфинкса, и одновременно съ этимъ мнѣ почудились какіе-то звуки, исходившіе будто бы изъ его нѣдръ; я припалъ къ его груди и сталъ прислушиваться—дѣйствительно, шумъ исходилъ изъ него. Я замеръ. Шумъ все увеличивался. Я сталъ

различать пѣніе, вначалѣ тихое, затѣмъ все громче и громче, казалось—оно приближалось; затѣмъ оно сдѣлалось настолько громкимъ и отчетливымъ, что мнѣ стало совершенно ясно, что поющіе вышли уже изъ Сфинкса и поютъ на открытомъ воздухѣ. Вдругъ показалось шествіе. Я приникъ къ туловищу Сфинкса, стараясь быть въ тѣни, чтобы не выдать своего присутствія. Происходило что-то необычное. Впереди шли жрецы, которые на богато убранныхъ носилкахъ несли какую-то золотую статую. Всѣ были въ древне-египетскихъ одеждахъ; вслѣдъ за жрецами шли мужчины и женщины въ богатыхъ одѣяніяхъ, залитыхъ драгоцѣнными камнями, головы ихъ были украшены золотыми обручами, съ подымающеюся впереди головою змѣи; за ними шла большая толпа въ болѣе скромныхъ одеждахъ, съ клафтами (головной уборъ древнихъ египтянъ нецарственнаго происхожденія) на головахъ.

Жрецы остановились передъ Сфинксомъ и поставили статую на пьедесталъ; вокругъ появились жертвенники, заклубился ѳиміамъ, и скоро ароматическіе клубы дыма совершенно скрыли статую. Вся толпа простерлась ницъ, а женщины опять запѣли. Онѣ пѣли на древнемъ египетскомъ языкѣ, но странно—я понималъ все отъ перваго слова до послѣдняго. Постепенно къ женщинамъ присоединились всѣ присутствующіе; они оплакивали прошлое величіе Египта, оплакивали своихъ боговъ. Волны густой, но величественнной мелодіи, казалось, наполнили весь міръ и поднимались въ горнюю высь—къ престолу Творца всей вселенной, къ Творцу всего живого и всего живущаго. Эти представители древняго Египта, казалось, хотѣли въ своемъ пѣснопѣніи высказать отцу своему небесному все свое необъятное горе, горе всей великой страны, потерявшей свою свободу, потерявшей свою религію и принужденную покориться пришельцамъ, принесшимъ ей и свою культуру и своихъ боговъ и наложившихъ на все тяжелыя цѣпи рабства, хотѣли высказать о тѣхъ страданіяхъ, которыя переживаетъ народъ египетскій подъ тяжелымъ бременемъ чужеземнаго ига. Постепенно мелодія дѣлалась торжественнѣй — началось славословіе, говорилось о справедливости и милосердіи Царя царей, видящаго все, что испытываетъ страна и народъ, затѣмъ все перешло въ мольбу о прощеніи за всѣ тѣ грѣхи, которые навлекли такую тяжелую кару, продолжавшуюся уже цѣлый рядъ вѣковъ.

Все закончилось могучимъ аккордомъ звуковъ, которые расходились мягкими волнами и замирали въ пескахъ пустыни.

Въ это время до моего плеча кто-то дотронуся, я съ трудомъ открылъ глаза—передо мной стоялъ Ахметъ, а луна была уже высоко надъ горизонтомъ. Оказывается, я крѣпко уснулъ и не отзывался даже на энергичные оклики Ахмета.

Съ сожалѣніемъ поднялся я и, находясь все еще подъ впечатлѣніемъ видѣннаго удивительнаго сна, молча и нехотя послѣдовалъ за Ахметомъ, которымъ первый разъ за все время я былъ недоволенъ. Трамвай отъ пирамидъ уже не ходилъ, пришлось возвращаться на тряской, мало поэтичной, ослиной спинѣ.

Весь слѣдующій день до обѣда мы употребили на поѣздку въ Хелуанъ—это небольшой искусственный оазисъ въ 27 километрахъ отъ Каира, которые вы проѣзжаете по желѣзной дорогѣ въ 35 минутъ, при чемъ поѣзда отходятъ каждые полчаса, а всего въ теченіе дня изъ Каира въ Хелуанъ отходитъ болѣе тридцати поѣздовъ.

Лежитъ Хелуанъ на восточномъ берегу Нила, приблизительно въ разстояніи пяти километровъ отъ рѣки; извѣстенъ онъ своими сѣрными и соляными источниками, которыми пользовались египтяне еще во времена глубокой древности. Въ теперешній видъ вполнѣ благоустроеннаго курорта онъ приведенъ при хедивѣ Измаилѣ и сынѣ его Тевфикѣ, въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ. Чудный климатъ Хелуана (январь, самый холодный мѣсяцъ, имѣетъ $12^0$ по Цельсію средней тепературы) привлекаетъ массу иностранцевъ и въ томъ числѣ немалое количество русскихъ, для которыхъ имѣется даже и русская гостиница. Хорошенькій городокъ (имѣетъ восемь тысячъ постояннаго населенія) произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе.

Послѣдній нашъ день прошелъ въ прощаніи съ Каиромъ, мы бродили по арабской и европейской частямъ безъ всякаго плана, безъ цѣли—грустные отъ мысли, что завтра мы уже покинемъ этотъ дивный край, гдѣ „невѣдомо ненастье“, страну безоблачныхъ небесъ.

Между прочимъ зашли мы и въ музей, чтобы, взглянуть на муміи тѣхъ фараоновъ, гробницы которыхъ посѣтили въ Ѳиванскомъ некрополѣ и чьими сооруженіями любовались на всемъ пространствѣ, отъ Каира до Нубіи; всматривался я и въ неиз-

вѣстныя муміи, стараясь проникнуть въ ихъ таинственный обликъ, хотѣлось угадать въ одной изъ нихъ останки поэтической Хатасу, фараона-женщины, строительницы храма у подножія скалистаго Ливійскаго хребета. Но тщетно, ничто не подсказывало мнѣ желаннаго отвѣта, муміи лежали передо мной въ своемъ тысячелѣтнемъ снѣ, попрежнему таинственныя, попрежнему безмолвныя.

Изъ Каира мы выѣхали рано утромъ и въ тотъ же день въ Александріи сѣли на русскій пароходъ „Александръ III“, одно-

Башня Леандра въ Геллеспонтѣ.

типный съ „Николаемъ I“. Насъ провожалъ Ахметъ, принесшій на пороходъ большой букетъ чудныхъ розъ для дочери, а для меня древній амулетъ, насчитывающій около трехъ тысячъ лѣтъ своего существованія.

Около 5-ти часовъ дня мы вышли изъ Александрійскаго порта и покинули Египетъ, въ которомъ пробыли три недѣли и которыя навсегда останутся въ нашей памяти. Я лично въ Египтѣ былъ второй разъ и скажу, что онъ и во второй разъ произвелъ на меня огромное впечатлѣніе, съ тою только разницей, что этотъ разъ я могъ болѣе отдать себѣ отчетъ и разобраться во всемъ мною видѣнномъ, чѣмъ это было въ первый разъ, когда я былъ прямо-таки подавленъ грандіозностью всего видѣннаго.

Возвращались мы тѣмъ же путемъ, какъ и ѣхали туда, т.-е. Пирей, гдѣ мы, конечно, посѣтили опять Акрополь, Смирну, въ которой мы на этотъ разъ ограничились лишь прогулкой по на-

Босфоръ.

бережной и, конечно, выпили въ одномъ изъ многочисленныхъ кафе турецкаго кофе. Въ Константинополѣ пароходъ стоялъ опять двое сутокъ, опять передъ нами прошла чудная панорама Золотого Рога, св. Софія, Базаръ.

Такъ какъ одинъ изъ дней пришелся на воскресенье (Вербное), то мы отправились къ обѣднѣ въ русскую посольскую церковь, довольно-таки непрезентабельную и находящуюся чуть ли не на чердакѣ посольскаго дворца, откуда отправились завтракать къ директору нашему археологическаго института Ѳ. И. Успенскому, который много разсказывалъ о своей долгой жизни въ Константинополѣ, о своихъ раскопкахъ и работахъ по исторіи Византіи. Никто изъ насъ тогда не могъ предполагать, чтъ черезъ какіенибудь 3—4 мѣсяца всѣ эти работы неожиданно оборвутся и начнется новая, безконечная по счету, но дай Богъ, чтобы послѣдняя война Россіи съ османами.

Отъ Россіи насъ отдѣляло все еще не менѣе 28—30 часовъ морского пути, но близость ея давала уже себя чувствовать — еще такъ недавно мы видѣли голубое небо, яркое солнце, бѣлые костюмы, бѣлые шлемы, а тутъ, несмотря на то, что уже было 30 марта по старому стилю, было, какъ отмѣчено въ моей записной книжкѣ, „холодно, сильный вѣтеръ, дождь“, и это было на берегахъ Босфора; что же хорошаго могло насъ ожидать при возвращеніи на родину, и дѣйствительно, чѣмъ ближе подвигались мы къ Москвѣ, тѣмъ становилось отвратительнѣй, кое-гдѣ лежалъ еще снѣгъ и было довольно-таки свѣжо.

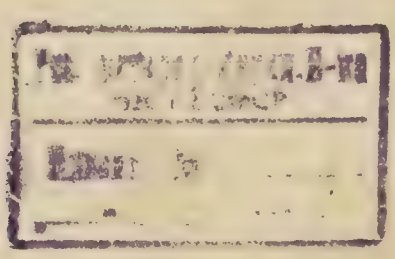
Чѣмъ же мнѣ закончить мои воспоминанія объ этой поѣздкѣ?

Прошло уже полтора года послѣ того, какъ я посѣтилъ эту „родину чудесъ“, и мое путешестіе кажется мнѣ далекимъ, дивнымъ сномъ, въ родѣ того, который я видѣлъ въ лунную ночь у подножія стараго Сфинкса. Какъ въ калейдоскопѣ проходятъ передо мной всѣ эти пирамиды, храмы, гробницы, колоссальныя статуи фараоновъ, озаренныя свѣтло-розовымъ свѣтомъ Египта. Еще и теперь, въ часы послѣобѣденныхъ сумерекъ, встаютъ передо мной поэтическіе образы Исиды, Гаторъ, Хатасу... Въ тиши моего кабинета мнѣ слышится ихъ тихій шопотъ, сливающійся съ ласковымъ шелестомъ опахалъ, мнѣ чудится запахъ ихъ бла-

говоній, привезенныхъ изъ страны Пунтъ, и мнѣ остается повторить лишь слова царственнаго поэта:

„Кто вынесъ эти впечатлѣнья,
Кто въ томъ краю хоть день прожилъ,
Тотъ будетъ помнить тихій Нилъ
И знойной Нубіи селенья".

Мѣстность на Босфорѣ.



1-5012